

Тернопільський національний педагогічний університет
імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)
Університет Яна Кохановського в Кельцах (ПОЛЬЩА)

Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (UKRAINE)
Jan Kochanowski University in Kielce (POLAND)

ISSN 2307-1222

STUDIA METHODOLOGICA

Випуск 47, зима 2018 року
Заснований 1993 року

Issue 47, Winter 2018
Founded in 1993

Тернопіль-Кельце / Ternopil-Kielce
2018

STUDIA METHODOLOGICA

ISSN 2307-1222

EDITORS-IN-CHIEF

Prof. Dr hab. OKSANA LABASHCHUK Department of Theory and Methods of the Ukrainian and World literature,
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (UKRAINE)

Prof. dr hab. OLEG LESZCZAK Institute of Foreign Philology Jan Kochanowski University
in Kielce (POLAND)

EXECUTIVE EDITOR

Dr. YURY ZAVADSKY Krok Publishers, Ternopil (UKRAINE)

EDITORIAL BOARD:

Prof. dr hab. LYUBOV STRUHANETS Head of the Department of the Ukrainian Language and Methods of Teaching,
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (UKRAINE)

Prof. dr hab. NATALIYA POPLAVSKA Head of the Department of Journalism, Ternopil Volodymyr Hnatiuk National
Pedagogical University (UKRAINE)

Prof. dr hab. OLHA KUTSA Department of Theory and Methods of the Ukrainian and World literature, Ternopil
Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (UKRAINE)

Prof. dr hab. MYKOLA TKACHUK Head of Department of Theory and Methods of the Ukrainian and World
literature, Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (UKRAINE)

Prof. dr hab. JANUSZ DETKA Jan Kochanowski University in Kielce (POLAND)

Prof. dr hab. MAREK RUSZKOWSKI Jan Kochanowski University in Kielce (POLAND)

Prof. dr hab. ELEONORA LASSAN Vilnius University (LITHUANIA)

Prof. dr hab. VLADIMIR ZAIKA Department of Russian Language, Yaroslav Mudryi State
University of Novgorod (RUSSIA)

Prof. dr hab. ALEKSANDR GLOTOV Department of Literary and Language Theory,
Ostroh Academy (UKRAINE)

Prof. dr hab. MILOSAV CHARKICH Serbian Academy of Sciences and Arts (SERBIA)

Prof. dr hab. RYSZARD STEFAŃSKI Jan Kochanowski University in Kielce (POLAND)

REVIEWERS:

dr hab. IRINA ROLAK (Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Polska)

Prof. dr hab. MARTYNA KRÓL-KUMOR (Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Polska)

Prof. dr OLEKSANDR VOLKOVINSKIY (Ivan Ohienko Kamianets-Podilsky National University, Ukraine)

Prof. dr hab VLADIMIR ZAIKA Department of Russian Language, Yaroslav Mudryi State
University of Novgorod (RUSSIA)

prof. Dr. ALEKSANDR GLOTOV Department of Literary and Language Theory, Ostroh Academy (UKRAINE)

Founded in 1993, *Studia methodologica* is the journal of methodological research. *Studia methodologica* publishes articles in literature theory, linguistics, and philosophy. It acts as a forum for the presentation and discussion of research and concepts.

Адреса редакції / Editorial address:

Prof. Dr. Oksana Labashchuk, Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University, Krywonosa street, 2,
Ternopil, 46027, Ukraine

Phone: +38 097 498 76 67

Prof. Dr. Oleg Leszczak, Jan Kochanowski University in Kielce, Świętokrzyska street, 21D, Kielce, 25-406, Poland

Phone: +48 41 349 71 31

E-mail: studiamethodologica@gmail.com
www.studiamethodologica.com.ua

SM, No. 47, 2018
BBK 87.256: 60+87.256: 81
S 88

All rights reserved

No part of this journal may be reprinted or reproduced without permission in writing from the publisher,
TNPU (Ukraine), UJK (Poland)

ГОЛОВНІ РЕДАКТОРИ

Проф., д. філол. н. ОКСАНА ЛАБАЦУК

кафедра теорії та методики української та світової літератури Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)

Проф., д. філол. н. ОЛЕГ ЛЕЩАК

Інститут іноземної філології Університету Яна Кохановського в Кельцах (ПОЛЬЩА)

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ РЕДАКТОР

К. філол. н. ЮРІЙ ЗАВАДСЬКИЙ Видавництво Крок, Тернопіль (Україна)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Проф., д. філол. н. ЛЮБОВ СТРУГАНЕЦЬ завідувач кафедри української мови та методики її викладання Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)

Проф., д. філол. н. НАТАЛІЯ ПОПЛАВСЬКА завідувач кафедри журналістики Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)

Проф., д. філол. н. ОЛЬГА КУЦА кафедра теорії та методики української та світової літератури Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)

Проф., д. філол. н. МИКОЛА ТКАЧУК завідувач кафедри теорії та методики української та світової літератури Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка (УКРАЇНА)

Проф., д. філол. н. ЯНУШ ДЕТКА Університет Яна Кохановського в Кельцах (ПОЛЬЩА)

Проф., д. філол. н. МАРЕК РУШКОВСЬКИЙ Університет Яна Кохановського в Кельцах (ПОЛЬЩА)

Проф., д. філол. н. ЕЛЕОНОРА ЛАСАН Вільнюський Університет (Литва)

Проф., д. філол. н. ВОЛОДИМИР ЗАЇКА кафедра російської мови Новгородського державного університету імені Ярослава Мудрого (Росія)

Проф., д. філол. н. ОЛЕКСАНДР ГЛОТОВ кафедра літературної та мовної теорії Національного університету Острозька академія (Україна)

Проф., д. філол. н. МИРОСЛАВ ЧАРКІЧ Сербська академія наук і мистецтв (СЕРБІЯ)

Проф., д. політ. н. РИШАРД СТЕФАНСЬКИЙ Університет Яна Кохановського в Кельцах (ПОЛЬЩА)

РЕЦЕНЗЕНТИ

д-р ІРИНА РОЛЯК (Університет Яна Кохановського в Кельцах, Польща)

Проф., д. філол. н. МАРТИНА КРУЛЬ-КУМОР (Університет Яна Кохановського в Кельцах, Польща)

Проф. д. філол. н. ОЛЕКСАНДР ВОЛКОВИНСЬКИЙ (Кам'янець-Подільський національний університет ім. Івана Огієнка, Україна)

Проф., д. філол. н. ВОЛОДИМИР ЗАЇКА кафедра російської мови Новгородського державного університету імені Ярослава Мудрого (Росія)

проф., д. філол. н. ОЛЕКСАНДР ГЛОТОВ кафедра літературної та мовної теорії Національного університету Острозька академія (Україна)

Міжнародне видання.

Друкується за рішенням ученої ради Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка.

Входить до наукометричної бази Index Copernicus.

Редакція не завжди поділяє погляди авторів.

Матеріали друкуються мовою оригіналу.

ЗМІСТ | CONTENTS

STUDIA METHODOLOGICA, NO 47

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Жанна ЯНКОВСЬКА. ВІДОБРАЖЕННЯ АРХЕТИПНОГО ТОПОСУ «ПОЛЕ» У РОМАНІ П. МИРНОГО «ХІБА РЕВУТЬ ВОЛИ, ЯК ЯСЛА ПОВНІ?»: ДО ПРОБЛЕМИ НОВОГО ПРОЧИТАННЯ ТВОРУ.....	7
Александр ГЛОТОВ. КУЛЬТУРНЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО КОНФЛИКТА.....	19
Ольга БОГДАНОВА. ОБРАЗ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ДИЛОГИИ А.С. ПУШКИНА.....	26
Луиза ОЛЯНДЭР. А. С. ПУШКИН — МАСТЕР ЖИВОПИСИ СЛОВОМ: К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».....	38

МОВОЗНАВЧИ ТА КУЛЬТУРОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

Michał ROBAK. VEGAN GROUP INTEGRATION MODEL REPRESENTED IN MULTIMODAL DISCOURSE: INTERNET ANALYSIS.....	49
Katarzyna OBERDA. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MEDIATION.....	59
Barbara MAJ-MALINOWSKA. CZYM JEST GRZECZNOŚĆ? ROZWAŻANIA O HISTORII I NATURZE POLSKIEJ GRZECZNOŚCI.....	73
Евгений ЗУБКОВ. ЗАИМСТВОВАНИЕ ЭНДОЭТНОНИМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ.....	81
Светлана ЛЕЩАК. ПЕРЕВОДНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРЕЦЕДЕН- ТОВ КАК ИДИОСТИЛЕВОЙ ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА.....	91

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ

ВІДОБРАЖЕННЯ АРХЕТИПНОГО ТОПОСУ «ПОЛЕ» У РОМАНІ П. МИРНОГО «ХІБА РЕВУТЬ ВОЛИ, ЯК ЯСЛА ПОВНІ?»: ДО ПРОБЛЕМИ НОВОГО ПРОЧИТАННЯ ТВОРУ

Жанна Янковська

доктор філологічних наук, доцент кафедри культурології
та філософії Національного університету
«Острозька академія» (Україна)

ABSTRACT

Zhanna Yankovska. The reflection of the archetypal topos “Field” in P. Myrnyi’s novel “Does an Ox Bellow When it Has fodder?” the Issue of its new Interpretation. Panas Myrnyi’s novel *Does an Ox Bellow When it Has Fodder?* is defined in Ukrainian literature studies as the first socio-psychological work of this kind.

Keywords: Panas Myrnyi, socio-psychological novel *Does an Ox Bellow When it Has Fodder?*, S. Krymskyi’s concept “Home — Field — Temple”, topos “Field”.

Роман Панаса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» в українському літературознавстві за жанровими ознаками визначають як перший соціально-психологічний твір такого формату. Письменник загалом залишив нам велику літературну спадщину, проте саме це художнє полотно стало «класикою» періоду остаточного утвердження в літературі ХІХ століття реалізму як наряду художньої творчості, що прийшов на зміну романтизму.

Ключові слова: Панас Мирний, соціально-психологічний роман «Хіба ревуть воли, як ясла повні?», концепт С. Кримського «Дім — Поле — Храм», тоpos «Поле».

Powieść Panasa Myrnego „Czy ryczą woły gdy żłoby pełne?” w literaturoznawstwie ukraińskim kwalifikują pod względem cech gatunkowych jako pierwszy tego formatu utwór społeczno-psychologiczny. Pisarz pozostawił po sobie obfite dziedzictwo literackie, ale właśnie to płótno artystyczne stało się „klasyką” okresu ostatecznego utwierdzenia w literaturze ХІХ wieku realizmu jako kierunku artystycznego.

Słowa kluczowe: Panas Myrny, powieść społeczno-psychologiczna „Czy ryczą woły gdy żłoby pełne”, koncept S. Krymskiego „Dom — Pole — Świątynia”, topos „Pole”.

Роман Панаса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні?», який за жанровими ознаками вчені означають як соціально-психологічний, після історичного роману-хроніки П. Куліша «Чорна рада» у XIX столітті став першим настільки розлогим літературно-художнім полотном, у якому відображено основні життєві цінності тогочасного селянина-хлібороба, суспільні, звичаєві та внутрішньо-психологічні закони, за якими вибудовувалося життя сільської людності загалом. Водночас, на підсвідомому рівні, письменник змальовує і національно-буттєвий простір цього селянина, й ті архетипні, моральні, духовні орієнтири, що були пріоритетними у на той час суспільстві, успадковувалися в процесі самого життя і засвідчують міжпоколінний зв'язок між членами роду та соціуму.

Будучи поняттям багатовимірним, буття людини досліджується на рівні багатьох наукових галузей. За своєю внутрішньозмістовою осяжністю воно фактично невичерпне. Художнє відображення його на певному етапі розвитку найповніше та різнопланово дають усна народна та писемна творчість, які в тісно взаємодіють між собою, оскільки мають взаємообумовлені витoki і становлять спільну гуманітарну галузь — словесність. Концептуальними стосовно такої фольклорно-літературної співдії є думки М. Грушевського, який відзначав, що «між писаною і неписаною словесністю завжди існує певний зв'язок, часами дуже тісний і нерозривний, — певна дифузія, ендосмос і екзосмос, переливання з одної сфери до другої» [2, с. 58]. Нині у дослідженні літературних творів це охоплюється поняттями і процесами фольклоризму та фольклоризації. Тому сьогодні виникає потреба не лише суто літературознавчого аналізу авторського твору, але бачення його з погляду філософії, історії, етнології і т. п., а також на їх помежів'ї або й з точки зору інтегральних наукових галузей (як етнологія, етнологія, етнолінгвістика, етнофілософія тощо), адже категорії гуманітарних наук тісно пов'язані, зрештою, як і вони самі. Така методологія допомагає чітко зрозуміти не тільки тему, мотиви, ідею, образну систему твору, але й час, простір, особливості зображуваної епохи, її культуру, побут і т. п.

Будь-який простір, що його заповнює своєю присутністю людина, стає «людино-вимірним», він стає топом простору її буття. Література є художнім відображенням цього буття. Відповідно, час і простір життя героїв у художньому творі, — це, як правило, авторська візія хронотопу буття конкретного етносу або його частини. У процесі аналізу особливостей протікання такого «людино-буття» вчені окреслили низку універсальних концептів, які пронизують усі його сфери і визначають векторність конкретних моно- чи полігалузевих досліджень. Найбільш універсальним інструментарієм у цьому плані можна вважати концепт «Дім — Поле — Храм», сутність якого, спираючись на наукові судження М. Гайдеггера та Г. Гачева, розкрив С. Кримський у працях «Архетипи української культури» [4], «Архетипи української ментальності» [5] та «Дім — Поле — Храм» [6]. Складові зазначеного концепту здатні переплітатися, «пере-

тікати» один в одного, утворюючи цікаві змістовно-сміслові конструкції, які відображають картину народного буття в усій її складності, що достатньо переконливо довів своїми працями С. Кримський. У статті «Дім — Поле — Храм» учений стосовно дієвості та універсальності названого концепту писав: «Змістовно в ідейному вимірі ці екзистенціали перетворюються один на одного, утворюють єдине ментальне поле цієї й іншої епох, локальної цивілізації чи нації» [6, с. 427], а широта змісту їх символіки «розкривається в ідейному житті тих чи тих націй своєрідністю їхнього досвіду, певними пресупозиціями, схильностями чи архетипами» [6, с. 428]. Підтвердженням доцільності використання цієї схеми у сфері аналізу літературних творів слугують слова Д. Наливайка, який, спираючись на позицію М. Бахтіна, зазначив, що «література за своєю природою є мистецтвом часопросторовим, “хронотопічним”, воно [...] вводить час у простір і простір у час, поєднує їх у феноменологічну цілість». У літературному творі «час згущується, ущільнюється, стає художньо видимим, простір же інтенсифікується, втягується в рух часу, історії. Прикмети часу розкриваються в просторі, і простір осмислюється і вимірюється часом» [9, с. 28].

У літературних творах спостерігаємо своєрідне віддзеркалення архетипів в образах, адже буття людини — це перетворення видів людської присутності у світі в певні екзистенціали її існування. Інтерпретуючи (слідом за С. Кримським) екзистенціали як назви топосів, що належать до особливого, відмінного від матеріальних предметів та ідеальних сутностей, онтологічного пласту оточуючої людину дійсності, можемо зазначити, що екзистенціал існування кожної нації розкривається через певні «хронотопи, сигнатури та архетипи» (В. Личковах). Вони стають фундаментом для формування та виявлення міфологічних мотивів, світогляду, художньої культури, релігійної свідомості народу.

Досить цікавим з такого погляду є проза Панаса Мирного (Панаса Яковича Рудченка), і особливо його роман «Хіба ревуть воли, як ясла повні?»

Коротко нагадаємо історію написання твору. Внутрішнім поштовхом для створення роману став нарис письменника «Подорожжя од Полтави до Гадячого», а точніше — сама подорож навесні 1872 року, під час якої хлопець-візник розповів йому історію про засудженого на каторгу селянина Василя Гнидку, який із добродішного селянина перетворився у розбійника. Проїжджаючи селами, письменник спостерігав картини життя пореформеного села, і у ці враження своєрідно вписувалося почуте, витворюючи в уяві письменника своєрідно вмотивовану цілісність. Нарис вийшов із запізненням, у 1874 році, хоч був написаний відразу. На основі нарису П. Мирний написав повість «Чіпка», яка, проте, також не вичерпувала потенційних можливостей сюжету. Тому після конструктивної рецензії старшого брата, також письменника й літературного критика Івана Яковича Рудченка (Івана Білика), повість ще двічі перероблялася автором, у зв'язку з чим з'явилася багатоплановість оповіді, інші герої,

додаючи тим самим твору логічно-сислового завершення. Над остаточною, четвертою редакцією твору брати працювали разом, більше навіть редагував текст Іван Білик. Завершено працю було восени 1875 року, твір уже мав назву «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» Роман було подано до Київського відділу цензури, друк мав розпочатися у 1876 році. Проте 5 червня цього року вийшов сумнозвісний Емський указ про заборону друкування українських книг. Тому автори переслали твір за кордон, і вийшов він 1880 року в Женеві за сприяння М. Драгоманова під назвою «Хіба ревуть воли, як ясла повні? Роман з народного життя П. Мирного та І. Білика». В Україні його вперше було видано у Львові 1887 року та потім двічі у Києві 1903 і 1905 року, але київські видання уже мали назву «Пропаща сила» [3, с. 184-185].

Композиція роману, на перший погляд, досить складна, з приводу чого О. Білецький навіть писав про те, що архітектоніка його нагадує «будинок з багатьма прибудовами і надбудовами, зроблений не одночасно і не за строгим планом» [3, с. 184-185]. Проте при його прочитанні відчувається той внутрішній, логічний, об'єднуючий стержень, який певним чином можна відчути і вмотивувати зображені події, проаналізувавши твір крізь призму універсального філософсько-культурологічного концепту «Дім — Поле — Храм». На фоні складових архетипних топосів цього концепту автори підсвідомо зображують майже півторасотлітню типову історію села Піски з його мешканцями та життєвими колізіями.

У романі наявна відповідність певному історичному періоду, відповідно, це художньо-історичне відтворення дійсності з усіма її нагальними проблемами, красою й потворністю стосунків і побуту, реалістичністю зображення суспільних відносин у всій своїй неоднозначності. Разом з тим, відчувається спадкоємність стилю, перехід від романтизму до реалізму. Зникає ідеалізація селянської дійсності, натомість загострюється увага на соціальних конфліктах, проблемах, при цьому мистецько-естетичне начало не втрачає свого значення: наявна ідеалізація почуттів, естетичні пасажі з описами української природи. Тому можна констатувати перехід від історико-художньої прози до художньо-історичної, в якій, окрім дійсних історичних пам'яток, важливе місце ще все-таки займає фольклор, а також художній домисел, який допомагає «оживити» дійсність, виразити образи.

Найбільш різнопланово виписані в романі топоси «Дім» та «Поле». На розкодуванні останнього хочеться звернути особливу увагу. У романі «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» цей топос художньо реалізується через кілька семантичних локусів: Степ як символ свободи духу; власна Земля як джерело достатку; Рідна Земля, Б(б)атьківщина; та «Дике (чуже) Поле» як чужина загалом. В середині цих локусів спостерігаємо варіації у значеннєвих смислах в залежності від статусу героя та його відношення до об'єкта.

«Степ» як символ волі внаслідок чи то козацьких, чи батьківських генів проявляється в характері Чіпки, коли він працював підпасичем в

діда Уласа, в образі якого чітко простежуються риси архетипу Мудрого Старого (до цього не міг ужитися ні в якого хазяїна наймитом): «Йому так гарно, весело; йому так вільно, просторо... Чвала собі помалу. Торбина на плечі, малахай у руці... Байдуже йому!.. Посилає уперед ногу за ногою — не думає: де він, і що він, і як він... Легко трепече його серце; дивні якісь радощі — не то сон, не то дрімота — сповивають його душу...» [8, с. 266] Простір, сама природа ніби відкриває Храм його душі: «Чіпка лежить на спині, дивиться в блакитне небо. Небо синє, чисте — ні хмариночки, ні плямочки — глибоке, просторе та широке. Не продивитися його глибини, не досягнути оком до краю! Погляд тоне у тій синій безодні, як у сивому тумані... тільки думка росте та ширша...» [8, с. 266] Таке значення топосу «Поле» тісно взаємодіє із двома наступними його значеннєвими локусами (як архетипом Землі-годувальниці та рідним краєм-Б(б)атьківщиною). На цьому неодноразово наголошував і С. Кримський. Зокрема, він писав про те, що «образ Поля — це не обов'язково степ (він може покривати уявлення й про ліс, і про гори), але це, як правило, життєвий топос, поле життя, джерело багатства й ноосферної мрії українця. Образ поля пов'язаний з архетипом землі. А українська земля — не тільки ґрунт, а й рідний край, батьківський соціальний ареал» [7, с. 4]. Вчений наголошував на тому, що розуміння «Поля» як обмеженого власного простору є для українця дуже близьким, «Поле» тут виступає ніби периферією «Дому», жаданою землею, без якої селянин не може прожити. Тільки праця на цій землі та її результати дають йому фізичну силу і духовну наснагу.

Відповідно й у романі Панаса Мирного — го-ловною субстанцією, що керує усіма героями та подіями, виступає архетип землі. Саме безземелля Мотрі було причиною її злиднів. Тому найбільшою радістю для сім'ї стала подія, коли їй дістався у спадок від далекого родича невеликий наділ поля: «А тут ще, після смерті якогось бездітного далекого Мотриноного родича, зосталося їм днів на десять поля... Після судів та пересудів, — після двох мішків пшениці та двох овечок-ярок, що Мотря подарувала волосному писареві, — одсудили Мотрі землю громадою...» [8, с. 271] І вже не таким важко-примарним здавалося жінці майбутнє, незважаючи на те, що залишилася із сином та немічною матір'ю сама. Вона втішалася, кажучи до свого ще не дорослого сина: «— Не журись, Чіпко, — каже, радіючи, Мотря. — Тепер буде своє жито, й своя пшениця, і просо, й ячмінь, і гречка... Одберу місцину, картоплі насаджу — на зиму буде!.. Ік Різду загодуємо свиню... Сало продамо, м'ясо посолимо, ковбаси начинимо... Буде в нас! Хай тепер наші вороги сміються, нехай цураються, минають!..» [8, с. 271]

Коли Чіпка виріс та сам почав на землі господарювати, то «закипіла» у нього в руках робота: «Найняв плуг, волів, зорав поле, засіяв, заборонив; зійшло — як щітка! У косовицю став за косаря, — викосив дванадцять копиць сіна. Є чим овечок у зиму годувати. Настали жнива — місячної ночі жне. Розгорювався десь на десять рублів; купив у заїжджого цигана стару кобилу; звозив хліб, поставив у току: отакі скирти

понавертав!» [8, с. 280]; «Рано встає, пізно лягає, — та все в полі, в полі. Хоч не дуже радіє, та й не журиться: за роботою ніколи. Сам на себе, на свою працю всю надію покладає. Припадає до того поля, наче закохався у його...» [8, с. 281] І його праця «немарно» була «потрачена»: «... Вона зробила з мене чоловіка, хазяїна!..» [8, с. 240] У цих словах героя зливаються воєдино семантика першого та другого семантичних локусів топосу «Поле», бо земля дала йому не лише достаток, але і внутрішню свободу, надію на кращу майбутність. Він з гідністю людини, впевненої у завтрашньому дні, обходив свою ниву, приглядаючись до кожного колоска: «Парубок плівся повагом, заклавши руки назад себе; позирав навкруги своїми блискучими очима; іноді зупинявся і довго розглядав зелене нив'я. То знову йшов; то знов становився де-небудь на згірку — і знов оглядав поле» [8, с. 240].

Дуже логічно вписується у фабулу твору епізод про те, як саме на квітучому доглянутому полі, коли оглядав власне жито (одвічний символ життя), Чіпка зустрічає і своє кохання, «польову царівну» Галю, адже саме тут дозрівав його достаток, його надія. З того часу, як зустрів дівчину біля свого поля, воно «як причарувало його» [8, с. 286].

Піднесений душевний стан героя письменник намагається передати майстерними авторськими пейзажами (словомалювання), які збуджують уяву і якими захоплюється вже не одне покоління читачів: «Поле — що безкрає море — скільки зглянеш — розіслало зелений крилом, аж сміється у очах. Над ним синім шатром розіп'ялося небо — ні плямочки, ні хмарочки, чисте, прозоре — погляд так і тоне... З неба, як розтоплене золото, плетється на землю блискучий світ сонця; на ланах грає сонячна хвиля; під хвилею спіє хліборобська доля... Легенький вітерець подихає з теплого краю, перебігає з нивки на нивку, живить, освіжає кожну билинку... І ведуть вони між собою тиху-таємну розмову: чутно тільки шелест жита, травиці... А згори лине жайворонкова пісня: доноситься голос, як срібний дзвіночок, — тремтить, переливається, застигає в повітрі... Перериває його перепелячий крик, зірвавшись угору; заглушає докучне сюрчання трав'яних коників, що як не розірвуться, — і все те зливається до купи у якийсь чудний гомін, вривається в душу, розбуркує в ній добрість, щирість, любов до всього...» [8, с. 239] Цей опис у романі як не можна краще співзвучний зі станом душі Чіпки-хлібороба: «Гарно тобі, любо, весело! На серці стихають негоди; на думку не лізуть клопоти: добра надія обгортає тебе добрими думками, бажаннями... Хочеться самому жити й любити; бажаєш кожному щастя. Недаром в таку годину — аби неділя або яке свято — хлібороби виходять на поле хліба обдивлятися!» [8, с. 239].

Саме тому найбільшою трагедією життя Чіпки стала втрата свого земельного наділу, бо повернувся якийсь далекий родич з Дону та й одсудив у нього з Мотрею землю. Тут гостро вразила його несправедливість суддів, які за хабаря можуть переіменувати своє рішення то в одну, то в іншу сторону. Автору вдалося достеменно передати гнітючий душевний

стан героя. Коли йшов він попри свою землю у Гетьманське правди добиватися, то «не дивився тепер... ні на чорно-жовту колючу стерню на полі, ні на білий верх, що один тільки й виглядав з-за високого паркану москалевого двору. Чіпка чесав шляхом, заклопотаний одною думкою — про землю... “І що я без землі?— вертілося у його похнюпленій голові. — Людський попихач... наймит... Без землі — нема волі... Земля тебе годує... земля хазяїном робить... А без землі — усе пропало. І моя надія пропала...”» [8, с. 365] Вночі, коли не спалося, невтішні думки обсідали його голову: «Нема землі!.. проходився дурно... марно втратився... Мати плаче,—це їй, старій, знову прийдеться на чужім полі тинятись... А самому як?.. Пропало все!..» [8, с. 374]

Продажні суспільні закони та чини фактично позбавляють людину права на життя, бо без землі селянину вижити було важко. Надія на краще майбутнє знову змінюється безнадією. Свої мрії та надії на майбутнє Чіпка навіть подумки порівнює із зеленим буйним житом, а у теперішньому стані він порівнює їх із почорнілими стіжками, тому навіть зібраний хліб його не тішить: «Чіпка сидів собі в хаті мовчки, наче зажурився. Як ще не приходили товариші з жидом, він обдивлявся тяжкою працею наскладані стіжки. Чорні зокола, вони уразили його серце, перемчали його думки у той недавній час, коли він, ще весною, назирав оцей самий хліб зеленим, як рута, буйним, як дерево, коли зустрівся з Галею [...]. Коли він жав його, рано встаючи, пізно лягаючи, в'язав у снопи, складав у копи, возив, складав на току, почував себе хазяїном, голублячи у серці надію удвох се добро поживати... Тепер та надія почорніла, як і його колись зелене та золоте жито... Брови в його насупились; коло серця, мов чорна гадина, обвився жаль...» [8, с. 392] Не раз думками він повертається на своє колосисте поле, яке стало його життям, «пестило його надії», і він ділиться ними із дружиною свого друга Христею. Психіка Чіпки не витримує такої напруги, збурений несправедливістю тогочасних законів, він стає на «слизьку дорогу» грабежу та вбивства. Навіть один із нових товаришів Чіпки Кулик висновує: «Риба без води, а чоловік без землі — гине...» [8, с. 382]

Досить переконливо, ніби резюмуючи, пише і сам автор про цінність власної землі для селянина: «Робиш, щоб було що їсти; їси, щоб здужав робити. Отака-то весела хліборобська доля!

Оже, хто до неї призвичаївся, тому вона здається веселою й красною... Наші хутори, села, а часом і повітові городи, обложившись родючими полями та ланами, другої долі не знають... А проте — живуть цілі довгі-предовгі віки, копаються в ситній землі, мов поприростали до неї... Яка земля, такі й люди. Вона сита — й вони ситі; вона голодна — й вони роти пороззявляли... Селянин без поля — старець без рук і без ніг. Поле його годує, поле його втішає, на полі він виростає, на полі часом і вмирає... Поле — що воздух: нічим би дихати, якби зостався без його!» [8, с. 330]

Окрім зазначеної семантики, яка в романі П. Мирного представле-

на найширше, як уже згадувалося, в українців існує ще й поняття «рідна земля», яке, на думку С. Кримського, «має неперекладний, ідіоматичний смисл», а тому «рідна земля — не тільки ґрунт, а й рідний соціум, асоційований з національною державністю» [4, с. 312]. У творі цей семантичний локус представлений образами батька Чіпки Івана Вареника, Грицька та Максима Ґудзя.

Іван Вареник — дуже суперечливий персонаж твору. Він позашлюбний син пана, і пан, пам'ятаючи про це, забрав його був до двору. Та мав хлопець бунтарський характер, «все шкоду робив та паненят ображав», за що його неодноразово карали. Тому ще у підлітковому віці змандрував він із панським кучером Шамраєм «аж у Донщину». Там він уже виріс, обжився, досягши віку, оженився, мав родину, дітей. Але спогади дитинства не покидали його, постійно манив його рідний край. Тому, роздобувши «пашпорт» померлого земляка Хруща, він «покинув жінку, дітей й оселю — приплівся сюди» [8, с. 276]. І хоч не вжився він і тут (можливо, боявся, що брехня його буде розкрита, що, зрештою, пізніше і сталося, а може, не витримав злиднів, на які пристав до Мотрі), повернувся назад на Дін, залишивши ще не народженого Чіпку.

Так само сумує за рідним краєм товариш Чіпки сирота Грицько, коли подався на заробітки, аби придбати собі хату, землю та одружитися. Усе йому вдивовижу у чужих краях, усе ніби й гарно та цікаво, але думками він постійно лине у рідне село, тому й працює, не знаючи втоми, аби назбирати достатньо грошей і швидше повернутися додому, бо «у місті дуже багато крику та галасу, а в селі найкраще — і тихо й вільно...» [8, с. 290]

Намріяні власний Дім, Поле і Храм, до якого ходить із молитвою у свято разом з дружиною, маленька дитина стали для Грицька тією ідилією, якої прагнув досягти у житті. Тому, заробивши, він «зараз кинувся вишукувати ґрунту. Тоді їх не труднація була купити: козаки, почувши за кубанські пустощі, що казна оддавала виселенцям, шарахнули на Кубань. Грицько швидко купив величезний огорог з новою хатою, з повіткою, погребом, колодязем» [8, с. 293]. Цей персонаж у романі виступає ніби зв'язкою між попередньою літературною епохою з романтично-ідилічним зображенням патріархального селянського життя та побуту. Своїм ставленням до суспільства, моральними та духовними пріоритетами він дуже нагадує Наума Дрота («Маруся» Г. Квітки-Основ'яненка), Грицька Шугая («Домонтар» Ганни Барвінок), Череваня («Чорна рада» П. Куліша) та інших героїв тогочасної літератури.

Неоднозначним героєм твору є і Максим Ґудзь. Вирісши злодійкуватим розбишакою («палкий, як порох, сміливий, як голодний вовк, — він усіх побивав, над усім верховодив...» [8, с. 333]), йому було «побрито чуба», тобто «взято до москалів», «у некрути», до війська. І хоч спочатку він ніби жартома ставився до цього, але й сам засумував «серед лісу», як минули рідні краї, йдучи у Московщину: «Жаль йому стало своїх степів безкраїх, свого неба високого: тут, за лісом було тісно, душно, а небо

здавалося низьким, похмурим. І справді воно було низьке й похмуре: йшлося вже до осені, — темні хмари, аж чорнуваті, снували по небу; перепадали часті дощі.

Пройшли вони верстов з п'ятдесят чи з шістдесят лісом — ні хатинки, ні людинки!..» [8, с. 340].

Таку прив'язаність до рідної землі описує автор твору, коли йдеться про час, «коли Піски було даровано пану Польському». Найсміливіші пішли шукати щастя в чужий край, але більшість він лякав своєю невідомістю, вони не могли залишити свій облаштований поколіннями світ, свій простір: «Правда, деякі, гарячіші — душ, може, з десять — позабирали торби на плечі та й потягли шукати вільної сторони... А решта — зосталася. Куди його? Як його? Воно б то й тягу дати, п'ятами наживати, — та як глянуть вони на свої хати, садочками закрашені, на свої засіяні поля, що зеленіють навкруги села; як згадають, як біля них, мов біля дитини, свої руки ходили; як здумають прощатись з старим гніздом, де, мовляв, і вилупився, й вигодувався, зріс, і посивів, — з батьківськими могилами... Шкода їм стане рідної сторони; страшно невідомої, темної, як ніч, будущини...» [8, с. 310]

Як згадувалося спочатку, «Поле» — бінарний топос, і в романі «Хіба режуть воли, як ясла повні?» також відображено семантику його дихотомічних зв'язків. З одного боку, як розглянуто, Поле знаменує життєвий простір, зв'язок природи з хатнім столом, добробутом, це те, що пов'язує людину з довкіллям, що можемо означити як джерело багатства та родинного добробуту. З іншого, — це семантичний локус, який, на переконання Є. Більченко, існує як антипод впорядкованості, усталеності «Дому» — це світ чужий, «Дике поле» або «Степ» [1, с. 86], який уособлює ворожий, непізнаний світ, що століттями виплескував на українців напади кочових орд. Це невпорядкованість і хаос, що властиві чужому, неосвоєному простору, який контрастує з космосом, окультуреним людиною. Про таке ж розуміння цього топосу пише й С. Кримський, зазначаючи: «Земля отримує в традиційній українській свідомості подвійне тлумачення: як оброблене селянське поле, що освячене працею та хліборобськими обрядами, і як “Дике поле” — степовий край загрозливих навал, смертної темряви вторгнень нехристиянських сил» [6, с. 430]. Суголосною із цією є також думка Д. Чижевського, висловлена у його «Нарисах до історії філософії України» [11, с. 16].

У семантиці «Поля» як «Степу» можна також простежити кілька векторів. Степ — це вільна, «нічийна» земля, яка може стати і власним Полем. С. Кримський з цього приводу також писав, що «освоєння степу, перетворення його на поле було історичною місією українського народу, охарактеризованою феноменом козацького хутора як особисто відвоєваної у степового хаосу землі» [7, с. 4].

У романі це значення проілюстроване в описах того, як селяни, тікаючи від панської сваволі, залишали свої домівки, рідний край та в пошуках вільних земель мандрували «на Дін», що узагальнено мислиться

як «Чуже Поле», чужина. Особливо показовим є епізод твору про те, як у новозбудованому палаці в Пісках поселилася генеральша. Почалися безкінечні непосильні побори, тому селяли тікали, шукаючи незайманих земель та волі: «Піщани довго не подавалися, а все-таки генеральської сили не подужали. Тоді вони кинулися до того, до чого кидається немічний. Вони налягли на ноги, — давай тікати! Зніметься оце чоловік, майне на вільні степи Катеринославські або Херсонські, або й на Дін, оселиться, де знає, а через рік жінку з дітками викраде — переведе туди. Багато тоді накивало п'ятами і одиноких, і цілими сім'ями...» [8, с. 315] І хоч це все іще була Україна, але, зважаючи на тодішні форми комунікації та зв'язку, даний простір сприймався як «чужа сторона», «Чуже Поле». Ніби неминуха єдність протилежностей, в характерах героїв роману (і загалом українців) поєднуються прагнення до волі, свободи та одночасно прив'язаність до рідної землі (за визаченням О. Нельги, «козацькість» і «селянськість» [10, с. 131]).

«Дике Поле» як узагальнений образ чужини дуже виразно постає в аналізованому творі П. Мирного — це «Дін», «Місто», «Степ» як далека незаймана земля та місце одвічної боротьби із ворогами, «Московщина». Вони можуть приносити жаданий достаток та волю, позбавлення від панщини і разом викликають тугу за рідним Домом і краєм як малою батьківщиною.

Такою чужиною стали для Грицька, коли він «потяг» на заробітки, Степ, а потім Місто, де важко працює, щоб мати гідне життя у своєму селі. Те, що він бачить, справляє на нього незабутнє враження і разом видається незвичним, чужим: «Невідомі місця, котрі довелося Грицькові вперше переходити, люди, яких їм лучалося стрічати, — усе це мало незвичайний пошиб на парубка. На все те він дивувався, рота роззявивши». Дивувався він дивлячись і на «будови», і на «вікна», у яких «всього тебе, як у воді, видно», і на «двері [...], блискучі проти сонця, як кришталь», і на «багатство», «розкоші», «величезні магазини», повні всякого небаченого ним краму, широкі «улиці», «палаці», «карети», «коляси», «фаетони», «звозчицькі дροжки»... [8, с. 286-287]

Для Мотрі «Дін» став уособленням неправди, зла, адже саме звідти прийшов її чоловік Іван Вареник, який ошукав її, зганьбив перед людьми та залишив саму в злиднях з дитиною на руках.

Марині, дружині Мирона Ґудзя, таким образом був «Степ» як місце одвічної боротьби з ворогами. В її уяві, збудженій оповіданнями чоловіка синові, неминуче поставав образ смерті на полі бою. Коли син після цих розповідей грався «у війну», вона ласкавими розмовами схиляла сина більше до тихого, мирного життя, до роботи на полі, біля хліба. Тому у душі дитини боролися ці два начала. Мати, дивлячись на хлопчачі забави, сумувала, уявляючи, якою може бути доля її сина, коли він піде батьковою дорогою: «Їй тяжко й страшно було думати, що, як виросте її одинчик, а тут — не дай Господи! Схопиться яка завірюха з башею або з татаркою та замче її ясного сокола бозна за який край світа, — вона його,

може, більше й не побачить... Там десь, в чужій стороні, серед кривавої січі, зложе він свою русяву голівоньку, а вона, мати, не закриє очей своєї рідній дитині: їх хижі орли з граками повикльовують, голодні вовки-сіроманці порозносять жовті кості... Хіба тільки зозулька, неутішна віщуня, принесе вісточку, що її син бідолашний поліг серед чистого поля!..» [8, с. 298] У цьому описі оживають народнопісенні мотиви, проглядаються елементи народних голосінь, дум, що надає йому особливої емотивної глибини та виразності.

Та, мабуть, найвиразніше архетип «Дикого Поля» у творі постає в образі Московщини. Там мало хто бував із піщан. Але звідти, як правило, селянам приходять невтішні звістки від царя. Це насправді «Чужий край», де і свої люди, побувавши, змінюються не на краще. У романі семантичний локус Московщини представляє Максим Гудзь, який довгий час був «москалем», служив у царському війську, пристосувався, а потім все ж повернувся до рідного села, сам «почужившись». Характеру розбійницького він не позбувся, ще й дружину, Явдоху, там знайшов собі «під стать». Але і його спочатку вразила та Московщина: «Погнали некрут з рідного краю аж у Московщину. Гнали їх цілою юрбою. І який же невеселий здався їм той довгий перегін! Щоб хоч трохи скоротати час, вони то казки казали, то різні пригоди з життя пригадували, то про давні бої переказували, сподіваючись незабаром собі стрітись у чистому полі з ворожою силою... Максимові спали на думку дідові приповісті; він поділявся ними з товариством, а в самого аж душа закипала...» [8, с. 339] Перебуваючи у нелегкій подорожі, зупиняючись то тут, то там «на постій», ніби переходячи зону міжсвіття (прийом казкового епосу), він мимоволі порівнює цей край з рідним: «Поминавши свої степи з невеличкими хуторами, що, як квітнички, весело кидались у вічі, свої великі села, з кривими улицями, з білими хаточками, з вишневыми садочками, свої городи, схожі на села, увійшли вони у лісний край. Перед ними й за ними стояли страшні бори сосни, ялини та осичини. Ішли вони день, ішли другий... ліс та й ліс!» [8, с. 340] Так зустріла його чужа Московщина.

Отже, топос «Поле» як складова архетипного концепту «Дім — Поле — Храм» у романі П. Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» відображено досить повно, у всіх його значенневих локусах, що доводить універсальність зазначеного концепту, не тільки придатність, але й необхідність на сьогодні використання його для аналізу художніх творів задля нового, більш глибокого їх прочитання.

ЛІТЕРАТУРА

1. Більченко Є. В. Мотив чужого у формуванні етнокультурної ідентичності українців / Є. В. Більченко // Вісник Чернігівського державного пед. університету. Серія «Філософські науки». Вип. 75. — Чернігів, 2010. — С. 84-88.
2. Грушевський М. С. Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. Т. I / упоряд. В. В. Яременко. — К.: Либідь, 1993. — 392 с.

3. Історія української літератури другої половини XIX ст. / За ред.-ю В. М. Поважної та М. С. Грицяя. — Київ: Вища школа, 1986. — 430 с.
4. Кримський С. Б. Архетипи української культури / С. Б. Кримський // Під сигнатурою Софії. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 301-319.
5. Кримський С. Архетипи української ментальності // С. Кримський // Проблеми теорії ментальності; відп. ред. М. В. Попович. — К.: Наукова думка, 2006. — С. 273-301.
6. Кримський С. Дім — Поле — Храм / С. Кримський // Про софійність, правду, смисли людського буття: збірн. наук.-публ. і філос. статей / Сергій Кримський. — К.: ІФНАНУ, 2010. — С. 426-439.
7. Кримський С. Ментальні цінності в контексті виборчої кампанії / С. Кримський // Газета «День». — 2004. — 3 серпня. — С. 1, 4.
8. Мирний Панас. Хіба ревуть воли, як ясла повні? / Панас Мирний // Твори в двох томах. — Т. 1. — Київ: Дніпро, 1985. — С. 239-551.
9. Наливайко Д. Літературна компаративістика вчора і сьогодні / Д. Наливайко // Сучасна літературна компаративістика: стратегії і методи: антологія; за заг. ред. Д. Наливайка. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — С. 5-42.
10. Нельга О. В. Теорія етносу / О. В. Нельга. — К.: Тандем, 1997. — 368 с.
11. Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. — К.: Вид-во Орії при УКСП «Кобза», 1992. — 230 с.

КУЛЬТУРНЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО КОНФЛИКТА

Александр Готов

Доктор филологических наук, профессор,
кафедра иностранных языков и методики их преподавания,
Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия
имени Тараса Шевченко (Кременец, Украина)

ABSTRACT

The history of literature is in many ways military art, that is, the history of the war in artistic embodiment. Many key texts of world literature emerged as an aesthetic and social illustration of interstate conflict. The Trojan War provoked Homer's Iliad and Odyssey's diology. The Peloponessian Wars of Hellas spawned Aristophanes' comedies, especially Lysistrata. The absorption of Greece by Rome led to the comparative, Greek-Roman biographies of Plutarch. The Jewish war against Rome, described by Josephus, led to the appearance of the "Revelation" of John and everything connected with him.

The wars between the Ottoman and Byzantine empires, the crusades, the permanent confrontation of England and France, the conflict of the new-borns of the North American States and maternal Great Britain — all this was reflected in the artistic discourse. In modern times, the era of the formation of political nations emerged, while these nations do not correlate with a particular historically determined territory, language, state system, race and the like.

In the disintegrated Soviet Union, the fate of the young states was very different as well as the fate of the disintegrated socialist camp.

In each interstate military confrontation, the participants seek not only to achieve victory, but also to create the idea of absolute moral and even aesthetic superiority over the enemy. The situation of recent years in the border zone of Ukraine was no exception.

Keywords: interstate conflict, cultural connections, history of world literature, military art.

Многие ключевые тексты мировой литературы возникли как эстетическая и социальная иллюстрация межгосударственного конфликта. Троянская война — и дилогия Гомера. Пелопонесские войны Эллады — и комедии Аристофана. Поглощение Греции Римом — и жизнеописание Плутарха. Иудейская война против Рима — и «Откровение» Иоанна.

Войны между Османской и Византийской империями, крестовые походы, перманентное противостояние Англии и Франции, конфликт новорожденных Североамериканских Штатов и материнской Велико-

британии — всё отражалось в художественном дискурсе. Не стала исключением и ситуация последних лет в приграничной зоне Украины.

В каждом межгосударственном военном противостоянии участники стремятся не только достичь победы, но и создать при этом идею о безусловном моральном и даже эстетическом превосходстве над противником.

Ключевые слова: межгосударственный конфликт, культурные связи, история мировой литературы, баталистика.

Багато які ключові тексти світової літератури виникли як естетична та соціальна ілюстрація міждержавного конфлікту. Троянська війна — і діалогія Гомера. Пелопонеські війни Елади — і комедії Аристофана. Поглинання Греції Римом — і життєписи Плутарха. Юдейська війна проти Риму — і «Одкровення» Івана.

Війни між Османською та Візантійською імперіями, хрестові походи, перманентне протистояння Англії і Франції, конфлікт новонароджених Північноамериканських Штатів та материнської Великобританії — усе відбивалося у художньому дискурсі. Не стала виключенням й ситуація останніх років у прикордонній зоні України.

У кожному міждержавному військовому протистоянні учасники намагаються не тільки досягти перемоги, але й створити при цьому ідею про безумовну моральну і навіть естетичну перевагу над суперником.

Ключові слова: міждержавний конфлікт, культурні зв'язки, історія світової літератури, баталістика.

Wiele kluczowych tekstów literatury światowej pojawiło się jako estetyczna i społeczna ilustracja konfliktu międzypaństwowego. Wojna Trojańska — i dylogia Homera. Wojny Peloponeskie w Hellasie — i komedie Arystofanesa. Wchłanianie Grecji przez Rzym — i biografie Plutarcha. Wojna Żydowska przeciwko Rzymowi — i «Objawienie» Jana.

Wojny między imperium Osmańskim i Bizantyjskim, krucjaty, stała konfrontacja Anglii i Francji, konflikt Ameryki Północnej i Wielkiej Brytanii — wszystko znalazło odzwierciedlenie w dyskursie artystycznym. Sytuacja ostatnich lat w strefie przygranicznej Ukrainy nie była wyjątkiem.

W każdej międzypaństwowej konfrontacji wojskowej uczestnicy starają się nie tylko osiągnąć zwycięstwo, ale także stworzyć ideę absolutnej moralnej, a nawet estetycznej wyższości nad wrogiem.

Słowa kluczowe: konflikt międzypaństwowy, więzy kulturowe, historia literatury światowej, batalistyka.

История человечества — преимущественно история войн. История литературы — во многом баталистика, то есть — история войны в художественном воплощении. Поэтому высказывание Марка Туллия Цицерона «Inter arma silent Musae» («когда говорят пушки, музы молчат») неверно

по определению. Сложность состоит в историческом отстранении от современных событий.

Особый интерес представляют не все массовые кровопролития с применением оружия, а именно те случаи, когда в вооружённый конфликт входят государственные образования, отличающиеся друг от друга образом жизни, культурой, языком, национальностью. То есть, когда враг с самого начала, априори — чужой. Поэтому не будем принимать во внимание войны гражданские, где брат идёт на брата по идейным соображениям, религиозные, где то же самое происходит по соображениям мировоззренческим, социальные бунты и восстания, временами переходящие в революции. Все эти конфликты не менее массовы и не менее значимы для развития общества. Культурная аура вокруг этих событий также весьма весома, она меняла мир и историю, цивилизации начинали двигаться в другом направлении.

Но ни победителей, ни побеждённых в этих войнах нет. В то время как межгосударственные конфликты чреваты исчезновением с карты мира целых цивилизаций. Что неоднократно и бывало.

В основном легендарная, то есть — практически никак не задокументированная, Троянская война, которую вели между собой не менее таинственные державы, стала поводом для начала всей мировой литературы в лице поэм «Илиада» и «Одиссея» [7,8], которые в конечном счёте воплотились в культурную энциклопедию античного мира. Миф о противостоянии троянцев и ахейцев создал в дальнейшем культуры двух крупнейших государств древности: Греции и Рима.

Эллада, изначально разделённая на полисы-государства, изнывала от непрерывного состязания в первородности, выливавшееся в перманентные войны. И Аристофан гневно борется с зачинщиками Пелопонесских войн, предлагая в комедии «Лисистрата» [2] весьма нетривиальный способ умиротворения пылких стратегов. Для писателя и публициста с самого начала очевидно, что интеллектуальные Афины проиграют воинственной Спарте. Что и случилось. Впрочем, и Спарте это тоже не помогло.

Потому что рядом с Элладой вырос могущественный сосед, поначалу отнюдь не выказывавший воинственности. Рим долгое время вёл то, что впоследствии назовут «гибридной войной», помогая то одной, то другой стороне, а потом нечувствительно обратил всех участников противостояния в своих подданных — и Греция приказала долго жить. Хотя греки никуда не делись, пытаясь сохранить эллинский менталитет даже в условиях римской оккупации. И Плутарх, так до конца жизни и не выучивший толком язык «старшего брата», всё равно пишет именно «Сравнительные жизнеописания», греческо-римские, а не просто греческие [12]. Чтобы его читали и в Риме, а не только в Афинах.

Рим постепенно становился империей, аннексируя окрестные земли и проглатывая соседние культуры и цивилизации. Порой даже не замечая такие крохотные как, например, Иудея. Взятие Римом Иерусалима

вызвало описанную позже Иосифом Флавием Иудейскую войну [10]. Выигранную, конечно же, Империей. Но яростные евреи не смирились, они разразились проклятиями и обещаниями гибели развратному Риму. Лучше всего это получилось у автора «Откровения (Апокалипсиса)» [5]. Из этого текста родилась идея мессии и Нового Завета, появился Мессия во плоти, умер, воскрес — и теперь в центре Рима находится отдельное христианское государство.

Ещё одна мировая религия, ислам, также распространялась по соседним ареалам, используя отнюдь не только слово Мухаммеда и терпение. На обломках Византийской империи возникла империя Османская, чуть было не порвавшая Священную Римскую империю германской нации. Но мусульмане тоже живые люди — и они пишут «Тысячу и одну ночь» [14]. Христианам ещё ждать и ждать свой «Декамерон». Обаяние экзотики исламской изысканной культуры столетиями будет привлекать читателей всех стран и народов, вне зависимости от вероисповедания.

Спираль истории закручена — и христиане требуют реванша. Один крестовый поход за другим, столетие за столетием, а сарацины ни с места — у гроба Господня. Зато появляется гениальная поэма Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» [13], из которой возникает целая вселенная рыцарских романов, на излёте которой рождается «Дон Кихот» Сервантеса.

На арену выходят новые бойцы, на этот раз — Англия и Франция. Вильгельм Завоеватель меняет политику, быт, нравы — даже язык Англии, потерявший после него 70 процентов англосаксонской лексики, но всё равно нормандцы остаются в английском социуме чужаками. Прочтите «Айвенго» Вальтера Скотта — и станет понятно, что француз бритту — не брат.

Битва при Гастингсе породила впоследствии целую Столетнюю войну, где по обе стороны были свои герои и мученики. Вийон и Монтень Жанну д'Арк воспели, а Вольтер высмеял, Дюма и Дрюон соорудили многоступенчатые историко-художественные иллюзии, в которые верят до сих пор. Англичане не уступали пальмы первенства: Шекспир пышно живописал «Генриха V», Конан Дойл разразился серией исторических романов с весьма детективным уклоном.

В Новое время наступила эпоха возникновения и формирования политических наций, которые не соотносятся с конкретной исторически обусловленной территорией, языком, государственным строем, расой и тому подобным. Одной из первых таких наций стали американцы, возникшие как феномен в процессе Войны за независимость Северо-Американских Штатов, называемую также «Американской революцией» 1775-1783 годов.

Культурным лидером рождающегося народа стал сын швейцарского француза и шотландки англоязычный поэт Филипп Френо. Восемь лет одни «англичане» воевали против других англичан, а «поэт американской революции» в своих пылающих гневом инвективах «Памяти

храбрых американцев» и «Америка независима» одних однозначно называет «The friends of freedom» (друзьями свободы), а других — столь же безапелляционно «the insulting foe» (оскорбительным врагом) [1]. Революция называется таковой — если она побеждает, в противном случае — это бунт. Британия уступила младшему брату, не в малой степени потому — что уступала ему силой духа. Не было ни одного английского пиита, шедшего, условно говоря, впереди колониальных войск с песней на устах.

Практически ни одно формирующееся государство не миновало угрозы гражданской войны. Не прошло и ста лет после обретения независимости, как Север восстал против Юга — и запылали унесённые ветром штаты. И только отдалённость от исторической родины-Европы избавила Америку от интервенции так и норовивших вмешаться в драку французов, русских и немцев.

Вот и в распавшемся Советском Союзе очень по-разному складывалась и складывается судьба молодых государств, впрочем, как и в распавшемся социалистическом лагере. Горестная доля бывшей Югославии до сих пор многим стучит в сердце.

Начало десятых годов для Украины было кризисным. Для многих этот период ассоциировался с крушением надежд на национальное самоопределение, рождённых Оранжевой революцией. По стране ходила украинизированная переделка стихотворения Юрия Нестеренко «Глядя в телевизор» [11]:

Украина для них сафари,
Под собою страны не чуя,
наблюдая все эти хари,
одного лишь теперь хочу я:
не мечтаю уже о лете,
не хочу не в купцы, не в князи —
я хочу одного на свете:
я хочу чтоб вы сдохли, мрази.

Уровень яростной бескомпромиссности борьбы с властью нарастал. Львовский писатель Юрий Винничук выступает публично со стихотворением «Убий пі...аса» [6], так себе стишок, понятно, не лучше, но и не хуже симоновского «Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!», футбольные фаны распевают речёвку «Спасибо жителям Донбасса за президента-пи...аса». Святослав Вакарчук с группой «Океан Эльзы» медитирует:

Веселі, брате, часи настали.
Нове майбутнє дарує день!
Чому ж на небі так мало сонця стало?
Чому я далі пишу сумних пісень? [4]

И случилось то, что неминуемо должно было случиться: президент страны покидает её пределы, в государстве начинается анархия, отягощённая кровавым насилием.

И тут во всей красе приходят «вежливые зеленые человечки» без опознавательных знаков из соседнего военторга, превращая тем самым конфликт внутренний в межгосударственное противостояние, которое длится вот уже дольше, чем Великая Отечественная.

Украинская сторона сразу отчетливо самоопределилась. Юная поэтесса Анастасия Дмитрук на всю страну прокричала:

Никогда мы не будем братьями
Ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными,
нам не стать с вами даже сводными. [9]

А популярный одесский блогер Александр Бабич был еще более бескомпромиссным:

Нам будет легко убивать русских, а русским — нас!...

Мы говорим на одном языке и будем понимать радиопереговоры в эфире...

Нам будет легко допрашивать и пытаться русских военнопленных, а им наших...

Важно будет после «победы», (кто бы не «победил, бля!»), не перепутать, над каким памятником какой флаг вывесить (в Российской армии бойцов «Коваленко», столько же, сколько в украинской — «Ивановых»)...

Я вспомню свою службу и попрошу автомат, чтоб в свои 43 года пойти защищать свою Украину от оккупантов из России!...

Россияне, я буду защищать от вас дом Пушкина в Одессе!...

ЭТО МОЯ РОДИНА!!!!!! Я буду её защищать!!!!...

Я буду защищать свою Родину — Украину, и крыть вас ПО-РУССКИ матом! Потому что, я не успею уже хорошо выучить свой украинский — меня убьёт русский солдат... [3].

В каждом межгосударственном военном противостоянии участники стремятся не только достичь победы, но и создать при этом идею о безусловном моральном и даже эстетическом превосходстве над противником.

Через какие-нибудь 50 лет в тогдашней Википедии об этом будет написано как о вялотекущем приграничном конфликте с числом жертв, сопоставимым с погибшими за это же время в дорожно-транспортных происшествиях.

Или как о событиях предшествовавших Третьей мировой. Только тогда, боюсь, Википедии уже не будет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freneau P. The Poems: Poet of the American Revolution. Ed. Fred Lewis Pattee. — New York: Russel and Russel, Inc., 1963.

2. Аристофан. Лисистрата / Пер. А.И.Пиотровского. — Харьков: Фолио, 2001. — 624 с.

3. Бабич А. https://pikabu.ru/story/nam_budet_legko_ubivat_russkikh_a_rusским__nas_2025367.
4. Вакарчук С. <http://www.pisni.org.ua/songs/643050.html>.
5. Вечное Евангелие. Украинский и русский параллельные переводы с греческого доктора теологии В.О.Громова. — К.: Национальная Академия наук Украины, Украинский информационно-языковой фонд, 2009. — 858 с.
6. Винничук Ю. <https://vsiknygy.net.ua/news/16415/>.
7. Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. — СПб: Наука, 2008. — 574 с. (Литературные памятники).
8. Гомер. Одиссея / Пер. В.А.Жуковского. — М.: Наука; 2000. — 482 с. (Литературные памятники).
9. Дмитрук А. Верните нам наше небо. — К.: Феєрія Мандрів, 2014. — 109 с.
10. Иосиф Флавий (Йосеф, сын Маттитьяху). Иудейская война. / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. Под ред. А. Ковельмана. (Серия «Библиотека Флавиана»). М.: Мосты культуры — Иерусалим: Гешарим, 1992.
11. Нестеренко Ю. Объяснение. Стихи 1987-2010. — 2011. — 454с.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. — М.: Альфа-книга, 2008. — 1263 с.
13. Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим /Пер. В. С. Лихачева / Подг. текста, ст., коммент. А. О. Дёмина. — СПб.: Наука, 2007. — 715 с.
14. Тысяча и одна ночь. Полное собрание сказок «Тысяча и одна ночь»: в 10 томах. — М.: Белый город, 2009.

ОБРАЗ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ДИЛОГИИ А.С. ПУШКИНА

Ольга Богданова

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института филологических
исследований, Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

ABSTRACT

The article deals with two texts of Pushkin — the chronicle “The history of the Pugachev rebellion” (1834) and the novel “The captain’s daughter” (1836) — and proposes to regard them as a dialogical unity, allowing more fully reveal the author’s intentions in understanding the historical past and the present. To demonstrate the two-sided and cumulative approach of Pushkin, the image of the leader of the peasant uprising Yemelyan Pugachev is chosen, on the example of which the author shows how the historical text is compensated and corrected by the literary text, how the diffusion of narrative strategies (in “The captain’s daughter” — the narrator and publisher) brings the image of Pugachev beyond the usual realistic poetics and enriches the character of the hero.

Key words: A. Pushkin, chronicle “The history of Pugachev’s rebellion”, novel “The captain’s daughter”, dilogy, system of images

В статье рассматриваются два текста А.С. Пушкина — хроника «История пугачевского бунта» (1834) и роман «Капитанская дочка» (1836) — и предлагается расценивать их как диалогическое единство, позволяющее с большей полнотой раскрыть авторские интенции в осмыслении исторического прошлого и актуального настоящего. Для демонстрации двустороннего и совокупного подхода Пушкина избирается образ вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева, на примере которого автор работы показывает, как односторонность исторического текста компенсируется и корректируется соположением текста художественного, как диффузия нарративных стратегий (в «Капитанской дочке» — рассказчика и издателя) выводит образ Пугачева за пределы привычной реалистической поэтики и обогащает характер героя.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, хроника «История пугачевского бунта», роман «Капитанская дочка», диалогия, система образов

У статті розглядаються два тексти О. С. Пушкіна — хроніка «Історія пугачовського бунту» (1834) та роман «Капітанська дочка» (1836) — і пропонується розцінювати їх як діалогічну єдність, що дозволяє з біль-

шою повнотою розкрити авторські інтенції в осмисленні історичного минулого і актуального сьогодення. Для демонстрації двостороннього та сукупного підходу Пушкіна обирається образ вождя селянського повстання Омеляна Пугачова, на прикладі якого автор показує, як однобічність історичного тексту компенсується і коригується соположенням художнього тексту, як дифузія наративних стратегій (в «Капітанської дочці» — оповідача і видавця) виводить образ Пугачова за межі звичної реалістичної поетики і збагачує характер героя.

Ключові слова: О.С. Пушкін, хроніка «Історія Пугачовського бунту», роман «Капітанська дочка», діалогія, система образів.

Актуальность исследования. Специалистам известно, что освещение истории замысла и творческого воплощения романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) в литературоведении осуществлено столь тщательно, что к фактологической стороне вопроса сегодня, кажется, вряд ли что можно добавить. Однако интерпретационные ракурсы пушкинского текста продолжают приоткрывать новые содержательные грани, предлагают более широкие перспективы осмысления не только исторических событий, составивших основу нарративного плана романа, но и тех смысловых контекстов, которые автор эксплицировал как на уровне сюжетно-композиционном, так и на уровне ментальном. Другими словами, хрестоматийно знакомый классический текст и сегодня оказывается открытым для новых исследовательских поисков, интерпретационных ходов и дискурсивных практик.

Методология. В основе современного анализа должен лежать синтез основополагающих методов и принципов научного исследования, среди которых прежде всего контекстуальный (приемы исторического, сравнительно-сопоставительного, интертекстуального анализа), феноменологический (в т. ч. биографический), формально-структурный (типологический, поэтологический) в их взаимосвязи и дополнительности.

Постановка проблемы. Сегодня в попытке новой интерпретации «Капитанской дочки» концептуально важным оказывается то обстоятельство, что пушкинский роман находится в прямом межтекстовом диалоге с «Историей пугачевского бунта» (1834), произведением историко-культурологического характера, ставшим результатом острого интереса Пушкина к важнейшим событиям прошлого, в частности — к событиям крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 годов. И как следствие основу нового осмысления должен составить в первую очередь образ Емельяна Пугачева, характера из народа, сложно и противоречиво отраженного в текстах Пушкина.

Аналитическая часть. Исследователями уже неоднократно констатировалось, что в тексте «Истории пугачевского бунта» вождь крестьянского восстания изображен как вор, злодей, разбойник. Сподвижники Пугачева неизменно именуется шайкой презренных бунтовщиков, проклятой сволочью, сбродом, грабителями, изменниками и злоумышлен-

никами. Описываемые события сопровождаются оценочной авторской дефиницией — театр беспорядков, преступное заблуждение, кровавое поприще [5, т. 6].

С точки зрения ученых советского времени (сделавших многие неоспоримо важные и существеннейшие наблюдения над текстами «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки»), критически негативное отношение Пушкина к событиям изображаемого им народного выступления объяснялось, как правило, (1) подцензурными соображениями, (2) «недопониманием» со стороны Пушкина (на раннем этапе обращения к материалу) значимости решающей роли народных масс в национально-освободительном движении или (3) «маскировочной» стратегией, «от обратного» позволившей Пушкину осудить «линию поведения либерального меньшинства правящего класса, сдавленного рамками полицейско-крепостнического государства» [4, с. 145]. Суждения Пушкина воспринимались не прямо и непосредственно, но косвенно, на уровне мнимого подтекста — идеология советского времени диктовала необходимость великого русского поэта обратиться в ярого и убежденного сторонника народной вольницы, певца-предтечу будущих революционных масс.

В арсенале пушкинских творческих стратегий действительно наличествовал прием активизации подтекста, многократно использованный им (например, весьма насыщено в «Медном всаднике» [1, с. 45–74]), однако «История пугачевского бунта» представляла собой в жанровом отношении совершенно иное образование: поэтическое воображение уступало место точному следованию подлинному документу, вымысел жестко подчинялся принципу историзма. Неслучайно исследователями автор «Истории пугачевского бунта» часто и справедливо квалифицируется не как художник, но как историк. Именно поэтому в «Истории...» не доверять подлинности суждений Пушкина убедительных оснований нет — позиция писателя-историка эксплицирована прямо и очевидно.

В опоре на приведенные суждения легко смоделировать некий диаметрально противоположный «идейный переворот», произошедший (вдруг) в сознании Пушкина, обратившегося вслед за «Историей пугачевского бунта» к созданию художественного романа о пугачевской вольнице — «Капитанской дочке», пронизанного поэтизацией личности народного вождя и воспевающего мощь и размах казацко-крестьянского восстания. Точка зрения Пушкина, как будто бы, модифицировалась и, можно подумать, модифицировалась кардинально. Однако подобного рода «трансформация» выглядит по меньшей мере странной применительно к Пушкину, одному из «самых умных людей России» (Николай I), за два (или менее) года якобы и как будто бы полярно пересмотревшего свою рефлексию по отношению к событиям крестьянской войны. На наш взгляд, констатация подобного рода «контрапункта» в позиции писателя не только не мотивирована, но и ошибочна. С нашей точки зрения, роман «Капитанская дочка» стал органичным продолжением «Истории

пугачевского бунта», вступал в диалогические отношения с «хроникой».

В этой связи возникает вопрос: зачем в очень скором времени после появления «Истории...» Пушкин вновь возвращается к пугачевской теме и в известной мере альтернативно развивает ее в «Капитанской дочке»?

Причин тому может быть несколько. Прежде всего, допустимо предположить, что досаду Пушкина вызывало неприятие исторической хроники критикой и желание («в угоду читателю») написать новое произведение «пламенной кистью Байрона». Однако подобное допущение выглядит очевидно легковесным — ясно, что пугачевская тема пробуждала в сознании Пушкина серьезные размышления и рождала новые обобщения. Если жанр исторической хроники ограничивал писателя, то привычная романная форма могла предоставить ему необозримо большие ментальные перспективы, в художественном произведении прозаик мог развернуть «свернутые» в «хронике» идеи и при широте их осмысления достичь искомой глубины. То есть вопрос жанровой трансформации, предпринятой Пушкиным, — от хроники к роману — при решении вопроса о модальности авторской установки выдвигается на первый план.

Проблемы жанровой дефиниции «Капитанской дочки» и функциональной значимости (под)жанра касались многие исследователи, и в ее решении предлагались различные варианты, начиная с семейной хроники, любовного романа, исторического романа «в духе Вальтера Скотта» и др. Наиболее убедительное (и обобщающее) суждение в этом плане высказал Г.П. Макогоненко, чья точка зрения на мемуар (воспоминания, дневник, записки) оказалась самой востребованной и устойчивейшей в современной пушкинистике. В работе «"Капитанская дочка" А.С. Пушкина» (1977) исследователь задавался вопросами: «Если автор — рассказчик Гринев, то какова же в этом случае позиция другого автора — Пушкина?» «Что же определило решение Пушкина придать своему историческому роману мемуарную форму?» И ответ на них звучал так: Пушкину «нужен был свидетель событий крестьянского восстания — свидетель, не только наблюдавший восстание (штурм крепости, осаду Оренбурга, установление новых порядков, заседание военного совета Пугачева и т. д.), но и знакомый с фактами жизни Пугачева и его товарищей, взаимоотношениями руководителей восстания. Этот свидетель должен был в ходе происшествия попадать в ситуации прямой зависимости от мятежников и, благодаря вмешательству Пугачева, выходить невредимым, да еще и облагодетельствованным (плен и помилование, помощь в спасении Маши от притязаний Швабрина)» [3, с. 22, 33]. По мысли Г.П. Макогоненко, рассказчиком-свидетелем не случайно избирался дворянин, т. к. в этом случае позиция героя Гринева была честной и потому объективной: «он принужден был свидетельствовать не только о кровавых расправах Пугачева, но и о его человечности, гуманности, справедливости и великодушии», «ценность таких показаний <...> увеличивалась именно от того, что их давал противник мятежни-

ков», «личный опыт оказывался более значимым, чем социальный» [3, с. 33–34, 35].

Видимую справедливость суждений исследователя нельзя не принять, но при этом необходимо констатировать их неокончателность. И дело не в том, что Макагоненко в духе советского литературоведения заключает: «Честность Гринева-мемуариста позволила ему раскрыть никому не ведомую правду о руководителе восстания Пугачеве, а значит, и правду о народной борьбе за свободу» [3, с. 35], а в том, что наблюдательный ученый (как и другие исследователи), акцентировав внимание на образе мемуариста, свидетеля событий, оставил без внимания образ издателя, отдельного и самостоятельного персонажа, (к тому же) наделенного неким правом вмешиваться в текст гриневских записок. Казалось, «несущественный», локализованный единичностью упоминания в финале записок образ издателя не привлек мысль исследователей, принципиальная важность и идейная значимость его экспликации оставалась без научного осмысления.

Голос издателя, кажется, звучит в романе только однажды — после завершения дневниковых записей Гринева: «Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева...», когда издатель поясняет: «Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена. Издатель. 19 окт. 1836» [5, т. 6].

На уровне действующего персонажа не включенный в текст, но фигуративно контурированный в завершении романного пространства, второй нарратор вербально дает о себе знать в финале повествования и заставляет пристальнее взглянуться в «особость» романа, в «приличествующий» каждой главе эпиграф, в «некоторые собственные имена», подвергнутые изменению. NB: издатель очень точно указывает на те структурно-композиционные элементы, к которым должен присмотреться вдумчивый читатель, в которые «дозволил себе» вмешаться издатель. И понятно, что прежде всего в этом ряду оказывается система образов романа, характер аксиологии отдельных персонажей.

Дневниковая форма повествования от лица рассказчика (изнутри) и иерархический коррективный уровень издателя (извне), смоделированный и эксплуатируемый Пушкиным в «Капитанской дочке», опосредуют и задают параметры организации не только образов главных персонажей из дворянства (Гринева, Маша Миронова, Швабрин) [см. об этом: 2], но и характера из народа — Емельяна Пугачева, созданного в романе мощно и поэтично.

В современной науке принято считать, что образ Пугачева, созданный в романе, реалистичен, что он много более полон и жизнеподобен, чем в «Истории пугачевского бунта». Исследователи обращают внима-

ние на то, что стратегия поэтизации образа Пугачева в романе обеспечивается мощной стихией устного народного поэтического творчества: «Пугачев оттого и находится в центре внимания Пушкина, что в нем — выразителе надежд и чаяний народа — ярко проявляется национальный характер» [3, с. 61]. И в народности исследователи видят залог концептуальной значимости и мощности образа крестьянского вождя Пугачева.

Действительно, обильное присутствие в тексте романа фольклора эксплицирует народную (простонародную — в понятиях XIX века) точку зрения на заступника-батюшку, придавая его облику неизвестные ранее (по «Истории пугачевского бунта») черты и большую ёмкость. Не согласиться с подобным утверждением нельзя. Пословицы и поговорки, устойчивые речевые максимы, фольклорная образность составляют богатый поэтический пласт «Капитанской дочки», задействованный на протяжении всего сюжетного развития, во всем пространстве дневникового/романного текста.

Так, глубокий фольклорный базис обнаруживает в «Капитанской дочке» И.П. Смирнов в статье «От сказки к роману» (1972). Правда, авторитетный исследователь не столько ориентирован на принципы создания образа народного героя, сколько на происхождение жанра романа. И.П. Смирнов выдвигает фундаментальное теоретическое положение о том, что «архетипом одного из классов романа (возможны и другие классы, а следовательно, и другие архетипы) является волшебная сказка» [6, с. 289]. С точки зрения И.П. Смирнова, роман Пушкина (в частности, роман «Капитанская дочка») возник именно на этой (пред)литературной основе, потому текст «повести» с такой мощью вбирает в себя множественность фольклорных — прежде всего сказочных — ходов и перипетий. Опираясь на теоретические работы В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.Ф. Шишмарева, О.М. Фрейденберг, В.Н. Топорова, современный исследователь вслед за классиками-фольклористами умело и тщательно выделяет традиционные сказочные сегменты (сюжетные ходы, фабульные ситуации, мотивы поступков персонажей, хронологию, темпоральные сдвиги и проч.), которые, по мысли ученого, обеспечивают — на примере «Капитанской дочки» — переход от жанровой формы волшебной сказки к роману и выявляет логику становления литературной романной матрицы.

Размышления И.П. Смирнова выглядят весомо и убедительно, когда в романе «Капитанская дочка» он последовательно, шаг за шагом, выделяет сказочные ходы и функции: «семейная ситуация» (по Проппу), поучение, отъезд героя из дома («отлучка»), вещий сон, одаривание, нарушение запрета, испытание («проверка»), помощники героя (волшебный помощник), инициация (посвятительный обряд), добывание невесты, свадебный пир, счастливое возвращение домой.

Кажется, ни добавить, ни убавить в сюжетную схему И.П. Смирнова ничего нельзя — сюжетная канва пушкинского реалистического романа на удивление точно соответствует архетипу волшебной сказки.

«Фактический» материал убеждает исследователя в том, что «типологическое сходство с волшебной схемой как в строении эпизодов основного испытания, так и в сфере предметного символизма кажется <...> достаточно очевидным», что «"Капитанскую дочку" сближают со сказочным фольклором не только общность испытательных блоков, но и самые принципы организации повествования», что «в поведении Гринева мы можем распознать значительное количество трафаретно-сказочных признаков, достаточных для того, чтобы идентифицировать пушкинского героя с центральным персонажем волшебного сюжета» [6, с. 311, 317, 310]. Вывод исследователя сводится к тому, что «Капитанская дочка» Пушкина «полностью отвечают фольклорному канону», хотя и «кодифицированн<ому> по правилам дворянской эпохи»: «Роман, порожденный сказкой, отличается от своего волшебного субстрата не только тем, что над первичным кодом надслаивается вторичный, конкретно-исторический, но и тем еще, что самый первичный код "ослабляется", делается менее формализованным, допускает сравнительно большую свободу индивидуального использования правил сюжетной кодификации» [6, с. 311, 307, 310]. Кажется, исследователь убедительно подвел к доказательству того, что роман XIX века со всей определенностью опирался на волшебную сказку и вышел непосредственно из нее.

Однако возникает ряд вопросов: почему И.П. Смирнов демонстрирует рождение жанра романа на примере «Капитанской дочки», созданной в 1836 году, т. е. достаточно поздно для момента (за)рождения романной формы, когда жанр реалистического романа (а раньше сентиментального, романтического) уже сложился? отчего более ранний по времени создания роман «Евгений Онегин» не был столь насыщен «фольклорными кодами»? почему «роман в стихах» не «кодифицировался» по сказочной шкале?

Отвечая на эти вопросы, вполне логично предположить, что причина «сказочности» «Капитанской дочки» заключается не в протожанре, а в художественном намерении писателя, в его идейной установке. Пушкин, в отличие от современного исследователя, не из фольклора выводил жанр романа, а сознательно вводил сказочный фольклор в роман — с определенной и активизированной им целью.

Избрав форму дневниковой наррации, Пушкин намеренно субъективировал рассказ Гринева и тем самым допускал (программировал) «сказочность» восприятия им описываемых (вспоминаемых много лет спустя) событий. За давностью лет и в счастливом покое старости, наставляющей внуков, благодушный рассказчик Гринева (незаметно для себя, но намеренно для издателя) превращался в «сказочника», который поэтизировал и идеализировал события прошлого, очищая их от тяжелых и страшных впечатлений, которые (психологически достоверно) оказывались заслоненными благополучно закончившимися любовными перипетиями с «капитанской дочкой». Вектор волшебной сказки

был ориентирован не на вызревание жанра романа, как утверждает И.П. Смирнов, а на специфичную форму дневниковой — мемуарной — наррации, вобравшей в себя элементы сказочного/волшебного дискурса.

При внимательном чтении пушкинского романа становится очевидным, что сюжетообразующую роль в дневнике рассказчика действительно берет на себя сказка. Целый ряд сюжетных эпизодов и их интерпретация Гриневым поистине сказочны и не укладываются не только в рамки реалистического метода, но и его языкового и стилевого правдоподобия. Речь персонажей ритмически организована, пронизана фольклорной образностью, опирается на словесные формулы, поэтически окрашена, т. е. порой довольно далеко отстоит от стилистики бытового диалогизма, от того языкового нарратива, в рамках которого должны были изъясняться персонажи. В речи героев постоянно звучат устойчивые максимы батюшка, добрый человек, красная девица, добрый конь, обращаются герои друг к другу ласково (комендант сказал Петруше «несколько ласковых слов», «страшный мужик ласково меня кликал...», Пугачев «сказал ей ласково...», «спросил он ласково...», императрица Екатерина «голосом еще более ласковым...» и др.), отдельные реплики персонажей воспринимаются как знакомые сказочные формулы: «Ну, Максимыч, ступай себе с Богом» [5, т. 6] — Василиса Егоровна прощается с инвалидом-поручиком словно бы «с голоса» сказочной золотой рыбки, напутствующей старика-рыбака. Примерно в том же ключе изъясняются Савельич: «Ин будь по-твоему!» — и Пугачев: «Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую...» или «Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» [5, т. 6]. В стилистике сказочного повествования пугачевское войско утрачивает признаки личностной субъектности и оборачивается в обезличенно-сказочную неведомую силу («слышал, что идет неведомая сила...» [5, т. 6]).

Огромный ряд смысловых эпизодов, на которые опирается сюжетика романа «Капитанская дочка», предстает остранным, словно бы обретая черты некоего иного нарративного дискурса. В данном случае действительно нужно поверить И.П. Смирнову, что герой-рассказчик проходит все сюжетные этапы в развитии волшебной сказки: и отъезд из дома, и плутание по миру (в буране), и поиск пути (направо, налево, прямо), и помощник вожатый, и сон (сны), и одаривание, и запреты и их нарушение, и испытания — в том числе добывание невесты, и счастливое возвращение домой — всё это формирует сюжетный каркас «Капитанской дочки». Подобных сказочных фабульных ходов, пронизывающих роман, исследователи выделяют немало. Однако важно признать, что о сказочности повествования речь должна идти в стилистико-смысловом поле дневника рассказчика Гринева, но не в зоне влияния издателя, автора романа Пушкина.

Призма восприятия событий Гриневым в его записках действительно сказочна, даже в сюжетах реалистически маркированных — судьбоносных, жизнеподобных — волшебнo-сказочная мощь не истощается.

Так, например, в рамках реалистической поэтики вряд ли милосердие злодея Пугачева могло иметь столь безграничный характер, когда он трижды (как в сказке) помогает герою преодолеть препятствия (буран, казнь, невеста). Едва ли честный дворянин Гринев-старший в обстоятельствах жизненной реальности мог бы поверить известию о предательстве сына и (пассивно) смириться с (не)возможной сыновней изменой, тем более что в реальных обстоятельствах, о которых пишет Пушкин цензору П.А. Корсакову, «изменник» «был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги» [5, т. 16; выд. мною. — О. Б.]. Совершенно невероятно (поистине сказочно) выглядит путешествие юной девицы Маши Мироновой, которая едет из Симбирска в Петербург одна, что само по себе было недопустимо не только в XVIII, но и в XIX веке. И уж совершенно невероятно, чтобы, остановившись на постоялом дворе, юная неопытная героиня по счастливой случайности могла оказаться на парковой скамеечке рядом с государыней Екатериной II (в так называемом «собственном ея императорского величества садике»), при этом сказочным образом не узнав в приятной даме, облик которой излучал «прелесть неизъяснимую», государыню-императрицу. Да и поведение императрицы узнаваемо сказочно. Прав В.П. Сквозников, когда замечает, что «перед нашим взором не „реальная” императрица Екатерина II с обязательными атрибутами своего исключительного положения, а близкая к сказочному образу царица и важная, и доступная» [7, с. 81].

Если даже сегодня исследователям трудно поверить в подобные чудесные «стечения обстоятельств», то понятно, сколь очевидной была таковая сказочность для современников Пушкина, наверняка угадывавших теплую иронию автора (издателя) по отношению к гриневским рассказам-небылицам. То есть, в противовес мнению И.П. Смирнова, можно утверждать, что, работая над «Капитанской дочкой», Пушкин ориентировался на сказку не как на прообраз жанрового романного (ново)образования, но на сказку как аккумулярованное средоточие чудес и волшебства. Избранная субъективная форма частного дневникового мемуара допускала подобную жанровую смещенность и совмещенность.

Привнося в записки Гринева элементы сказочности, Пушкин, с одной стороны, напоминал, что «сказка — ложь, да в ней намек...» (напомним, что одновременно с работой над пугачевской темой той же Болдинской осенью Пушкин создал «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о мертвой царевне...»), заботился о «добром уроке» молодцам, который они могли извлечь из фабулы исторических событий, с другой — активизировал умного реципиента к чтению между строк, к уловлению разности между зоной суждений благодушного рассказчика и разумного и тонкого издателя. Талант Пушкина позволял ему поиронизировать над наивностью героя-мемуариста, но и допустить возможность тех оценок крестьянской войны, которые были «ретушированы» в «Истории пугачевского бунта». Народный дух восприятия личности и характера

Емельяна Пугачева открыто (неприкрыто) выносился на страницы романа, но нейтрализовался субъективизмом наивного «свидетеля», редуцировался сказочностью, утрачивал идейную (социальную и сословную) остроту.

Причем стратегически Пушкин в романе развивал то направление, которое обозначил в «Истории пугачевского бунта», продемонстрировав другую точку зрения в субъективных оценках Пугачева представителями из народа (финал хроники). Если в основном тексте «Истории...» он рассказывал о страшных злодеяниях Пугачева, о грабежах, убийствах, насилии, творимых под его предводительством, то в «Замечаниях о бунте» (Замечание 10) писатель-историк приводил полярные («обратные») оценки бунтаря и мятежника. В комментарии-примечании сообщается:

«Уральские казаки (особливо старые люди) донине привязаны к памяти Пугачева.

“Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал”.

— “Расскажи мне,— говорил я Д. Пьянову,— как Пугачев был у тебя посажёным отцом”.

— “Он для тебя Пугачев, — отвечал мне сердито старик,— а для меня он был великий государь Петр Федорович”.

Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: “Не его воля была; наши пьяницы его мутили”» [5, т. 6].

То есть если в «Истории пугачевского бунта» основной текст изображал вора, злодея, разбойника, но корректировался и уточнялся Примечаниями и Замечаниями, то в «Капитанской дочке» векторность менялась — «сказочное» повествование Гринева-рассказчика выписывало образ благородного разбойника, но присутствие умного и наблюдательного издателя возвращало просвещенных читателей к объективизму, в том числе к ранее изданному историческому «документу» (хронике) и приглушало поэтизированный абрис Пугачева-благодетеля, выдерживая иерархическую двойственность повествовательных дискурсов. Неслучайно в «Примечаниях к главе 5» «Истории пугачевского бунта» Пушкин признавался, что в работе над историческим материалом «в некоторых показаниях следовал <он> журналу Симонова, предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспоминаниях старика». Но тут же дополнял, что «вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной», т. е. фактически обнажая тот прием, который он реализовал в мемуарах Гринева в «Капитанской дочке». В «Истории пугачевского бунта» он «более доверял» официальному документу, в романе (через частный дневник) положился на «печать истины» субъективной, простодушной, но неизменно и последовательно корректируемой издателем.

В качестве дополнения к стилистике сказочности текста можно добавить и еще одну стратегию. Может предположить, что в романе наряду со сказкой существенную роль играет и сон, мотив сна. Привычно

считать, что сон Гринева во второй главе носит провидческий характер, намечая и устанавливая «странную» и «таинственную» связь между юным героем и Пугачевым, программируя координаты будущих событий сюжетно-нарративного плана. Но в контексте сказочной составляющей повествования можно и иначе трактовать сон-предсказание — как сон-имидж, сон-стиль. Вполне возможно, что сон Гринева (отчасти) интерпретировался Пушкиным-издателем несколько более многопланово и многозадачно: сон с начала повествования (вторая глава) бросал ответ на стилистику тех таинственных взаимоотношений, которые сложились между героями, придавая им черты морфические, сновидческие, ирреальные, т. е. неправдоподобные — в итоге сказочные.

Вывод. Таким образом, на наш взгляд, образ Пугачева в романе Пушкина «Капитанская дочка» не столько народен, сколько сказочен, не столько реалистичен, сколько идеалистичен (субъективирован и романтизирован) — по сути односторонен. На фоне откровенной сказочности образа Пугачева с очевидностью прочитывается пушкинское намерение не пересмотреть оценку, данную бунтовщику в «Истории пугачевского бунта» (как это принято считать в современной пушкинистике), но дополнить ее, уравновесить, подретушировать, создать своеобразную дилогию, в рамках которой, по Пушкину, только и можно было бы говорить о цельности и правдоподобию образа вождя народного восстания. К намеренной поэтизации образа Пугачева в романе «Капитанская дочка», на наш взгляд, Пушкин не стремился, его отношение к личности бунтаря оставалось прежним (как в «Истории пугачевского бунта»), сложным и противоречивым (как всегда у Пушкина). В каждой из повествовательных форм доминировал только один из возможных аксиологических ракурсов, и ни один из жанров — хроника или роман — не обеспечивал полноценности образа Емельяна Пугачева. Только диалогическая взаимонаправленность двух пушкинских текстов — «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки» — гарантировала объективность взгляда не историка-документалиста или рассказчика-мемуариста, но писателя, позволяла создать образы жизнеподобные и цельные, т. е. была стратегически запрограммирована Пушкиным. В попытке понять точку зрения автора на события прошлого (а следовательно, аллегорично и современности) опора только на текст «Капитанской дочки» не обеспечивает емкости и объективности и требует обращения к пушкинской дилогии, совокупно открывающей новые перспективы осмысления истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О.В. «Наше описание вернее...» (А. С. Пушкин): Образы Петра и бедного Евгения в «Медном всаднике» // Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX века. — СПб., 2017. — С. 45–74.
2. Богданова О.В. «Невольник чести...» — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2018. — Ч. 1–2.

3. Макагоненко Г.П. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. — Л.: Художественная лит-ра, ЛО, 1977. — 112 с.
4. Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Л.: Наука, ЛО, 1984. — 148 с.
5. Пушкин А.С. Полное собр. соч.: в 10 т. — Л.: Наука, ЛО, 1977–1979. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v06/d06-258.htm>
6. Смирнов И.П. От сказки к роману // История жанров в русской литературе X–XVII вв. — ТОДРЛ. XXVII. — Л.: Наука, 1972. — 466 с. — С. 284–320.
7. Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. / ИМЛИ РАН. — М.: Наука, 1962–1965. — Т. 3. Стиль, произведение, литературное развитие. — С. 72–96.

А. С. ПУШКИН — МАСТЕР ЖИВОПИСИ СЛОВОМ: К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Луиза Оляндэр

доктор філологічних наук,
професор Східноєвропейського національного університету
імені Лесі Українки

ABSTRACT

In the article, through the analysis of poetics, Pushkin's mastery of painting by the word is examined. The article deals with stanzas containing a series of genre paintings which appear on the subtext level and in the metatext space. Those properties of Pushkin's poetics, activating the co-creative abilities of the recipient, are revealed. A special attention is paid to the meaning-forming elements — words-markers and other codes, which, associating with real facts, revived in the memory of the recipient events that are outside the immediate content of the text, but somehow correlate with it. It is shown that the individual vital facts and events that occurred in the memory by reverse reading (N. Gey) can, in certain cases, serve as a clue to the «encrypted» meanings in the text. The rollcalls of the image system of the novel in verses “Eugene Onegin” with the image system of the poem “Mednyi Vsadnik” (“The Bronze Horseman”) are shown, which organize the metatext space of the novel and makes it possible to realize that “Russia is located at the crossroads of civilizational flows” (V. Schukin).

Keywords: genre picture, hypertext, context, metatext, modeling, narration, subtext, poetics, rhyme, stanza, plot, text, A. Pushkin, Evgeniy Onegin, Mednyi Vsadnik (The Bronze Horseman).

В статье через анализ поэтики прослеживается пушкинское мастерство живописи словом. Рассматриваются строфы, заключающие в себе серию жанровых картин, которые возникают на подтекстовом ва-терпасе и в метатекстовом пространстве. Выявляются свойства пушкинской поэтики, активизирующие со-творческие способности реципиента. Обращено особое внимание на смыслообразующие элементы — слова-маркеры и другие коды, которые, ассоциируясь с реальными фактами, оживляют в памяти реципиента события, находящиеся за пределами непосредственного содержания текста, но так или иначе соотносящиеся с ним. Показано, что возникшие в памяти отдельные жизненные факты и события обратным чтением (Н. Гей) способны в определенных случаях служить ключом к разгадке «зашифрованных» в тексте смыслов.

Указываются переклички образной системы романа в стихах «Евгений Онегин» с образной системой поэмы «Медный всадник», что организовывает метатекстовое пространство романа и позволяет осознать то, что «Россия располагается на скрещении цивилизационных потоков» (В. Щукин).

Ключевые слова: жанровая картина, гипертекст, контекст, метатекст, моделирование, наррация, подтекст, поэтика, строфа, сюжет, текст, А. Пушкин, «Евгений Онегин», «Медный всадник».

У статті через аналіз поетики простежується пушкінська майстерність живопису словом. Розглядаються строфи, що містять у собі серію жанрових картин, які виникають на підтекстовому рівні і в метатекстовому просторі. Виявляються властивості пушкінської поетики, які активізують співтворчі здібності реципієнта. Звертається особлива увага на смислотворчі елементи — слова-маркери та інші коди, які, асоціюючись із реальними фактами, оживлюють у пам'яті реципієнта події, що знаходяться за межами безпосереднього змісту тексту, але так чи інакше співвідносяться з ним. Показано, що окремі життєві факти і події, які виникають у пам'яті зворотним читанням (Н. Гей), здатні в певних випадках служити ключем до розгадки «зашифрованих» у тексті смислів. Указуються перегукування образної системи роману у віршах «Євгеній Онегін» з образною системою поеми «Мідний вершник», які організовують метатекстовий простір роману і дозволяють усвідомити те, що «Росія розташовується на перетині цивілізаційних потоків» (В. Щукин).

Ключові слова: жанрова картина, гіпертекст, контекст, метатекст, моделювання, нарація, підтекст, поетика, строфа, сюжет, текст, О. Пушкін, «Євгеній Онегін», «Мідний вершник».

Белинский назвал роман Пушкина «энциклопедией русской жизни». И это не немая вещно-бытовая энциклопедия. Русская жизнь говорит здесь всеми своими голосами, всеми языками и стилями эпохи.

Михаил Бахтин. Слово в романе.

Для любого поэтического словоупотребления решающим является контекст. Контекст — это ключ к движению ассоциаций. Но для рационалистической поэтики важен не столько контекст данного стихотворения, сколько внеположный ему нормативный и заданный контекст устойчивых стилей. Индивидуализация лирики означала торжество данного, единичного контекста. Значение этого контекста все возрастало от 1820-х годов и вплоть до лирики XX века.

Лидия Гинзбург. О лирике.

В произведении искусства отражается тождество сознательной и бессознательной деятельности. Однако их противоположность бесконечна. <...> Художник как бы инстинктивно привносит в свое произведение помимо того, что выражено им с явным намерением, некую бесконечность, полностью раскрыть которую не способен ни один конечный разум.

Фридрих Шеллинг Система трансцендентального идеализма.

Поэтика А. Пушкина, несмотря на ее, казалось бы, изученность, остается неисчерпаемой: со временем в ней обнаруживаются все новые и новые грани, требующие своего освещения. К ним относятся разножанровые живописные картины, созданные поэтом, которые одновременно являются и кодами, организующими на основе ассоциаций подтекстовое и метатекстовое пространства. Отсюда цель статьи заключается в том, чтобы через анализ романа «Евгений Онегин» и «Отрывка из путешествия Онегина» выявить хотя бы некоторые свойства пушкинской поэтики, активизирующие со-творческие способности реципиента, и обратить особое внимание на те смыслообразующие элементы — слова-маркеры и другие коды, — которые ассоциируются с фактами, оживляющими в его памяти события, находящиеся за пределами непосредственного содержания текста и, тем не менее, так или иначе соотносящиеся с ним. Более того, возникающие в памяти жизненные факты и события обратным чтением (Н. Гей) способны в определенных случаях служить ключом к разгадке сокрытых или даже «зашифрованных» в нем смыслов. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что с приходом новых и новых поколений слова-маркеры могут ассоциативно связываться с теми событиями, которые свершались уже вне пушкинской поры. В связи с этим и «Евгений Онегин» и «Медный всадник» актуализуются по-особому и переживаются по-разному. Рассматривая этот сложный процесс, целесообразно помнить, что реципиент — величина переменная, зависящая от времени и пространства, в котором он находится, что большую роль в обнаружении им сокрытых смыслов играет его тезаурус и тип эстетического сознания. Вот почему во взятых в эпиграф словах Л. Гинзбург важны два опорных момента: 1) «Для любого поэтического словоупотребления решающим является контекст. Контекст — это ключ к движению ассоциаций» и 2) «Индивидуализация лирики означала торжество данного, единичного контекста» [4, с. 97].

Художественная система романа в стихах «Евгений Онегин» чрезвычайно сложна и продуктивна, что характерно для творчества А. Пушкина в целом. Среди ее составляющих особенно значимы такие смыслообразующие элементы, как мелодичность и визуальность пушкинского стиха. В свое время С. Б. Бураго отметил, что «... сущность выходит за грани голой семантики» [3, 319]. Тесно связывая музыку и

семантику, ученый глубоко и всесторонне продемонстрировал это явление при анализе лирического стихотворения [3, 316 — 378], но — что особенно ценно — при рассмотрении мелодики, композиции и смысла поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» [3, с. 378 — 478]. К сказанному следует добавить, что не меньшую смысловую роль играет и сложно соотносящийся со стихотворной мелодикой визуальный ряд, представленный поэтом с разной степенью проявленности. Иногда целые картины так глубоко спрятаны, что нужна большая прозорливость, чтобы их разглядеть. Доказательством служит новое аналитическое прочтение О. Богдановой как поэмы в целом, так и многих эпизодов в «Медном всаднике» в монографии «Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX вв.» (2017), где, на наш взгляд, содержится методологически перспективная мысль о «замаскированных сюжетах», являясь в определенной мере ключом ко всему творчеству А. Пушкина:

«Пушкину, — говорится в монографии, — по-видимому, была важна игра, точнее — указание на игру, сентенция «Нет-нет, не верьте мне...». Поэт сознательно избирает такое стихотворение Вяземского (имеется в виду стихотворение «Петербург» — Л. О.), которое позволяет ему дать подсказку: указать на то, что в поэме скрыт некий таинственный смысл, замаскированный сюжет, должный быть угаданным подтекст» [1, с. 51].

Исходя из того, что наличествует замаскированный сюжет и должный быть угаданным подтекст, исследовательница сумела расшифровать прототип бедного Евгения («Медный всадник») и доказать, что им был Вильгельм Кюхельбекер:

«...образ Евгения в поэме, — пишет О. Богданова, — это образ-маска, образ-криптоним, образ, в котором наложились и слились два лица и две сущности: бедный (случайный по сути) сумасшедший и высокий (тревожащий автора) безумец. <...> Понятно, что речь идет о декабристах, друзьях и знакомцах Пушкина, в числе которых и его близкие лицейские друзья. Между тем поэма подсказывает реальное имя прототипа, истинное имя благородного героя, о котором писал и которому безытульно посвящал свою поэму Пушкин. <...>

Хорошо известна традиция-игра лицеистов в анаграмматическое письмо, шутивная тайнопись, основанная на переподстановке букв, позволявшая породить иронию или спрятать от посторонних глаз важное послание. <...>. ... одно из прозвищ Кюхельбекера в Лицее — наряду с «Кюхля» и «Гезель» — было «Бекеркюхель». Отсюда с легкостью вытекает ассонансно-аллитерированная звучная анаграмма Вильгельм // Евгений» [1, с. 63].

Очевидно, что О. Богданова, пристально всматриваясь в пушкинский текст, в биографию поэта, в ту эпоху, идя своим путем, углубила смысловое понимание подтекста поэмы и существенно «пополнила» ее метатекстовое пространство. Ведь только на первый взгляд может показаться, что приведенные О. Богдановой аргументы слишком отдалены и даже «произвольны». Однако это не так. Сама временная дистанция —

её образ — и несет на себе большую смысловую нагрузку. Не нарушая гармонической целостности пушкинского поэтического повествования о наводнении в Петербурге, О. Богданова подает образ бедного Евгения, на которого падает отсвет Вильгельма. И теперь — добавочно — этот образ вызывает у реципиента психологическое ощущение того, как далеко ушло в прошлое и для Пушкина, и для Кюхельбекера — а «что пройдет, то будет мило» («Если жизнь тебя обманет») — лицейское беззаботное время с его веселыми проказами. И одновременно оно дает почувствовать тяжелые, не озвученные раздумья поэта о судьбе своих друзей и, конечно, судьбе В. Кюхельбекера — не случайно О. Богданова в подстрочнике приводит пушкинскую запись из дневника от 15 октября 1827 г. о последней встрече с арестованным другом, которого везли в Шлиссельбург [1, с. 62]. Но все это уже существует в метатексте как читательские интенции, порожденные пушкинским текстом и его временем.

Сказанное убеждает в том, что у А. Пушкина как на уровне подтекста, так и метатекста и в поэме «Медный всадник», и еще больше в «Евгении Онегине» сокрыто внесюжетное романное содержание. Видимо, это обстоятельство и дало основание Ю. Тынянову в далеком 1929 г. в книге «Архаисты и новаторы» задолго до Ю. Лотмана справедливо утверждать, что

«Внесюжетная “свобода” романа подчеркнута его концом. Роман, как начат, так и окончен внезапно. Прощание с Онегиным дано на напряженном фабульном моменте. Но и последняя глава (1832) и первое полное издание «Евгения Онегина» (1833) кончались отрывками из “путешествия Евгения Онегина”, которые и являются, таким образом концом Онегина, подчеркивая его “бесконечность”. Эти отрывки не только подчеркивают внесюжетное построение, но как бы стилистически символизируют его» [с. 277].

Вдумываясь в тыняновские мысли и всматриваясь в «Отрывки из путешествия Онегина», не трудно заметить, что некоторые строфы обретают какую-то сюжетную и жанровую «самостоятельность». С одной стороны, каждая строфа спаивается словом «путешествие», событием в жизни Онегина и автора-нарратора: оба покинули Петербург, но по разным причинам. Евгений, которому все опостылело, в этой ситуации — наблюдатель; а с другой, и автор-нарратор, который не по своей воле очутился в «Одессе пыльной», в определенной степени уподобляется своему герою: он все видит и во все вникает: как перед ним проходят люди и события, что их волнует, чем они живут. В результате каждая строфа и даже строчка в ней, вмещающая в себя сконцентрированные смыслы, является фрагментом чей-то жизни, которая течет по своим законам и которая — как и весь роман — подчинена принципу свободы в тыняновском понимании. И в этом отношении особенно примечательна своей живописностью строфа из «Путешествия Евгения Онегина»:

Глядишь — и площадь запестрела.

Все оживилось; здесь и там

Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлюют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?

.....[7, с. 206].

Очевидно, что строфа содержит несколько выразительных жанровых картин — две точным рисунком изображены непосредственно в тексте, одна угадывается в подтексте, а третья — в метатекстовом пространстве, зеркально возникая в воображении реципиента.

Первая картина, состоящая из четырех строк, поражает своей динамичностью. Обилие глаголов движения передает энергичное нарастание темпа жизни портового города Одессы в начале дня: запестрела — оживилось — бегут.

И вдруг резкая перемена: после четырех строчек происходит нечто вроде перекомпоновки сюжета: в центр попадает купец – «дитя расчета и отваги» – и внешняя напряженность ритма начинает спадать, переходя в степенность: идет — взглянуть — проведать, но вместе с тем возрастает внутренняя напряженность, которая передается через целую серию вопросов. Так в последующих десяти строчках создается индивидуальный и в то же время глубоко типизированный образ купца, с его психологией, мышлением и ценностными ориентирами.

Фактически — это сконцентрированная повесть, которая начинается внезапно и также внезапно кончается. Но на метатекстовом уровне она сюжетна. Ей присуща та самая двуплановость, о которой говорил Ю. Тынянов, характеризуя строфу из «Евгения Онегина»:

«Исключительной двуплановости достигает Пушкин, — писал Ю. Тынянов в главе «Архаисты и Пушкин», — в самых ответственных фабульных пунктах (высокий и иронический план смерти Ленского), совершенно изменяя этим функцию фабулы. <...>

... он строит материал на переключении из плана в план» [13, с. 277].

Обнаруживается подобное переключение из плана в план, если сосредоточить внимание на сюжетно-составной функции рифмы, способной вызывать сложнейшие ассоциативные связи.

Выстроенные в один ряд рифмы анализируемой строфы обнаруживают свое кодовое значение: запестрела — там — дела — по делам — отваги — флаги — небеса — паруса. — товары — карантин —

вин — пожары — войны — новизны.

Расшифровка рифм-кодов приводит к связанному сюжету, вернее, его фабуле, которая возникает в воображении реципиента. Итак:

Запестрела там — в морской дали что-то — бегущие решить свои дела люди увидели, что по делам прибывают заморские купцы — дети риска и отваги, — которые тоже, как и одесский купец, заинтересованы продать свои товары и закупить новые, их тоже волнует вопрос о том, на какие товары наложен карантин и почему пойдут бочки вин, они преодолели огромные морские пространства и жаждут сойти на берег, развлечься и заключить новые сделки... И когда же их заключать, как не во время застолья.

Так из метатекстового пространства благодаря ассоциациям воображение переносит реципиента, активизируя его когнитивные способности, в атмосферу застолий, где прибывшие расскажут о происходящих событиях в мире, — и вышедший встречать корабли одесский купец услышит ответы на свои вопросы: «И что чума? и где пожары? / И нет ли голода, войны / Или подобной новизны?»

Эти вопросы, пробуждая воображение, являются опорой для создания жанровых картин, содержащихся уже в подтексте.

Наиболее сложные ассоциации вызывает у реципиента метонимический образ флаги. Они, надо полагать, напоминают автору-нарратору, а также, вероятно, и герою романа в стихах Северную Пальмиру, сосредоточивают внимание на планах и мечте Петра Великого, выраженной поэтом в поэме «Медный всадник»:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги будут в гости к нам.
И запируем на просторе.

[8, с. 380]

Мечта начала сбываться почти сразу: 16 (27) мая 1703 г. была заложена шестибастийная крепость Санкт-Петербурх (г. Санкт-Петербург), о чем извещала в свое время «Амстердамская газета» (*Absterdamse Courant*), а 15 декабря этого года московские «Ведомости писали», что уже «в ноябре месяце пришел к Сант-Петербурху корабль галанский с товары, с питиями и солью, на котором был шкипер и неколико матросов» [См. подробно: 6, с. 423 — 424].

Таким образом флаги петербургской гавани коррелируют с запестревшими флагами кораблей, прибывающих в Одессу. Важно то, что в предыдущей строфе ярко живописуется разноязыкая Одесса, улицы которой представляют собой сложный текст. Это и визуальный ряд: «хлопотливый торг обильный» — фактически жаровая картина, это и пейзажи, которые являются не только картинами природы, ибо ясны небеса

востока — особый архетип с онтологическим планом. Это и книга, которую надо прочесть, ибо русская жизнь говорит здесь многими голосами на многих языках:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливый торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестрит
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали
..... [7, с. 204]

Кроме того, начальная фраза этой строфы обратным чтением отсылает ко II строфе первой главы романа:

Онегин добрый мой приятель.
Родился на берегах Невы,
Где может быть, родились вы
Или блистали мой, мой читатель;
Там некогда гулял и я;
Но вреден север для меня.
..... [7, с. 10]

А это связывает два порта: порт Петербурга и Одессы. Раскрываются торговые связи с многочисленными странами, прежде всего с Европой и Азией. Россия предстает в определенном смысле связывающим звеном в евразийском мире, располагаясь «на скрещении различных цивилизационных потоков» [См. подробно: 15, с. 31], что, в свою очередь, отсылает мысль современного информированного читателя к тем проблемам, которые, к примеру, ставит в своей книге «Русское западничество» (2001) В. Щукин.

В данной статье приведен лишь один пример и только некоторые средства изображения из очень — на это указывал еще С. Г. Бочаров [2, с. 31] — разнообразного А. Пушкина, средства, которые свидетельствуют о том, что сами приемы пушкинской художественной живописи приобретают смыслообразующий характер. И каждый отдельный случай требует своего рассмотрения.

В завершение необходимо отметить, что если рассматривать пушкинское творчество как единый гипертекст, то уже его важнейшие составные — «Медный всадник» и «Евгений Онегин» — служат ключом

к познанию глубин его творчества.

Становится очевидным, что само художественное мастерство А. Пушкина — это не только «профессиональное умение художника использовать все средства и возможности данного вида искусства для создания художественно совершенных произведений» [12]. Художественное мастерство А. Пушкина является таким смыслообразующим элементом текста, проникновение в который позволяет раскрыть новые, сокрытые картины и смыслы, заключенные в нем. Но это только одна сторона дела. Ведь мастерство А. Пушкина — живописца словом — обладает свойствами, стимулирующими когнитивные функции воображения и мысли реципиента. Ведь «с помощью воображения мы можем не только “вычитать”, но и “добавлять” свойства предмета, данного нам в “частичном” восприятии» [10, с. 17.], что в свою очередь способствует порождению новых интенций. Эти интенции в определенной степени становятся своеобразной формой жизни пушкинских произведений в непушкинские времена и служат познанию изменившегося и далее изменяющегося мира, познанию человеком самого себя, осознанию смысла самой жизни.

Однако, доверяя своему когнитивному воображению, пробужденному мастерством А. Пушкина, реципиент старается не отходить от сущности замыслов, реализованных поэтом в моделируемой им действительности. И все-таки, несмотря на это, у современного реципиента, благодаря ассоциациям, возникают суждения о каких-то процессах, непосредственно не связанных с пушкинским романом и его другими произведениями, о процессах, происходящих в последующие эпохи, но они так или иначе — пусть и отдаленно — фигурируют в метатекстовом пространстве. Это можно наблюдать, к примеру, в книге Н. Руденко «Енергія прогресу». В ней образ Евгения Онегина включен — как «російський денді від культури і науки» [9, с. 274] — в широкий историко-экономический контекст, когда речь заходит о поверхностном, некритическом отношении к экономическим теориям подобных множественных денди, живущих в последующие эпохи, что привело к пагубным последствиям [9, с. 269 — 274].

Осуществляя когнитивный анализ соотношений воображения с творчеством, доктор философии Н. Смирнова замечает:

«По Гуссерлю, сущность образа может быть понята исходя из интенциональности сознания, т.е. представления о том, что любое сознание есть сознание чего-либо. Образ рассматривается как один из способов направленности сознания на объект. Воображение — фундаментальная процедура усмотрения сущности (*Wesensschau*) объекта. Она осуществляется путем мысленного варьирования его свойств для выявления сущностных предикатов. Границы, в пределах которых возможно варьирование, и определяются сущностью предмета — второстепенные предикаты можно варьировать, сущностные же предикаты — нет» [10, с. 17].

Учитывая это положение, все интенции, возникающие, в частно-

сти, при чтении романа «Евгений Онегин», на наш взгляд, целесообразно разделить на два вида:

– те, которые служат «выявлению сущностных предикатов» в романе и ведут к пониманию самого А. Пушкина и его времени;

– и те, которые являются раздумьями о явлениях, лежащих за пределами пушкинского романа, но ассоциативно возникли под его воздействием.

Оба типа интенций заслуживают глубокого анализа. Есть и еще один аспект этой проблемы: нельзя не заметить, что новые времена бросают и новый отсвет на творчество А. Пушкина. В свое время Л. Гроссман акцентировал на необходимости «помнить, что вопросы литературной техники далеко не покрывают состава поэтического создания» [5, с. 2]. Соглашаясь с ним, одновременно надо искать и новые подходы к пониманию самой функции техники в пушкинской художественной системе.

Исследование живописного мастерства писателя, смыслообразующих функций его приемов является продуктивным на пути дальнейшего осмысления его неоченимого вклада в мировую культуру. И прав Ф. Шеллинг, говоря: «Художник как бы инстинктивно привносит в свое произведение помимо того, что выражено им с явным намерением, некую бесконечность, полностью раскрыть которую не способен ни один конечный разум» [14, с. 478]. А это означает, что дорога к познанию А. Пушкина — бесконечна.

Литература

1. Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX вв. / О. В. Богданова. СПб. : ИПК Береста, 2017. 560 с.
2. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М. : Наука, 1974. 207 с.
3. Бураго С. Б. Набег язычества / Сергей Борисович Бураго. К. : Изд. Дом Дмитрия Бураго, 2013. — 672 с.
4. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1964. 384 с.
5. Гроссман Л. Цех пера: эссеистика. М. : Изд-во Аграф, 2000. — 560 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libex.ru/detail/book400439.html>
6. Кротов П. А. Петербургский порт при Петре I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Krotov_00.pdf
7. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. V. 638 с.
8. Пушкин А. С. Медный всадник // Там же. Т. IV. 595 с.
9. Руденко М. Д. Енергія прогресу. Вибрані праці з економії, філософії і космології / Упоряд. Р.А. Руденко. К. : ТОВ «Вид-во «КЛІО»», 2015. 680 с.
10. Смирнова Н. М. Воображение и творчество: когнитивный анализ // Социально-гуманитарное обозрение Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 3. С. 12 — 21. [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: <https://cyberleninka.ru/article/v/voobrazhenie-i-tvorchestvo-kognitivnyy-analiz>

11. Степанова А. А. Эстетическое сознание и проблемы урбанизма в литературе эпохи модерна. Параллели, взаимодействия, целостность. Saarbruken (Deutschland): LAP Lambert Academic Publishing 2013. 254 с.

12. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М. : Флинта, Наука. Н.Ю. Русова, 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://literaturologiya.academic.ru/339>

13. Ю. Тынянов. «Архаисты и новаторы». Л.: «Прибой», 1929. 595с.

14. Шеллинг Ф. В. Ф. Й. Соч.: в 2 т. / Пер. с нем. / Сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. М. : Мысль, 1987. Т. I. С. 227 489.

15. Щукин В. Русское западничество. Генезис — сущность — историческая роль. Łódź : Ibidem, 2001. 367 с.

МОВОЗНАВЧІ ТА КУЛЬТУРОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

VEGAN GROUP INTEGRATION MODEL REPRESENTED IN MULTIMODAL DISCOURSE: INTERNET ANALYSIS

Michał Robak

Doctoral student, Jan Kochanowski University in Kielce, POLAND

ABSTRACT

This article examines the Vegan integration in the multimodal discourse environment. The analysis is based on two groups extracted from Twitter and Facebook, allow us to broaden our view of in-group integration and how it is represented in the language. The focus of attention is placed on the AGIL model of integration and how communicants express their thoughts during each of the stages. The time period for the collected database and the closeness of the group was checked for the impact on the integration model. This paper presents two approaches to the analysis of the content, based on categorization and structuring communication among group members.

Keywords: veganism, integration, multimodal discourse

У статті представлено дослідження, присвячене темі інтеграції веганів в сфері мультимодального дискурсу. Аналіз був проведений на двох групах користувачів, що функціонують в Твіттері і Фейсбуці, що дозволило більш комплексно зрозуміти механізми інтеграції, а також способи її вираження в мові. Стаття зосереджується на аналізі моделі AGIL і методах передачі повідомлень учасників на кожному етапі інтеграції. Автор перевіряє також можливість впливу часових рамок зібраного матеріалу і закритого характеру групи на модель інтеграції. Стаття представляє два підходи до аналізу контенту, засновані на категоризації і структуризації спілкування між членами групи.

Ключові слова: веганізм, інтеграція, мультимодальний дискурс.

Ten artykuł przedstawia badania na temat integracji wegan w środowisku dyskursu multimodalnego. Analiza oparta została na dwóch grupach, zebranych na Twitterze i Facebooku, co pozwoliło nam na bardziej kompleksowe zrozumienie mechanizmu integracji oraz sposobu jego reprezentacji poprzez język. Niniejsza praca skupia się na analizie modelu integracji AGIL oraz metod przekazywania treści uczestników w każdym z

etapów integracji. Autor sprawdza również, czy ramy czasowe dla zebranych baz danych oraz charakter zamkniętej grupy mają wpływ na model integracji. Artykuł przedstawia dwa podejścia do analizy treści, oparte na kategoryzacji i strukturyzacji komunikacji wewnątrzgrupowej.

Słowa kluczowe: weganizm, integracja, dyskurs multimodalny

Internet communication started to function as the main source for both information sharing and massive communication. Nowadays, it is one of the most dominant ways of socialization, due to its capabilities, free access and a variety of possibilities to express one's thoughts. This variety is represented not only in the elements that constitute to the discussion but also the pragmatic information encoded in the posts. Studies in multimodal discourse (internet), give us a possibility to understand communication as the basic mean of social interaction, broadening the view of sociological, psychological and linguistic knowledge about both verbal and nonverbal communication. It also highlights the importance of human interaction in general, to establish an agreement and fulfil the communication purpose.

This article focuses on the group integration and reconstruction of the integration model. The integration model was introduced in sociology, by Talcott Parsons in 1951. As the representant of functional structuralism, Parsons presents in his work: *Toward a General Theory of Action: Theoretical foundations for the social sciences* the four-fold model of integration (AGIL model) for any type of social structure with a desire to survive in the society. The social integration is completed by the development on four stages of AGIL model: adaptation, goal attainment, integration, latent pattern maintenance (Turner et al. 2004), all of which I discuss in the methodological part of my article.

I am more interested in the linguistic representation of the model rather than the sociological aspects of in-group communication. The main research questions are: what is the integration, model? how does it work? how it is represented in the language?

Internet discussion has formal aspects of representing reality as well as features specific to multimodal discourse. The former involves a technological means of communication which we can use in our favour, such as images, videos, pictures and hyperlinks which not only enrich the communication but adds a certain dynamic to the topics discussed. The latter encompasses multimodal approaches to the written discourse in which we can substitute the features of normal face-to-face communication, as well as specify the complexity of pragmatic and semantic meaning generated in the group communication.

The material used in my research is collected from two social webpages namely: Facebook and Twitter. We can distinguish these web pages as the main textual/visual communication tools available on the Internet, with Facebook being more prominent. In addition, these social networks mediate in social representation of the world in a dialogic or polylogue form (i.e.

multiparty discussion), with several topics represented at the same time. This feature is significantly visible in multimodal discourse since we can still follow the discussion or return to the previous post to remind ourselves about previous speaker view.

With internet communication being publicly accessible to all, a variety of social groups and topics appear to function socially. The pace of group formation is also increased in comparison to face-to-face communication. Among others, health and eco-friendly life attract more attention and participants, possibly due to the development of social culture and quality of life, thus my target groups are taken from this domain.

Groups are the representants of the vegan community, different to each other in terms of both nationality and time period in which data was extracted from the group, but in this study, the focus is placed on the linguistic aspects of integration, rather than gender and national differences represented in this type of discourse. Choice of these group is based mainly on the content production and popularity, having the substantial number of members these groups represent only the sample of the vegan community.

Multimodal discourse studies

The field of multimodal discourse research started to develop critically with the works connected to computer-mediated-communication. Researchers such as Herring (1999), Jansen (1995), Katz (1997) presented the methodology for studying the content available online. The contemporary researchers study the problems of stances Myers (2013), instant messaging and chats Baron (2010), the role of images Helen Bednarek Caple (2013), Ryan M. Milner (2013) and nationality representation online Törnberg and Törnberg (2016). The content was analyzed in large corpora of data Scollon and Scollon (2004), but the data collected in the form of large chunks of textual data focused on the syntactic and pragmatic structures without studying the particular speech representant. On the other hand, if the focus was placed on the interlocutor, the analysis incorporated only textual factors in the form of blogs, microblogging, emails or instant chat messages.

Multimodal discourse studies in the social environment (groups) require more than one approach for the content analysis. The discussion is carried by more than one participant, with several topics developed simultaneously, therefore simple categorization of content is useful just for data organization.

Methodology

I collected the data from Twitter and Facebook groups of vegans in the original form, including images, videos, memes and hyperlinks. The group extracted from Twitter is English language speaking group. With the specific dynamic of the page, the range of my data collection could be extended to two years, ranging from (24 Jan 2016-14 Jan 2018). During this period the group produced 82 posts. Posts are categorized in accordance with subjects or domain, all of which I represented in the mind map allowing the broader view.

Similarly, the group of vegans that exist on Facebook is the subject of analysis. The group include Polish speaking community with higher content production. The same method of categorization is applied for the analysis, however, with the substantially larger number of posts I did not represent it visually.

The main tools which I use in this research are divided into two groups. Each method providing the specific aid for my research, this includes data collection, erasing irrelevant posts, categorization, reconstruction of the integration model and analysis of the content.

The first one is the AGIL model (see Parsons, 1962), which serves as a guideline for posts categorization and analysis. The model includes four stages, crucial to the existence and successful communication among the group members.

The second tools category includes the grounded theory as the theory generating method and critical discourse analysis. In order to see the range of thematic variety the collected material is categorized in accordance with grounded theory. This involves data collection, open, axial and selective coding of the posts, Glaser (1967).

Group dynamics

The dynamic of the Twitter group allows us to study a wider time period, and group activity. As the platform with no restriction to the visibility of the content that is produced inside the group (anyone from outside the group can browse the posts), we can collect the data from a bigger audience. Having no restriction to the access, new members are involved in the conversation simply by adding their post to the group 'wall', however, in the analysis participants with low content production are automatically excluded from the research. This involves people who posted only once, their content being neglected by the group members or even ignored.

Groups in Twitter are open (unless moderator restricts it in some way), thus the number of participants in the discussion, as well as content production should be greater. This is not entirely true because the group dynamics allows other forms of participation in the content and discussion. These include sharing posts in other pages, liking, commenting or hash-tagging the post creator. The produced posts stay in the same way as they were added if only, they do not violate the webpage policy or the moderator terms. In twitter, the group moderator is usually the person which holds the access to more advanced options of the page and more importantly all posts appear on his 'wall', which is special updated environment and place used temporally for group communication.

Opposite to the previous dynamics, Facebook offers more strict rules of content publication and more attention is put to the overall outlook of the group. If the posts are not connected to the group range of topics, contrary or vulgar, they are deleted by a moderator. In the Facebook environment, the groups may have multiple moderators, checking if the content is in accordance with the group rules. With a considerable size of the group, this is crucial to

the normal functioning of the communication since the content to be read is too vast for one person.

Facebook can represent both open and closed group dynamics. If the group is open, participants involved in the conversation can represent no connection to the group agenda in any way, but just use it as an opportunity for discussion. Therefore, I picked the closed vegan group, which limited the possibility of collecting nonessential data.

Results

The AGIL model is particularly visible on the Twitter group, this may be possible due to the wider range of time period, used for the analysis. Therefore, the time period is one of the aspects for facilitating the interaction and representing the model. Because the group forming process can be increased in the multimodal discourse, the process of AGIL can be observed within months. Having this in mind, the data is also divided into the three phases of group communication. The phases represent the three different events of the group, connected to the change of members that participate in the discussion, thus we can see it as the group generations. Generations are introduced at the already developed stage of group communication, extending the domains of their predecessors and adding new subject into the discussion.

The adaptation stage of the Twitter group involves the creation of the group, where new members start to form the inside-group relations, establish their positions and basic topic through which they can relate to one another. This phenomenon is reflected in the language use and topics discussed inside the group. Using rudimentary statements and representing just the surface of the issues is common practice. The main topics discussed are environment, transition into vegan, food and connecting with vegan communities. All these topics are represented in the posts but only in the general, narrow sense. At this stage, language is simple and easy to follow, without any opinion or clearly presenting the stance. I identify this process in the first phase of group communication (the year 2016).

The second stage namely goal attainment introduces topics which are more problematic, connected to the group main domain of operation. By domain of operation, I understand the range of subject and fields, specific to the group, which is represented in posts and in-group communication. This stage forms the overall social identity of the group, with a personal contribution to the discussion. Because the group integration, which is the third stage of the AGIL model, is also represented in the short time (in contrast with the first stage), I decided to represent both stages as one. The third stage is the integration itself. The integration has a two-fold feature because, from the very beginning of the group formation, group members are connecting to one another. This encompasses the group members, but also newcomers added to the group dynamics in the meantime. Communicants integrate with the group since the very beginning, for at this stage it is represented in the language. We can see relations among group members, with the tendency to lead a

lengthy discussion about issues stated. Subjects introduced during these stages are vegan celebrities, animal rights and laws enforcement, promoting vegan food, recipes, and controversial animal violence. The more problematic the content gets the more participants are involved in the discussion, this may suggest that the group established a certain understanding of their identity, allowing them to interact as one strong social unit. Stages of goal attainment and integration are particularly visible during phase two, represented at the beginning of 2017.

The final stage of the AGIL model is latent pattern maintenance. I have chosen to enclose it in the last time period (third phase 2017-2018), due to the repetition of the topics, adding no more dynamics to the discussion. The pattern maintenance is represented in the posts which follow the same scheme, used and developed by the first and second generation of participants. Topics of the discussion are connected to animals which can feel pain, hunting practices, recipes and shops with vegan food, and bringing up vegan children.

After the prior categorization, I created originally 12 categories, which are general and represent the main post content. With open and selective categorization, the number of categories is limited to three: Identity, Aliens (non-vegans), and Environment. These three categories function as the basic model for the in-group communication, thus all posts belong to one of the given categories. With this starting point, other posts are categorized, each creating links and relations, extending the main category. These relations can be seen on the mind map in the attachments, representing all of 82 posts within the specific categories, and linkages (Fig.1 Relations and linkages).

The results in the vegan group on Facebook is somehow different. The first difference is the number of posts. During one week from the period (1-8 August 2018), the group members produced 538 posts which were categorized thematically and pragmatically. The most dominant subjects were connected to animals in general, everyday life, connecting with the group and services (i.e. good restaurants or hairdresser).

In contrast to the Twitter group, the substantial number of post and short time period does not allow for formulating or dividing the content in accordance to AGIL model. The possible reasons for this are the group being already in the last stage of the model which add no more dynamic to the conversation, and the data stretching only to one week. As we can see in the previous case study the time necessary for each stage of the model is longer (half a year at least). Therefore, this case study requires a different approach, with the use of grounded theory and discourse analysis of the leading person involved in the communication. With this dynamic the group integration is based on several communicants which add the major part of the content, executing a specific role in the group, incorporating the subjects within the same domain and creating the basis for discussion. If any new members are added to the group, the structure present inside the group is already advanced and easy to follow. Though, it is not easy for new members to get

through the content and become the person with a specific role. In this vegan group, the integration is formed not around one person and his or her wall. The group is more developed both in terms of in-group rules and policy of posting. Likewise, the number of moderators is larger.

The analysis of the data revealed the split of the group. The content represented a minor disagreement with the strict rules and policy of the group, thus some participants were against and formed their own group. This suggests a failure of integration and points out that keeping the group together is problematic. Another controversial issue is stated in the post presenting artificially made meat, in which vegan group is curious and positive about it: “niby jestem negatywnie nastawiony, bo prawie 2 lata nie jem mięsa, ale też w sumie jestem ciekawy”, “Produkcja takiego mięsa nikogo nie krzywdzi, więc jestem bardzo mocno na tak...mam nadzieję, że dożyję”. Within the studied data the major role in integration is played by four participants, with the main post contribution. These participants act as pillars that hold the group communication. Their interactions and post can be classified, forming the role in the group. The first communicant with the number of post exceeding others (50), is talking about relationships and stereotypical thinking about vegans. The group is led by this person even to subjects of homosexuals, and relationships with the same gender. Such topics could not be discussed unless the group is already fully integrated, otherwise, several different opposite views would be formed. The next participant with 18 posts, discusses issues relating animal help. If any member of the vegan group has a problem with animals or does not know how to provide aid, this communicant's posts stretch this subject. The last two communicants with the same number of post (17), relate to everyday life and services in the specific cities. These include appliances, health and other appearance-related issues. Surprisingly, with the database analyzed there are more themes connected to everyday life than being a vegan, it may be due to the progression of the group or to the narrow period for the analysis.

Conclusion

In order to see the full operating model of integration the case study should represent the wider time period. The multimodal discourse allows for more features, elements and possibilities for the discussion; thus, the integration is executed sooner. In this article, I studied two groups dynamics, with their own unique mechanisms and agenda. By the mechanism, I understand the integration and organization of the group. The analysis revealed that within the longer time period and open access group we can pinpoint the generations of the group, which represent participants coming to the group for a certain amount of time. After this time their contribution to the group is put to an end, but the ideas are continued by the next generation of communicants.

The first case study presented the open group dynamics which follow the AGIL model. During each of the four stages, the group developed and integrated their communication and in-group relations. At first, the group

members hide their opinion without clearly stating the stance, also the discussed topics are general and broad. Because the pace of adding content on the internet some stages of the AGIL model are established in an earlier manner. The subjects become more controversial and problematic in time, as the integration of the group develops. The evidence is represented in the lengthy discussions and forming the overall identity of the group. After establishing the integration, the group dynamics become static repeating the same schemes and patterns of linguistic representation of the issues.

The integration model of the Twitter group can be summarized in three categories: Vegan identity, Aliens (non-vegans) and Environment. These categories act as a starting point for all the posts, creating linkages and relationships between the similar, interconnected subjects.

The second dynamic represents a different model of integration. Due to the closeness of the group, more strict rules and moderators, the integration is represented differently. Facebook group is based on 4 participants that encourage and lead the discussion, each of them having a specific role in the communication. Their involvement is crucial for founding the group integration and assimilating new members. After the analysis of this group I can state that the specification of the AGIL model stage in the database representing a short time period is not possible, thus discourse analysis is a useful tool for studying the content.

The data revealed the split of the group members which were against the strict rules and policy of the moderators for expressing one's thoughts. The occurrence of this may suggest the failure of group integration. By studying the content, we can also stipulate which members produced the most content relevant for the discussion, and on this basis identify their role in the group communication. Because the progression of the group the discussion is connected more to everyday life than vegan identity.

Research on multimodal discourse can provide us with several crucial information not only for the field of linguistics but also psychology, sociology and communication studies in general. The advancement of the technology enables us to collect updated social examples which reflect real language in use, thus it is worth to progress the study on the domain of multimodal discourse.

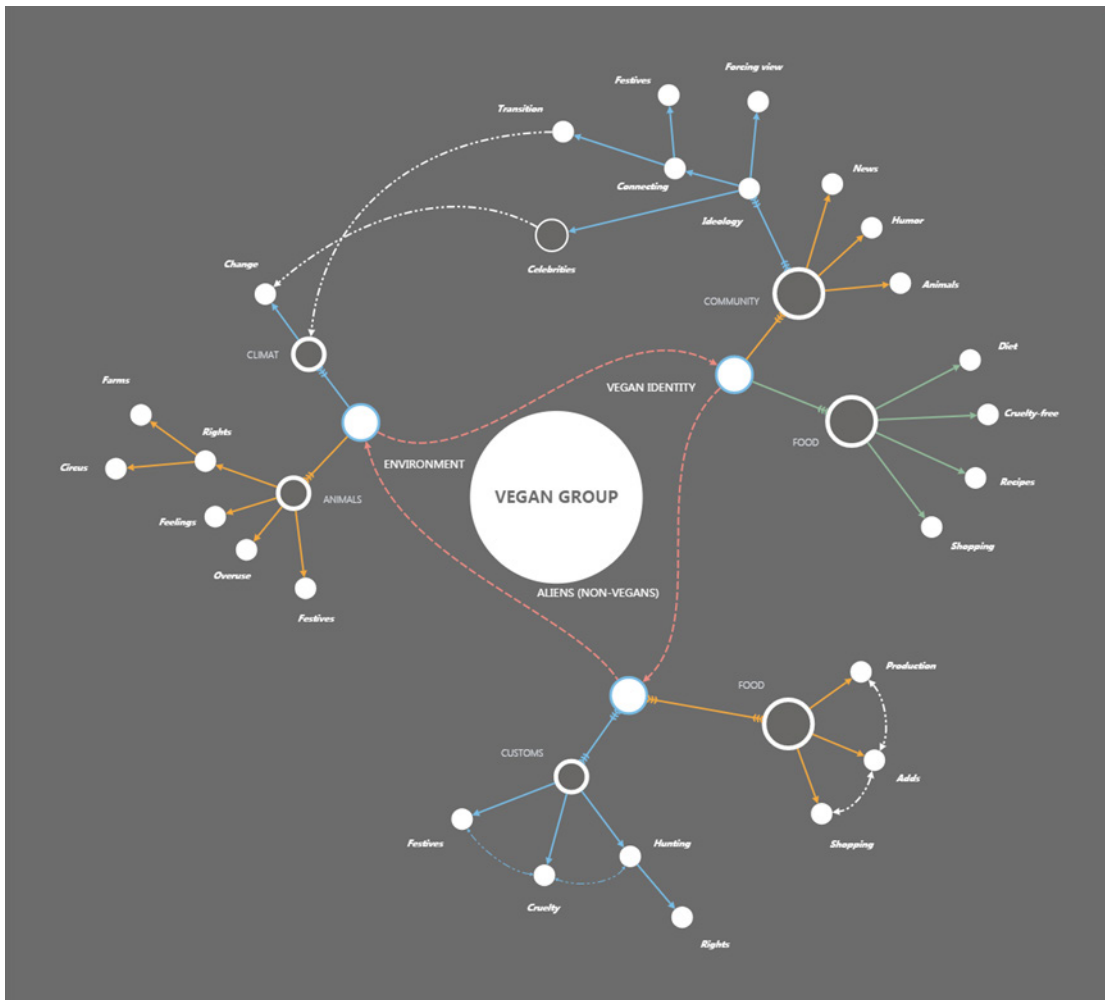

Fig.1 Relations and linkages

REFERENCES

Baron, N. S. (2010) 'Discourse structures in Instant Messaging: The case of utterance breaks', *Language@Internet*, vol. 7, no. 4 [Online]. Available at <http://www.languageatinternet.org/articles/2010/2651/Baron.pdf>.

Glaser, B. G. (1967) *Discovery of grounded theory: strategies for qualitative research* [Online], New York, Aldine Pub. Co. Available at <http://worldcatlibraries.org/wcpa/oclc/1078855765>.

Helen Bednarek Caple, M. (2013) 'Images in the news', p. 223 [Online]. Available at <http://worldcatlibraries.org/wcpa/oclc/6031267052>.

Myers, G. (2013) 'Stance in blogs', p. 253 [Online]. Available at <http://worldcatlibraries.org/wcpa/oclc/6031287467>.

Parsons, T. (1962) *Toward a general theory of action : [theoretical foundations for the social sciences]* [Online], New York, Harper. Available at <http://worldcatlibraries.org/wcpa/oclc/916639374>.

Ryan M. Milner (2013) 'FCJ-156 Hacking the Social: Internet Memes,

Identity Antagonism, and the Logic of Lulz', *The Fibreculture Journal*, Issue 22 2013: Trolls and The Negative Space of the Internet.

Scollon, R. and Scollon, S. B. K. (2004) *Nexus analysis: Discourse and the emerging internet*, London, Routledge.

Törnberg, A. and Törnberg, P. (2016) 'Muslims in social media discourse: Combining topic modelling and critical discourse analysis', *Discourse, Context & Media*, vol. 13, pp. 132–142.

Turner, J. H., Woroniecka, G. and Manterys, A. (2004) *Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa, Wydaw. Naukowe PWN; Wydawnictwo Naukowe PWN.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MEDIATION

Katarzyna Oberda

Ph.D. student, the Jan Kochanowski University in Kielce, Poland

ABSTRACT

This article discusses the selected psychological aspects of mediation to which emotions, conflict resolutions, and psychological support belong. Nowadays, the complexity of the phenomenon of mediation is recognized worldwide as its nature is embedded in the psychological approach to intervention and interactive problem-solving. The psychological debates on mediation mainly concentrate on the relational transformation that has its roots not only in the field of communication but also in the moral development theory. The psychological aspects of mediation are verified in the iWeb Corpus as well as the NOW Corpus to provide the quantitative and qualitative results concerning psychological architecture of mediation, its frequency, and context.

KEYWORDS: mediation, emotions, conflict resolution, psychological support, corpus linguistics

Artykuł omawia wybrane psychologiczne aspekty mediacji, do których należą emocje, rozwiązanie konfliktów i wsparcie psychologiczne. W dzisiejszych czasach złożoność zjawiska mediacji jest rozpoznawana na całym świecie, ponieważ jej natura osadzona jest w psychologicznym podejściu do interwencji i interaktywnego rozwiązywania problemów. Psychologiczne debaty na temat mediacji koncentrują się głównie na transformacji relacyjnej, która ma swoje korzenie nie tylko w dziedzinie komunikacji, ale także w teorii rozwoju moralnego. Psychologiczne aspekty mediacji są weryfikowane w korpusie iWeb i korpusie NOW, a omawiane ilościowe i jakościowe wyniki analizy dostarczają informacji na temat psychologicznej architektury mediacji, jej częstotliwości i kontekstu.

SŁOWA KLUCZOWE: mediacja, emocje, rozwiązywanie konfliktów, wsparcie psychologiczne, językoznawstwo korpusowe

У статті розглядаються вибрані психологічні аспекти медіації, які включають емоції, вирішення конфліктів та психологічну підтримку. Сьогодні складність феномену посередництва визнається у всьому світі, оскільки його сутність заснована на психологічному підході до втручання та інтерактивного вирішення проблем. Психологічні дебати про посередництво зосереджуються в основному на реляційній трансформації, коріння якої сягає не лише галузі комунікації, але і теорії морального розвитку. Психологічні аспекти посередництва перевіряються в корпусах iWeb та NOW, а обговорювані кількісні та якісні результати аналізу нада-

ють інформацію про психологічну архітектуру посередництва, її частоту та контекст.

Ключові слова: посередництво, емоції, вирішення конфліктів, психологічна підтримка, корпусна лінгвістика.

Introduction

The main aim of this study is to present the selected psychological aspects of mediation to which emotions, conflict resolutions, and psychological support belong. In order to achieve this aim, the corpus linguistics methodology is applied to discuss the selected psychological aspects of mediation. With the applied methodology the research data are collected from the NOW Corpus as well as the iWeb Corpus to conduct the quantitative and qualitative analyses and discuss the results in terms of the psychological architecture of mediation, its frequency, and context. This discussion, however, is limited to emotions, conflict resolution, and psychological support only to indicate the complex nature of mediation.

To understand the complex and complicated nature of mediation we should refer to the etymology of the term. The genesis of the term mediation dates back to ancient times and derives from the Proto-Indo-European language from the *medhyo — meaning ‘middle’. In European culture, the genesis of the term mediation comes from the Latin word mediātiō (perhaps through the French language mediation/mediacion) from the Latin word mediārī («intervene»), from the Latin word medius («middle»). The noun mediation was introduced into the English language from Latin in the 14th century from the Latin word mediātiō, which means «division in the middle.» The English verb mediate comes from the nouns mediation or mediator, meaning ‘reaching an agreement through mediation’ in the 16th century or ‘acting as a mediator’ in the first decade of the 17th century [<https://www.simplypsychology.org/operant-conditioning.html>].

Since the term mediation has the same root as the words medium, the Mediterranean, intermediate, Medoc, medullary and mediocre it is assumed that these words must have had the same etymology [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>]. The ancient root medi is present in such antique names of the Roman cities as Mediolanum — now Milan, Mediolanum Santorum — now Saintes and the Celtic Gaul word Mediolanon meaning the centre of a territory [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>]. What is more, the root medi is present in the name of Meditrinalia i.e. the Roman grape harvest festival to celebrate the healing properties of the new wine mixture with the old wine [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>]. In French, the word mediation was published in the French encyclopaedia in 1694 to describe “a human intervention between two parties” [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>]. however, it appeared first in the dictionaries e.g. Master Cesar de Rochefort dictionary in 1684, Furetiere dictionary 1690 and then in the dictionary of the French Academy in 1694 [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>].

It is stated that it derives from the noun mediator who was to “translate the letters of Saint Paul written in Greek in the first century” [<https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/mediation>]. This etymological research leads naturally to modern definitions.

In English for General Purposes the word mediation is defined as “the process by which someone tries to end a disagreement by helping the two sides to talk about and agree on a solution” [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation>] or as “intervention in a dispute in order to resolve it; arbitration” [http://en.wikimediation.org/index.php?title=Etymology_of_the_word_mediation] or as “the act of mediating; intercession” [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation>].

In English for Specific Purposes, the term mediation refers to “[a] settlement of a dispute or controversy by setting up an independent person between two contending parties in order to aid them in the settlement of their disagreement” [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation>]. For any business activity the term mediation is defined as “use of an independent, impartial, and respected third party (called the conciliator or mediator) in settlement of a dispute, instead of opting for arbitration or litigation. Unlike an arbitrator, a mediator has no legal power to force acceptance of his or her decision but relies on persuasion to reach an agreement. Also called conciliation” [https://www.123rf.com/photo_40760494_conflict-resolution.html]. On the basis of the above-presented definitions, it is possible to state that the fundamental objective of mediation is to reach a conflict resolution with the assistance of the mediator as a third party in the mediation process.

In the International Law, the term mediation means “an attempt to reconcile disputed matters arising between states, esp. by the friendly intervention of a neutral power” in the international law [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation>]. The legal dictionary states that in the International Law the term mediation is defined as “the friendly interference of one state in the controversies of nations. It is recognized as a proper action to promote peace among nations” [<http://www.businessdictionary.com/definition/mediation.html>].

In the internationally recognised psychological dictionary i.e. APA Dictionary of Psychology the term mediation is defined as “n. in dispute resolution, use of a neutral outside person—the mediator—to help the contending parties communicate and reach a compromise. The process of mediation has gained popularity, particularly for couples involved in separation or divorce proceedings (see divorce mediation)” [<https://dictionary.apa.org/mediation>]. In the language of psychology the term mediator is defined firstly as “an unseen process, event, or system that exists between a stimulus and a response, between the source and destination of a neural impulse, or between the transmitter and receiver of communications” and secondly as “a person — for example, a lawyer or psychologist—who helps contending parties communicate and reach a compromise. See also divorce mediation” [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mediation>].

Review of literature

Psychological debates on mediation mainly concentrate on mediation models, mediation analysis as well as mediation effect. Those three entities are inseparable in the process of mediation as in each mediation process a certain model is applied, the analysis is conducted either covertly or overtly and mediation effect is easily detected. Therefore, most psychologists while discussing mediation models, they address the limitations of different mediation approaches concerning the measurements of the mediation effect and mediation relations developed in the mediation process [Bauer, Preacher, Gil 2006, Fairchild, McDaniel, 2017, Freedman 2001].

In psychology, the conceptual model of mediation seems to be straightforward as it is dominated by the stimulus-organism response model [Hebb 1966]. However, the actual application of mediation mechanism to generate the expected effects is not so much straightforward [Bullock, Green, Ha 2010]. What is more, the difficulty arises when the discussions of specific models based on a set of assumptions are involved [Agler, De Boeck, 2017: 1984, Baron, Kenny 1986, Imai, Keele, Yamamoto 2010, Jo 2008, Kraemer, Wilson, Fairburn, Agras 2002, Pearl 2009]. Then, multilevel discussions are conducted concerning the statistical significance for testing mediation relations between total effect, indirect effect or direct effects.

One of the first mediation models is the Psychological Mediation Intervention model (PMI) considered to be a form of single — session psychotherapy described by Schwebel et. al [Schwebel 1985]. This model is presented as a flexible approach to interpersonal conflicts. In this PMI model, the dual objectives are stated, namely the resolution of the immediate conflict and alternation of interactional pattern to resolve the difficulties. The PMI model is contrasted with such forms of mediation as divorce mediation, issue-centered mediation, and neighbourhood mediation [Schwebel 1985].

In the psychological literature, the mediation models comprise the Single -Mediator Model and the Multilevel Mediation Model [Lindquist.2009]. The Single — Mediator Model has its origins in the three-step mediation model created by Hyman [Hyman 1955. 258]. This Single -Mediator Model includes three variables, namely a single independent variable (X), a mediating variable (M) and a single dependent variable (Y). The attempt to correlate and parametrize the Single -Mediator Model is visualised in Fig.1 below:

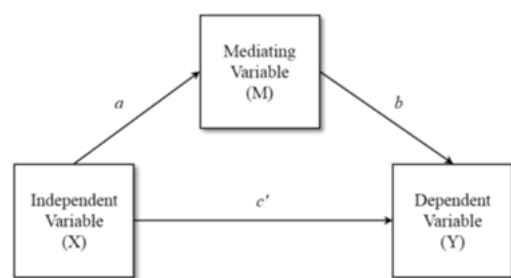

Fig. 1. Path diagram of a single mediator model, where the product of the a and b coefficients defines the indirect effect of X on Y through M. The

c' coefficient denotes the direct effect of X on Y, controlling for M. In linear models with continuous outcomes, an estimate of the total effect of X on Y is parameterized as follows: $c = ab + c'$ [Fairchild, McDaniel 2017: 1262].

The Multilevel Mediation Model [MacKinnon, Valente. 2014] investigates a chain of relations among variables. The Multilevel Mediation Model includes different levels of analysis with the exposure to the psychological intervention. The different levels of analysis aim at revealing causal mediation relations as visualized in Fig. 2 below.

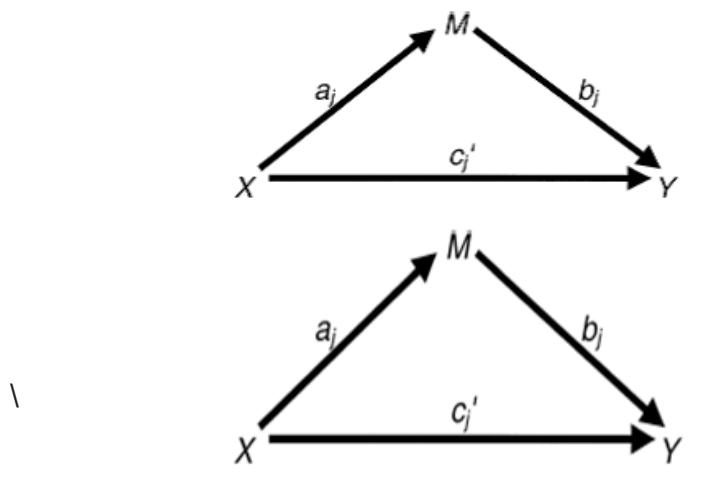

Fig. 2. Multilevel Mediation Model [Kenny, Bolger, Krochmaros, 2003: 117].

In the Multilevel Mediation Model, the Level 1 of the mediation model concentrates on the effect of X on Y partially mediated by M. In this model the Level 2 unit j , X causes M i.e. path a_j , whereas M causes Y i.e. path b_j and X causes Y i.e. path c_j' [Kenny, Bolger, Krochmaros, 2003:117].

In psychological studies, the origins of mediation theory refer to behaviourism and stimulus-response theories. Behaviourism is a systematic study of human behaviour to understand how reflexes are produced as a result of a response to the given stimuli in the environment [Pavlov 1926, Thorndike 1911: 30, Thorndike 1914: 203, Watson 1926: 54]. The earliest behaviourism derivatives are in the Thorndike's (1898) theory of the effect law from which stimulus-response theories developed within educational psychology [Thorndike 1911, Thorndike 1914]. Based on the principles of conditioning [Pavlov 1926] and the Law of Effect [Thorndike 1911, Thorndike 1914] mediation theory refers to the approach related to learning. It is generally assumed that behavioural responses (R) followed by satisfactory results become patterns which are likely to reoccur in response to the same stimuli (S).

As defined by Sutherland (1995), mediation theory is based on the hypothesis that "internal responses (or fractional ones see fractional, antedating goal, response) can be conditioned to stimuli and can themselves

control (mediate) overt responding. The idea was current in the 1930s and 1940s in a forlorn attempt to save behaviourism and stimulus-response theory” [Sutherland 1995:267].

Although the basic stimulus-response scheme is unmediated, in the case of human individuals the scheme becomes mediated when thinking about the response is involved. With Skinner’s theory of reinforcement, the current mediation theory is still essential in educational and cognitive psychology [<https://dictionary.apa.org/emotion>]. Nowadays the mediation theory refers to learning as between the stimulus and the response there occur mediating processes the explanation of which is necessary to justify the response [Reber 2001].

As indicated above, in the literature of educational and cognitive psychology, the mediated generalisation, as well as semantic generalizations, are discussed. The mediated generalization occurs when stimulus generalization is not “brought through perception, but mediated by some other process such as semantic generalization” [Sutherland 1995: 20]. Semantic generalization, on the other hand as a form of stimulus generalization “in which a learned response to a particular stimulus (1) comes to be elicited by another stimulus that resembles it not in its stimulus properties but in its meaning as when a learned response to the word shoe or to an image of a shoe, comes to be elicited by the word lace or by the image of a shoelace” [Colman 2009: 684].

Mediation in Corpora

In this study, the applied methodology is that of Corpus Linguistics i.e. the study of language expressed in large collections of corpora i.e. machine-readable texts in real life situations. Although the study of language texts is not a novelty in scientific research, especially in historical linguistics, Corpus Linguistics has been used for analysing linguistic phenomena from the 1960s and 1980s onwards due to the availability of computers and machine-readable texts [Biber, Conrad, Reppen, 2004, Lindquist 2009, McEnery 2001].

In this study, the research material comes from the NOW Corpus i.e. News on the Web which is composed of 6,819,505,570 billion words of data [<https://corpus.byu.edu/now>] as well as the iWeb Corpus with 14 billion words located in 22,388,141 web pages coming from 94,391 websites [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. The present-day corpora i.e. the NOW Corpus and the iWeb Corpus are balanced and systematic. The texts in both corpora are collected according to specific principles related to genres, registers as well as written or spoken modes.

With this methodology applied, the quantitative and qualitative analyses are conducted to investigate the term mediation in relation to emotions [Goleman 1995, Plutchik 1991], conflict resolutions and psychological support [Reber 2001]. In order to accomplish this objective, the frequency of mediation in corpora is presented as well as the architecture of mediation is discussed in the psychological contexts of emotions, conflict, and support.

Frequency of mediation

The NOW Corpus is still growing by approximately 160-170 million words per month i.e. about 1.6 billion words per year. The collected data are usually presented in this Corpus for the first half and the second half of the year. The analysed data referring to the frequency of the term mediation cover the period from 2010 to 2017 and are presented in Fig. 3 below:

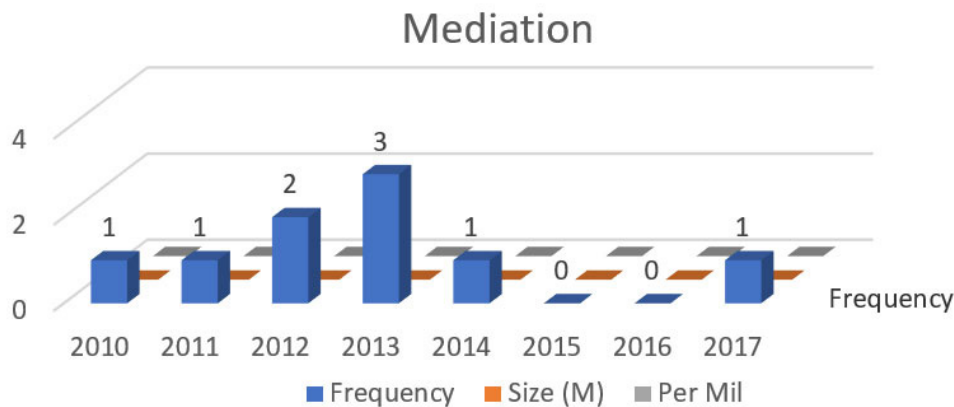

Fig. 3 The frequency of Mediation between 2010-2017 -the NOW Corpus source [https://corpus.byu.edu/now]

As presented in Fig.3 the frequency of the term mediation occurrences fluctuated in the range from 0 to 3 in the period between 2010 and 2017. The frequency with the value of 1 occurs in 2010, 2011, and 2014. The frequency of the value 2 occurs in 2012 and the value 3 in 2013. The other criterion of the size (M) is presented in Fig. 3 in the subsequent years as follows: 2010 — 244.4, 2011-305.1, 2012- 371.5, 2013-401.8, 2014 –429.8, 2015-512.9, 2016 -1533.3, 2017-1750.8. The visualisation of the Per Mil criterion is reflected in numbers as follows 2010 — 0.01, 2011-0.01, 2012- 0.01, 2013-0.01, 2014 — 0.00, 2015-0.00, 2016 -0.00, 2017-0.00 [https://corpus.byu.edu/now].

The psychological architecture of mediation

The architecture of the term mediation is constructed on the basis of the data coming from the iWeb Corpus [https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation]. Contrary to other corpora, the compilation of the texts in the iWeb Corpus is not based on the principle of randomness but the systematic principle policy [https://corpus.byu.edu/iweb]. The systematic principle is used to select the websites with the application of Alexa.com tool created by the Amazon company. As a result, the iWeb Corpus contains an average of 245 web pages as well as 140,000 words for each of the 94,391 chosen websites [https://corpus.byu.edu/iweb]. The text compilation in the iWeb Corpus reflects the texts used by the English-speaking users from the US, Canada, Ireland, the UK, Australia, and New Zealand [https://corpus.byu.edu/iweb].

The word mediation is defined in the iWeb Corpora firstly as “the act of mediating” and secondly as “negotiation to resolve difference conducted by some impartial party” [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. The second definition corresponds to the definition of the term mediation provided by APADictionary of Psychology [<https://dictionary.apa.org/mediation>]. This term is synonymous to such terms as arbitration, conciliation, facilitation, intercession, intermediation, negotiation [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. The verb mediate is defined firstly as “act between parties with a view to reconciling differences” [<https://corpus.byu.edu/iweb>] and secondly “occupy an intermediate or middle position or form a connecting link or stage between two others” [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. This verb has such synonyms as arbitrate, facilitate, intercede, intermediate, intervene, negotiate, umpire [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. As the keyword, it occurs in the context of psychology in such topics as activation, expression, interaction, inhabitation, protein, tissue [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. The term mediation occurs in the texts published online in the following websites: uslegalforms.com, ourfamilywizard.com, nationalparalegal.edu, communityos.org, legalline.ca, poole.gov.uk, bible.org, jrank.org and others [<https://corpus.byu.edu/iweb>].

The analysis of the texts compiled in the NOW Corpus shows that the term mediation collocates with other lexemes to form compounds and extend its semantic range of lexical reference in the collocation network. In the analysed collocations, the term mediation performs the function of the Head premodifier or the function of the Head. The collocations with the term mediation are presented in the visual mode in Fig. 4 and Fig. 5 below.

The collocation architecture of the noun migration as the Head is presented in Fig. 4 below:

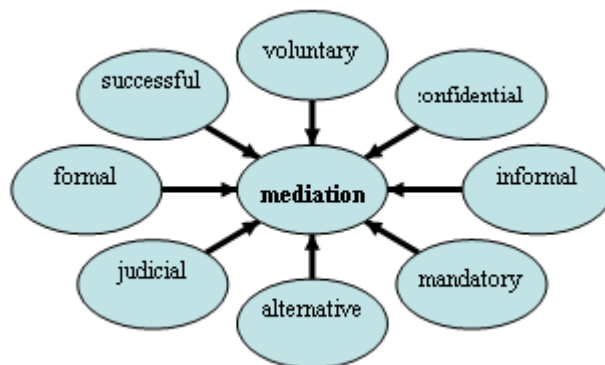

Fig. 4 Collocation network with adjectives as premodifiers of the Head mediation [<https://corpus.byu.edu/nw>]

Mediation is pre-modified by such adjectives as alternative, confidential, formal, informal, judicial, mandatory, successful, voluntary. All those adjectives show that mediation as an alternative for dispute resolution may have formal or informal modes. Whatever the mode of mediation is selected, mediation

always displays the features of confidential and voluntary actions. It should be successful to resolve a conflict between the parties involved. Although according to the EU Regulation mediation [Directive 2008] mediation is voluntary in legal disputes, in the USA in the discussed period, mediation occurs to be mandatory. In 2010, while discussing the foreclosure and homeowners turn to mediation Jeff Schweers informs in the USA Today that "The Florida Supreme Court issued an administrative order in December requiring all its 20 circuit courts to adopt rules for mandatory mediation on all residential foreclosures, based on a task force's recommendations. # The 18th Circuit Court in Brevard County, Fla., made mediation in March 2009, before the state Supreme Court's order"[<https://corpus.byu.edu/now>]. The issue of mandatory mediation imposed by civil procedure rules before the cases are heard in court is subject to heated debates e.g. in CBS FACE THE NATION: Interview With Mick Mulvaney; Interview With Tom Cotton; Interview With California Congresswoman Jackie Speier; Tax Cut Proposals; Roy Moore's Political Fu [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mediation>]. In the EU legislation, the fundamental feature of mediation is strongly emphasized as its voluntary character is a cornerstone of mediation in the whole mediation process [Directive 2008].

The collocation architecture of the noun mediation as the premodifier is presented in Fig. 5 below:

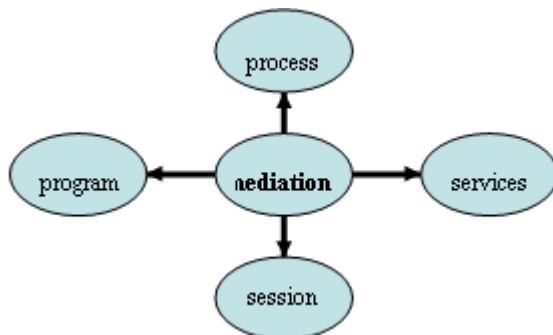

Fig. 5. The term mediation as the Head premodifier [<https://corpus.byu.edu/iweb>].

The noun mediation pre-modifies such nouns process, sessions, services, program. The mediation process is important for migrants speaking several languages to obtain integration and communication with the local cultural and religious community. Usually before the mediation process starts the parties sign the confidentiality agreement, especially when the parties involve the employer and the employee [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. The mediation sessions recorded in the NOW Corpus refer to private mediation sessions usually ordered by the court or held by police which last for a specified period of time before the court trial starts [<https://corpus.byu.edu/iweb>]. In order to facilitate mediation, different mediation services are provided either free of charge or "with fees for traditional legal services" [<https://corpus.byu.edu/iweb>].

edu/iweb]. In the process of mediation, the mediation program is set up to resolve cases more efficiently, to evaluate the causal reasons of mediation and to resolve the conflicts more quickly [https://corpus.byu.edu/iweb].

Psychological context of mediation

To understand the nature of mediation, the qualitative analysis of the compiled texts in the iWeb Corpus and the NOW Corpus has been conducted in the psychological context. The results of the conducted analysis show that the term mediation collocates with such psychological terms as emotion, conflict resolution, and support. In the psychological context, the architecture of mediations shows the collocational relationship between mediation and emotional entities as presented in Fig. 6 below:

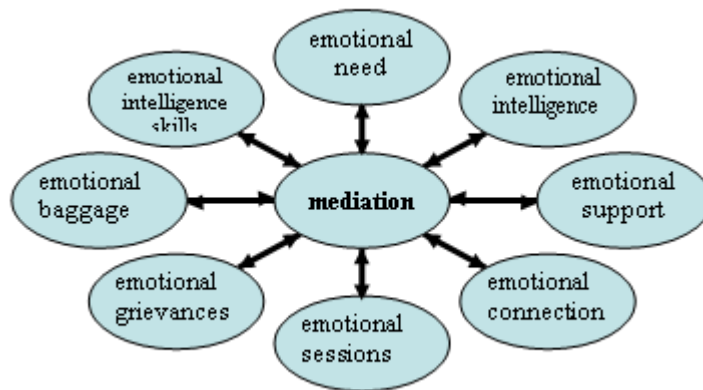

Fig. 6. Collocational relationships between mediation and emotional entities (source: the NOW Corpus [https://corpus.byu.edu/now]).

In the analysed texts, the term mediation collocates with such psychological terms as emotional need, emotional support, emotional intelligence, emotional connection, emotional sessions, emotional grievances, emotional baggage, and emotional intelligence skills [https://corpus.byu.edu/now].

The role of emotions in the process of mediation should be emphasised as in order to obtain the success of mediation all negative emotions should be transformed into their corresponding positive counterparts. To understand the importance of emotion in the process of mediation, we refer to the definition of the term. The term emotion is defined as ‘a complex reaction pattern, involving experiential, behavioural and physiological element, by which an individual attempts to deal with a personally significant matter or event’ [https://dictionary.apa.org/emotion]. Since disputes or conflicts usually generate negative emotions, the primary objective of mediation is to reach the resolution, which certainly generates such positive emotions as acceptance, joy, trust or serenity.

Conflicts have been accompanying the individual for centuries. In ancient times the forms of dispute resolution were similar to modern mediation. The conflicting parties were not left alone. In fact, the parties to a conflict were assisted by the ruler, the judge or another person of social authority. The aim of such a procedure was, above all, caring for the safety and peace of the inhabitants [Kenny, Bolger, Krochmaros, 2003]. The use of out-of-court dispute resolution known as mediation was popular in antiquity. In Egypt in the sixth century, they were popular due to the complicated form of the court process and high costs of travel to court [Kenny, Bolger, Krochmaros, 2003]. A more advantageous alternative to the Egyptians was to support a third party called a friend, a worthy citizen. Thanks to such a man, a faster and cheaper solution to the conflict could be obtained. Agreements were written on permanent papyrus scrolls, thanks to which they have preserved their durability to the present day [Kenny, Bolger, Krochmaros 2003].

The transformational relation between mediation and conflict resolution is recorded in the NOW Corpus. The presented texts in the period from 2010 to 2017 discuss the relationship between conflict resolution or dispute resolution and mediation. Mediation is presented as one form of conflict resolution. The other forms involve arbitration or negotiation. The transformational relationship between conflict, mediation and conflict resolution in the process of mediation is presented in Fig.7.

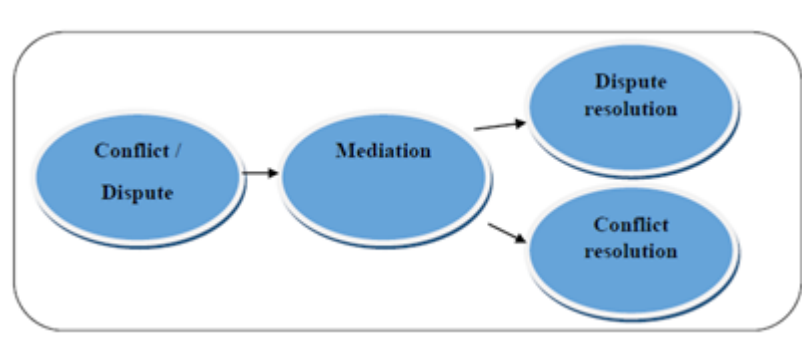

Fig. 7. Transformational relationships in the process of mediation [https://corpus.byu.edu/now].

The frequency of occurrences of the mediation and resolution collocation reaches 504 in the NOW Corpus. This collocation pattern shows that mediation occurs frequently in the psychological context of dispute or conflict and resolution. It shows the transformation of conflict into a resolution via mediation. To understand this transformation the conflict resolution as a process is discussed and presented in Fig.8.

In the social psychology of human interaction, conflict resolution is a process geared to reach an agreement in a dispute or a debate. In this process, various psychological processes occur e.g. motivation, reasoning or interaction. In the process of conflict resolution, it is possible to distinguish

five stages, namely

1. the identification of a problem
 2. the identification of feelings and emotions associated with a conflict
 3. the identification of the impact of a problem
 4. the decision to resolve a conflict
 5. work for a resolution of a conflict
- as illustrated in Fig. 8 below:

Fig. 8 Conflict resolution circle [<https://www.etymonline.com/word/mediation>].

Since conflict resolution is also the product of mediation verbalized in the form of agreement in civil, commercial and organisational as well as family matters for the last few decades the bridges have been built between mediation and psychology [<https://corpus.byu.edu/iweb>, <https://corpus.byu.edu/now>]. Those bridges were constructed in the texts worldwide e.g. in the USA, Great Britain, Australia, Ireland, Korea or Pakistan [<https://corpus.byu.edu/iweb>, <https://corpus.byu.edu/now>]. The bridges between mediation and psychology are presented in the form of collocational relationships with different psychological entities in Fig. 9 below:

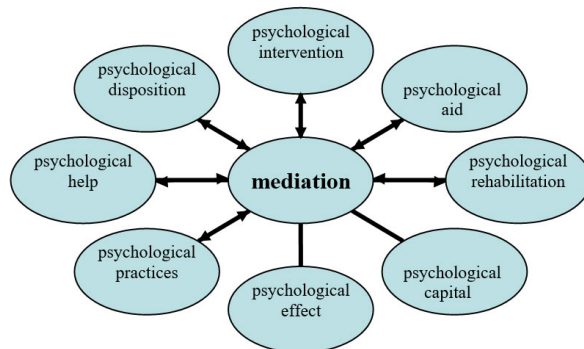

Fig. 9. Collocational relationships between mediation and psychological entities [<https://corpus.byu.edu/now>]

Mediation is in feedback collocational relationships with a psychological intervention, psychological aid, psychological rehabilitation, psychological capital, psychological effect, psychological practices, psychological help, and psychological disposition.

Conclusion

In the analysed period between 2010 and 2017, the frequency of the term mediation shows the diversification of occurrences worldwide. The results of the quantitative analysis conducted in psychological context shows that the term mediation, however, does not occur in isolation to indicate one of the legal forms to solve conflicts and disputes. In fact, the term mediation shows the connectivity between individual collocates creating the psychological architecture with collocation network.

The psychological collocations related to the term mediation form a complex architecture in which a network of semantic relationships is detected. Following the idea that collocates are part of larger collocation networks it has been visualised that the term mediation is associated with emotional entities, conflict resolution as well as psychological entities.

The empirical research into the collocation network shows that collocational relationships between mediation and such psychological aspects as emotions, conflict resolution and support constitutes a distinct level of linguistic analysis that requires a deeper understanding of processes involved in the collocation architecture, which should be the subject of further research.

BIBLIOGRAPHY

Agler, R., De Boeck, P. On the Interpretation and Use of Mediation: Multiple Perspectives on Mediation Analysis/ *Front Psychol.* 2017, 8.

Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical considerations / *J. Pers. Soc. Psychol.* 51, 1986, pp. 1175–1182.

Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use* / Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Bauer DJ, Preacher KJ, Gil KM. Conceptualizing and testing random indirect effects and moderated mediation in multilevel models: new procedures and recommendations / *Psychol Methods* 11 2006, pp.142–63.

Bullock J. G., Green D. P., Ha S. E. Yes, but what's the mechanism? (don't expect an easy answer) / *J. Pers. Soc. Psychol.* 2010, 98, pp. 550–558.

Colman, A.M. *Oxford Dictionary of Psychology* / Oxford: Oxford University Press. 2009. — p.684.

Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters

Goleman, D. *Emotional Intelligence*. New York: Bantam Books. 1995.

Fairchild, A., McDaniel, H.L., Best (but oft-forgotten) practices: mediation analysis 1,2 / *The American Journal of Clinical Nutrition*, Volume 105, Issue 6, 1 June 2017, pp. 1259–1271.

Fleming TR, DeMets DL. Surrogate endpoints in clinical trials: Are we being misled? / *Ann Intern Med.* 125, 1996, pp. 605–613.

Freedman LS. Confidence intervals and statistical power of the “validation” ratio for surrogate or intermediate endpoints / *J Statist Plan Inference* 96, 2001,- pp. 143–53.

Hebb GO. *A Textbook of Psychology.* 2 Philadelphia, PA: Saunders; 1966.

Hyman, H. *Survey Design and Analysis.* New York: The Free Press of Glencoe. 1955.

Imai, K., Keele, L., Yamamoto, T. Identification, inference, and sensitivity analysis for causal mediation effects / *Stat. Sci.* 25, 2010, pp. 51–71.

Jo, B. Causal inference in randomized experiments with mediational processes / *Psychol. Methods* 13, 2008, 314–336.

Kenny, D.A., Bolger, N., Krochmaros, J. Lower Level Mediation in Multilevel Model / *Psychological Methods*, 2003 Vol. 8, No.2, 2003, pp.115-128.

Kordasiewicz, S. Historyczna i międzynarodowa perspektywa mediacji. w: Gmurzyńska, E., Morka, R. *Teoria mediacji* Warszawa: Wolters Kluwer Polska Sp. z o.o. 2009, s.31-50.

Kraemer H. C., Wilson G. T., Fairburn C. G., Agras W. S. Mediators and moderators of treatment effects in randomized clinical trials. *Arch. Gen. Psychiatry* 2002,59

Lindquist, H. *Corpus Linguistics and the Description of English/* Edinburgh: Edinburgh University Press. 2009.

MacKinnon, D. Valente, M.J. Mediation from Multilevel to Structural Equation Modelling / *Ann Nutr Metab.* 65(2-3) 2014. pp. 198-204.

McEnery, T., Wilson, A. *Corpus Linguistics /* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.

.Pavlov, I. *Conditioned Reflexes An Investigation of the Physiological Activity of the Cerebral Cortex.* Oxford: Oxford University Press. 1926.

Pearl J. *Causality,* Cambridge: Cambridge University Press. 2009.

Plutchik, R. *The Emotions.* Lanham: University Press of America. 1991.

Reber, A., Reber, E.S. *The Penguin Dictionary of Psychology/* Penguin Books 2001.

Schwebel, R., Schwebel, A.I., Schwebel, M. The psychological/mediation intervention model. *Professional Psychology: Research and Practice*, Vol 16(1), Feb 1985. pp. 86-97

Sutherland, S. *The Macmillan Dictionary of Psychology.* Basingstoke: The Macmillan Press Ltd. 1995.

Thorndike, E. L. (). *Individuality.* Boston: Houghton Mifflin, 1911.

Thorndike, E. L. *Educational psychology.* New York: Teachers College, Columbia University. 1914.

Watson, J. B. *Studies on the growth of the emotions/* Psychologies. Worcester, MA: Clark University Press. 1926.

CZYM JEST GRZECZNOŚĆ? ROZWAŻANIA O HISTORII I NATURZE POLSKIEJ GRZECZNOŚCI

Barbara Maj-Malinowska

Doktorantka kierunku Językoznawstwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, POLSKA

ABSTRACT

The article makes an attempt to capture the contemporary valid definition of politeness in Poland. In the background the author of the paper discusses the characteristic features of polish mentality as well as the crucial moments of the last 100 years of polish history.

Keywords: politeness, polish society, polish mentality.

У статті здійснено спробу оцінки актуальної дефініції чемності (особистої культури) в Польщі. Фоном аналізу стали характерні риси ментальності польського суспільства та переломні моменти історії країни останніх 100 років.

Ключові слова: чемність (особиста культура), польське суспільство, польська ментальність.

W artykule podjęto próbę uchwycenia współcześnie aktualnej definicji grzeczności w Polsce. Tło rozważań stanowią charakterystyczne rysy mentalności polskiego społeczeństwa oraz przełomowe momenty ostatnich 100 lat historii kraju.

Słowa kluczowe: grzeczność, społeczeństwo polskie, polska mentalność.

1. Uwagi wstępne

Pojęcie grzeczności jeszcze nigdy nie wydawało się tak trudne do zdefiniowania, jak w czasach obecnych, których jedyną stałą i dającą się łatwo wyodrębnić cechą charakterystyczną wydaje się ciągła zmiana, zachodząca współcześnie tempie nieporównywalnym do czasów minionych. Ustalony przez poprzednie pokolenia porządek społeczny i jego manifestacje wydają się dzisiaj raczej zapisem przeszłości, który można odnaleźć często już tylko w pracach naukowych i literackich, niż faktyczną praktyką społeczną. Wraz z dawnym porządkiem odchodzą do przeszłości normy i obyczaje składające się na tradycyjną polską grzeczność zmuszając współczesnych do refleksji nad tym pojęciem oraz próby jego (re)definicji. Niniejszy przyczynek stawia sobie za cel ukazanie kluczowych zmian w myśleniu Polaków w ciągu ostatniego stulecia dotyczącym rozumienia grzeczności oraz jej praktykowania, jak również próbę uchwycenia współczesnej definicji tego pojęcia.

2. Grzeczność a charakter narodowy Polaków

Grzeczność według definicji słownikowej jest to „sposób zachowania świadczący o dobrym wychowaniu” (Grzeczność). Wśród synonimów grzeczności wymienione są takie słowa, jak: „usługa, uprzejmość, przysługa”. Zacytowane wyjaśnienie znaczenia pojęcia grzeczność wydaje się jednak zbyt ogólne i pozbawione kontekstu, dlatego warto pokusić się o jego szersze opisanie oraz nakreślenie warunków powstania i okoliczności towarzyszących, zwłaszcza, że to, co świadczy o dobrym wychowaniu w danej społeczności, danym czasie i miejscu może być odebrane jako zachowanie grubiańskie lub obraźliwe przez inne wspólnoty czy osoby indywidualne w odmiennych warunkach. Uściślając: podmiotem tworzącym zasady grzeczności niech będzie w niniejszym artykule społeczeństwo polskie z jego sposobem myślenia i postrzegania świata.

Próba uchwycenia istoty polskiej grzeczności na tle mentalności polskiego społeczeństwa wymaga w pierwszej kolejności wprowadzenia i sprecyzowania jak będzie rozumiana kategoria charakteru narodowego Polaków. Za Lewandowskim przyjmuję tutaj, że „charakter narodowy to wspólny większości danego społeczeństwa zespół postaw i wzorów postępowania, ukształtowany historycznie i względnie trwałe. Nie chodzi więc o specyficzne cechy poszczególnych jednostek, lecz o dominujący s t y l myślenia, odczuwania i zachowania” (Lewandowski 2011: 25). Charakter narodowy nie jest przy tym tożsamy ze stereotypem, sądem wartościującym ani przesądem (tamże).

Jednocześnie definicję tę należy uzupełnić o zastrzeżenie sformułowane przez Leszczaka, „że takiego charakteru jako bytu duchowego (jako ducha narodu polskiego) lub jako zbiorowej etnicznej świadomości po prostu nie ma, gdyż takie byty nie istnieją i istnieć nie mogą” (Leszczak 2017: 4). Przyjęta definicja odnosi się zatem jedynie do pewnego konceptu o charakterze idealizującym i uogólniającym. Charakter narodowy, choć nieistniejący faktycznie, służy tu do zobrazowania grzeczności na tle modelu społeczeństwa polskiego z zastrzeżeniem konieczności uwzględnienia wewnętrznego zróżnicowania faktycznych jego przedstawicieli.

Potrzeba wprowadzenia powyższego pojęcia związana jest z faktem, że grzeczność jako taka nie jest bytem samoistnym, funkcjonującym w próżni, lecz powstaje, istnieje i zmienia się w środowiskach społecznych, które kształtują obowiązującą w nich grzeczność w zależności od procesów rozwojowych i wynikających z nich potrzeb danej społeczności.

3. 100 lat grzeczności w Polsce

Spółeczny fenomen, jakim jest grzeczność liczy naturalnie znacznie więcej niż sto lat, które znalazły się w powyższym podtytule. Na potrzeby niniejszych rozważań historię grzeczności w Polsce oraz sposobów jej rozumienia chciałabym jednak ograniczyć głównie do okresu ostatniego stulecia, ponieważ to właśnie w tym czasie zaszły w obrębie rozumienia grzeczności największe zmiany, które mają wpływ na obecną rzeczywistość.

Rok 1918 to rok odzyskania przez Polskę niepodległości po 123 latach państwowego niebytu na mapach świata. Jest on jednym z kilku punktów zwrotnych dla Polski nie tylko politycznie, ale także właśnie w sferze obyczajów oraz grzeczności. Stało się tak z kilku przyczyn, z których najistotniejsze wydają się poniższe dwie. Po pierwsze w odzyskanym państwie znaleźli się Polacy, który przez ponad wiek ulegali oddziaływaniom trzech różnych państw zaborczych. Po drugie rządzący zajęci odtwarzaniem struktur administracyjnych i poszukiwaniem rozwiązań dla problemów nowego państwa nie mogli bazować wyłącznie na doświadczeniach dawnego społeczeństwa stanowego, ponieważ po I Wojnie Światowej społeczeństwo polskie, podobnie jak społeczeństwa wielu innych krajów europejskich, już zaczęło się demokratyzować i emancypować.

Zmiany obyczajowe tamtych lat następująco opisuje Rościszewski: „Skurczyły się gościnne domy nasze, rozpręgła się rodzina w jej świętym pojęciu jednolitego związku dusz pokrewnych, żywiły niepożądane jęły zakłócać, z nakazu, samym faktem swej obecności przymusowej, spokój sanktuarjów naszych, wojskowość i urzędy pochłonęły lwią część młodzieży płci obojej, matki rzuciły się do pielęgniarstwa i gospodarki w zakładach publicznych, ojcowie, chcąc wiązać koniec z końcem, oddali się spekulacji i gorączkowemu praktykom dorobku, pohardziła służba, podorabiali się co śmielsi i co szczęśliwsi, t. zw. inteligencja stała się nieomal synonimem proletariatu, gmin zatryumfował, przekupka wyszła na panią, najmniej zasłużeni wypłynęli na wierzch, a walki różnorodnych prądów toczą się po dziś dzień z całą furją głodu i zawiści, na pozornym tle ogólnego szczęścia i dumy, a w gruncie rzeczy niepewności i niedowierzania” (Barbasiewicz 2012: 20).

Nowe rozdanie ról i przywilejów społecznych zaowocowało popytem na poradniki dobrego wychowania, o czym świadczą liczne wydania i wznowienia co poczytniejszych publikacji. Osoby na dorobku, aspirujące i wchodzące do wyższych sfer chciały bowiem poprzez opanowanie zasad *savoir vivre* zarówno budzić podziw, jak i ukryć wynikające z niższego pochodzenia braki. Siłą napędową kultywowania grzeczności oraz zasad dobrego wychowania wydawały się być zatem w tamtym czasie głównie ambicja oraz chęć uniknięcia publicznego ośmieszenia w sytuacjach towarzyskich. Jak rozumiano wówczas grzeczność czy tożsame z nią pojęcie dobrego wychowania? Najważniejszym wyróżnikiem fenomenu grzeczności początku XX wieku był jego stanowy i zróżnicowany charakter. Jak pisze Barbasiewicz: „trzeba wyraźnie zasygnalizować odmiennosć norm obowiązujących w różnych środowiskach czy grupach społecznych, w różnych regionach kraju, i w różnym czasie — gdyż jego upływ przekształcał kanon preferowanych zachowań” (Barbasiewicz 2012: 12). Badaczka dodaje ponadto: „We wstępach do prawie wszystkich poradników *savoir-vivre*’u, zarówno starszych, jak też późniejszych, autorzy podkreślają, że sposób przyzwoitego zachowania się w towarzystwie bywa najrozmaitszy, gdyż odpowiada rozmaitości stanowisk, wieku i płci” (por. tamże). W swego rodzaju obyczajowym bilansie

dwudziestolecia międzywojennego autorka „Kodeksu towarzyskiego” z lat trzydziestych Hojnacka następująco ujęła istotę zagadnienia: „Prawdziwe dobre wychowanie to nie szereg wyuczonych gestów codziennych, to nie bezduszna tresura, ale przede wszystkim na wskroś życzliwe ustosunkowanie się do ludzi, wyrażające się w przestrzeganiu tego, aby nikt w naszej obecności, a zwłaszcza z naszego powodu, nie doznał przykrości” (Barbasiewicz 2012: 14). W tym ujęciu grzeczności znajomość form miała znaczenie drugorzędne. Zasady dobrego wychowania dodawały wprawdzie pewności siebie w rozmaitych sytuacjach życiowych, pozbawione jednak życzliwości względem drugiego człowieka, stawały się tworem sztucznym i wpływały negatywnie na ocenę osoby, która stosowała je w tak bezduszny sposób. Powyższy opis jest naturalnie pewną generalizacją i idealizacją polskiej grzeczności sprzed stu lat, czy też zaleceniem teoretycznym. Jej faktyczna praktyka życiowa, a właściwie zaniedbania w tym zakresie to temat odrębny.

Konwenans i formy, choć drugoplanowe, były jednakże wbrew powyższemu zaleceniu Hojnackiej nadal bardzo istotne w pierwszej połowie XX wieku, a ich pochodzenie miało zdecydowanie szlachecki i elitarny rodowód. Wprawdzie coraz rzadziej uważano, że dobre maniere są cechą wrodzoną wyższych sfer (Barbasiewicz 2012: 13), ale to właśnie elity, choć nieznaczące liczebnie, były grupą wzorotwórczą w zakresie praktyk grzecznościowych. Leszczak, który przypisuje przyczynę tego zjawiska cechom bizantyńsko-feudalnym Polaków, uzależniających wartość jednostki od jej miejsca w społecznej hierarchii (Leszczak 2017: 23) ujmując rzecz następująco: „Spadkiem po polskiej szlachcie jest ogłada towarzyska, maniere salonowe, umiejętność zachowywania się w społeczeństwie, grzeczność, etykieta. Cechami najbardziej krytykowanymi przez elity i inteligencję są brak dobrych manier (brak klasy) i pochodzenie z niższych warstw społecznych. Dla bizantyńskiego Polaka nie ma nic gorszego, jak komuś słoma z butów wystaje, gdyż tradycyjnie polska szlachta gardziła plebem (ciemnym ludem), wywyższała się nad nim i tego nie ukrywała, uważając układ, przy którym Jak król króluje, tak pan panuje, a chłop haruje, za odgórnie uświęcony i jedynie możliwy” (Leszczak 2017: 89-90). Bizantyńska elitarność ma w opinii Leszczaka charakter formalny (por. tamże, 91). Można zatem przyjąć, że również wywodząca się od tak postrzegających siebie elit tradycyjna polska grzeczność będzie hierarchiczna i sformalizowana. Dowodem niech będzie „słynne polskie dowartościowanie siebie i rozmówcy za pomocą różnych językowych wykładników honoryfikatywności” (por. tamże: 103). Nakreślony powyżej obraz grzeczności polskiej nie jest jednakże pełny.

4. Powojenna grzeczność Polski Ludowej

Kolejnym punktem przełomowym w historii polskich obyczajów był czas II Wojny Światowej. Leder pisze o doświadczonej wówczas, chociaż do czasów współczesnych nieuświadomionej szerszej części społeczeństwa polskiego rewolucji, która polegała w pierwszym rzędzie na odpodmiotowaniu oraz zniszczeniu jego struktur: „Samo ustanowienie przez niemieckiego okupanta

hierarchii etnicznej, w której fakt bycia Polakiem oznaczał mniejszą wartość, niższą pozycję, naruszał podstawową konsystencję imaginarium. Owo poniżenie, podkreślane takimi symbolicznymi zachowaniami jak zdejmowanie czapki w obecności Niemca czy przechodzenie w jego obecności na drugą stronę ulicy, miało być skutecznym sposobem zniszczenia dotychczasowego sposobu przeżywania świata. Czyż zresztą poczucie upokorzenia nie było szczególnie dotkliwe przede wszystkim w elitach dawnego państwa, dla których takie sytuacje wydawały się 'nie do pomyślenia'? To ich pozycję niszczył nowy porządek, tak w ich oczach, jak i tych, którzy choć zawsze słabi, wyzuci z majątków i godności, dawne elity uznawali za nosicieli wspólnej tożsamości" (Leder 2014: 46). Nakładające się na te wydarzenia aresztowania i egzekucje polskiej inteligencji przez okupanta z jednej strony oraz ucieczka z kraju przedstawicieli polskiego rządu i wielu innych członków polskich elit z drugiej, musiały po raz kolejny zmienić ustalony w okresie międzywojennym porządek społeczny, także w aspekcie obyczajowym.

Okres II Wojny Światowej to po wtóre unicestwienie dziesięciu procent społeczeństwa polskiego, jaki stanowiła ludność żydowska. Żydzi, którzy w przeważającej części byli ludnością miejską, trudnili się głównie handlem i rzemiosłem oraz współkształtowali kulturę (drobno)mieszczańską. Brak liczniejszej reprezentacji etnicznie polskiego mieszczaństwa w XIX i na początku XX wieku miały już wcześniej zdaniem Lewandowskiego duży wpływ na utrwalenie się w całym społeczeństwie polskim wzorów kultury szlacheckiej i wytworzenie idealistycznie nastawionej warstwy inteligenckiej zamiast bardziej pragmatycznie zorientowanej burżuazji krajów zachodnioeuropejskich (Lewandowski 2011: 134).

Powstała po unicestwieniu znacznej części polskiej inteligencji oraz niemalże całej diaspory żydowskiej pustka w tkance społecznej została wypełniona w latach 50. i 60. XX wieku przez warstwę chłopską. Jak pisze Leder: „Zmiana nie dotyczyła tu tylko własności, ale sposobu pracy i idącego za nim stylu życia, mentalności, hierarchii wartości” (Leder 2014: 86).

Chłopi stanowili wprawdzie pod względem liczebności już przed wojną około 70 proc. społeczeństwa, jednak dopiero nowy ustrój polityczny wyniósł ten stan oraz upodmiotowił zniewolonego i wykorzystywanego do tej pory chłopca. Zdaniem Kajdanek specyficzną cechą osobowości chłopskiej jest tzw. podwójna dusza chłopska: „Jej dwoistość polega na współwystępowaniu takich cech, jak nieustanna obawa, pokora wobec władzy i liczne kompleksy, a równocześnie pogarda i wywyższanie się wówczas, gdy samemu osiągnie się wyższą pozycję społeczną” (Podgórska 2018: 27). Ostatnie z wymienionych przez Kajdanek cech to niewątpliwie poszlachecki wzorzec zachowania, który w czasach PRL obejmuje swym zasięgiem coraz szersze kręgi. Masowy napływ ludności wiejskiej do miast przyniósł ze sobą poza wyżej wymienioną zmianą w myśleniu i postępowaniu także inne wyzwania w zakresie grzeczności: „Chłopi sprowadzali się tu razem ze swoją mentalnością i obyczajowością. uprawiali warzywa na balkonach bloków z wielkiej płyty, budowali kurniki, a wśród miastowych krążyły anegdoty o prosiakach hodowanych w wannie.

Chłopskość także przy pomocy państwowej propagandy, stała się synonimem wsteczności, gorszości i niezrozumienia nowoczesnego świata. Słowo 'wieśniak' traktowano jako obelgę" (por. tamże).

Wyzwaniom tym próbuje sprostać Janina Ipohorska, która pod pseudonimem Jana Kamyczka, na łamach tygodnika „Przekrój” od końca lat czterdziestych przez trzy dekady prowadzi rubrykę z poradami *savoir vivre*, gdzie odpowiada na listy czytelników: Jak pisze Matras: „W listach tych widać troskę, żal, czasami nawet rozgoryczenie przy ocenianiu zachowania młodego pokolenia, nierzadko chęć znalezienia jakiegoś konsensusu międzypokoleniowego, pomostu między starym i nowym obyczajem, między starszymi a młodszymi członkami rodziny mieszkającymi pod jednym dachem” (Matras 2008: 176). Grzecznościowe porady Ipohorskiej określone zostały nazwą „demokratyczny *savoir vivre*”: Zdaniem Matras „Autorka w optymalnie elegancki sposób podawała swoją przyjazną dłoń licznym pokoleniom młodej inteligencji migrującej ze wsi do miast, stającej się 'nową elitą' Polski Ludowej. Korespondencja Jana Kamyczka wyznaczała złoty środek pomiędzy tradycją a zdroworozsądkowym podejściem do wymagań i potrzeb, jakie stworzyła ówczesna rzeczywistość naszego kraju” (por. tamże). Jak zatem w powyższym kontekście rozumiała istotę grzeczności Ipohorska? Matras podsumowuje: „Autorka często z 'przymrużeniem oka' odnosiła się do zasad *savoir-vivre*'u (w końcu miał być demokratyczny!) i skłaniała się raczej ku racjonalistycznemu podejściu etyki. Często podkreślała, że dobre zachowanie zależy od kontekstu, a pewnych reguł należy przestrzegać ze względu na międzyludzką życzliwość, logikę sytuacyjną i oczekiwanie wzajemności, a nie dlatego, że 'tak być powinno'” (por. tamże: 177). Swoje uznanie dla wkładu Ipohorskiej w proces tworzenia zasad nowoczesnej grzeczności wyraziła w swojej książce pt. „Socjologia moralności” Ossowska: „Reguły dobrego wychowania uległy w interpretacji Kamyczka generalnemu 'odklasowieniu'. Polega ono na zwracaniu się nie tylko do 'sfer towarzyskich', lecz do każdego z obywateli. Na zaniku wszelkich przepisów, które przestrzegały należytego odróżnienia się od gminu oraz wszelkich przepisów zalecających inne zachowanie w stosunku do ludzi ze swej sfery, a inne w stosunku do ludzi niższej kondycji” (por. tamże: 181). Czy „demokratyczna grzeczność”, która narodziła się w PRL-u stała się obowiązującym kanonem w demokratycznej Polsce?

5. Grzeczność w demokratycznej Polsce po 1989

Młoda polska demokracja końca XX wieku oraz formalne dołączenie do wspólnoty europejskiej na początku nowego tysiąclecia wydają się stwarzać idealne warunki, w których do głosu mają szansę dojść obecne w mentalności Polaków cechy, określone przez Leszczaka jako łacińskie (europejsko-obywatelskie) (Leszczak 2017: 125). Kluczowymi wartościami w europejskim systemie łacińskim są zdaniem kieleckiego językoznawcy życie człowieka oraz godność ludzka. Porównując dwa systemy wartości badacz pisze: „Wartością wspólną dla latynizmu (europeizmu) i amerykańizmu jest

w o l n o ś ć, lecz w odróżnieniu od tego ostatniego latynizm łączy idee życia ludzkiego nie tyle z atomistyczną wolnością osobistą, ile z kategorią godności, która ma wymiar wybitnie społeczny zarówno od strony kauzalnej (godność jest funkcją akceptacji przez otoczenie), jak też teleologicznej (godność jest funkcją ukierunkowania działalności na społeczeństwo)” (por. tamże: 125-126).

Przełom obyczajowy roku 1989 został dość szybko zauważony i odnotowany m. in. przez polskich językoznawców. Problematyką zmian grzecznościowych w języku w okresie przemian ustrojowych końca lat 80-tych zajmowali się przykładowo Ożóg i Marcjanik. W opinii obojga badaczy młoda polska demokracja oraz postępująca globalizacja, będąca następstwem otwarcia granic, zaczęły dość prędko wpływać na językowe i pozajęzykowe zachowania grzecznościowe szczególnie w przypadku młodszych pokoleń Polaków. Ożóg tak odniósł się do powyższych kwestii: „Jeśli demokratyzuje się społeczeństwo, jeśli uproszczeniu ulegają relacje między obywatelami a władzą, która staje się demokratyczna, wówczas swoiście demokratyzuje się także język. Etykieta grzecznościowa upraszcza się” (Ożóg 2001: 75). Uproszczenie to wyraża się zdaniem rzeszowskiego językoznawcy m. in. w zaniku wielu rozbudowanych wyrażen pełniących funkcje grzecznościowe i zastępowaniu ich formami prostszymi i krótszymi czy też w skracaniu dystansu między rozmówcami poprzez szerzenie się tytułowania przez ty w rozmowach oficjalnych czy wreszcie redukowanie tytułów, obejmujące także środowiska uniwersyteckie (por. tamże: 79, 82). Marcjanik zastrzega przy tym: „trzeba stwierdzić, że wprowadzane przez najmłodsze pokolenie nowe zachowania grzecznościowe, będące świadectwem pojmowania demokracji jako równości, nie sprzyjają skuteczności komunikacyjnej współczesnych pokoleń” (Marcjanik 2009: 22). Wywalczona wolność i demokracja, możliwość swobodnego przemieszczania się i uczestnictwa w kulturze europejskiej i światowej zdają się w kontekście wypowiedzi wymienionych powyżej badaczy kierować uwagę zachowań grzecznościowych nie w oczekiwaną stronę, którą jest społeczeństwo, ale przeciwnie — grzeczność upraszcza się z przyczyn egoistycznych. Jak pisze Ożóg: „W modelu grzeczności następuje przesunięcie od wyrażania życzliwości do drugiej osoby ku skupieniu się na własnej osobie. Ważny w tym modelu jest owszem partner rozmowy, ale przede wszystkim ważny jest nadawca — ja. Nadawca sądzi, że jest uprawniony do pewnych zachowań, bo na to pozwala mu wolność, autonomia, prawo do wyrażania własnej osobowości, naczelną kategorią luzu w zachowaniu, także luzu językowego. Poszerza się margines tolerancji wobec nonszalancji językowej i często wobec wyrażen wulgarnych” (Ożóg 2001: 81-82). Pomimo zaobserwowanych przez badacza zjawisk w opisie społecznie przyjętego modelu grzeczności wydzielił on dwie główne zasady, z których pierwsza zakłada autonomiczność, godność, ważność każdego człowieka jako osoby, druga zaś mówi o życzliwości wobec rozmówcy, nawet wówczas, gdy jest on osobą nieznaną. (por. tamże: 76-77). Wyróżnione w modelu cechy odpowiadają wartościom europejskim, społeczna praktyka

karykaturze modelu amerykańskiego, w którym wolność rozumiana jest opacznie.

6. Wnioski

Podsumowując powyższe rozważania wydaje się, że istota grzeczności pozostaje niezmienna, mimo zmieniających się epok i okoliczności. W niniejszym tekście biorę pod uwagę głównie wpływ zmian ustrojowych oraz ich przełożenia na mentalność polskiego społeczeństwa w ciągu ostatnich stu lat. Świadomie pomijam wpływ instytucji Kościoła katolickiego na utrwalanie się struktur hierarchicznych w obyczajowości polskiej, jak również wpływ mediów publicznych propagujących w ostatnich dekadach nazbyt często kulturę niską czy wreszcie kwestię wpływu rewolucji cyfrowej, w tym mediów społecznościowych na kształt polskiej grzeczności, ponieważ zagadnieniom tym należałoby poświęcić osobne miejsce. W świetle przedstawionych faktów przyjmuję, że w centrum pojęcia grzeczności znajdują się poszanowanie godności oraz życzliwość wobec drugiego człowieka. Będzie ona zatem definiowana jako zespół postaw, które te cechy odzwierciedlają w sposób czytelny dla otoczenia. Wymienione właściwości grzeczności wydają się bowiem trwale obecne we wszystkich jej opisach na przestrzeni ostatnich stu lat. Warto ponadto pamiętać, że grzeczność przybierała, przybiera i będzie przybierała różne formy w zależności od czasu i miejsca, w których jest wyrażana i doświadczana. W hierarchicznej Polsce zdaje się ona przebywać długą drogę od swej postaci stanowej do egalitarnego wariantu demokratycznego, nawet jeśli głównie w teorii. Faktyczna praktyka grzecznościowa początku XXI wieku wymaga jednakże dalszych badań, ponieważ trudno jest w tym momencie nakreślić jednoznaczny jej obraz.

LITERATURA

1. Barbasiewicz M., *Dobre obyczaje w przedwojennej Polsce*, Warszawa 2012.
2. Grzeczność [w:] *Słownik języka polskiego PWN*, <https://sjp.pwn.pl/slowniki/grzeczność.html>, dostęp: 08.11.2018
3. Leder A., *Prześlona rewolucja. Ćwiczenie z logiki historycznej*, Warszawa 2014.
4. Leszczak O., *Etniczny obraz świata Polaków. Kulturowo-cywilizacyjna i lingwosemiotyczna analiza polskiego dyskursu publicznego*, Ternopil 2017.
5. Lewandowski E., *Charakter narodowy Polaków i innych*, Warszawa 2011.
6. Marcjanik M., *Mówimy uprzejmie*, Warszawa 2009.
7. Matras W., *Demokratyczny savoir vivre Jana Kamyczka*, „*Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia*” 2008, VI, www.sbsp.up.krakow.pl, dostęp: 14.11.2018.
8. Ożóg K., *Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku Wybrane zagadnienia*, Rzeszów 2001.
9. Podgórska J., *Gen suwerena*, „*Polityka*”, 2018, nr 33, 14.08.-21.08.

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЭНДОЭТНОНИМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Зубков Евгений

кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков Университета Яна Кохановского в г. Кельце (Республика Польша).

ABSTRACT

The paper focuses on the process of borrowing of Polish and German argot words into the Russian criminal discourse and their use as endoethnonyms by felons. Special attention is drawn to further assimilation of these loanwords that leads to semantic fusion (correlation) of borrowings with primordial words in the borrowing language.

Key words: endoethnonym, borrowing, correlation, felon.

Представлена стаття присвячена дослідженню процесу запозичення польських і німецьких арготизмів в російський злочинний дискурс для використання у якості ендоетнонімів професіональними злочинцями. Особлива увага приділяється наступній асиміляції запозичених номінацій, котра приводить до семантичного зрощення (кореляції) іншомовних слів з власними словами запозичуючої мови.

Ключеві слова: ендоетнонім, запозичення, кореляція, професійний злочинець.

Przedstawiony artykuł poświęcony badaniu procesu zapożyczenia polskich i niemieckich argotyzmów dorosłyjskiego dyskursu przestępczego w celu następnego wykorzystania ich przez przestępców zawodowych jako endoetnonimów. Szczególną uwagę Autor poświęca późniejszej asymilacji zapożyczonych nominacji, która doprowadza do zrostów semantycznych (korelacji) słów zapożyczonych z rodzimymi słowami języka zapożyczającego.

Słowa kluczowe: endoetnonim, zapożyczenie, korelacja, przestępca zawodowy.

Целью представленной статьи является рассмотрение процесса заимствования польских и немецких арготизмов для самоназывания профессиональными преступниками в русский уголовный дискурс, причин этого процесса, последующей ассимиляции заимствованных номинатов, а также способов возникновения их сверхсловных производных. Реализация поставленной цели предусматривает решение двух задач: 1) доказательство использования ряда номинатов в качестве самоназваний профессиональными преступниками в русском уголовном дискурсе; 2) доказательство иноязычного происхождения данных номи-

натов. Особое внимание мы уделяем двум методологическим аспектам: а) отделению названия от самоназвания; б) смежному функционированию различных номинаций по отношению к одному и тому же субъекту уголовного дискурса.

В XIX веке по отношению к преступникам, в современности называемым «(воры) в законе», употреблялась номинация Иван (Непомнящий) [3:78-82]. Номинация Иван как макротопоним была призвана обосновать право на территорию, т.е. на всю Российскую империю, а Непомнящий означало, что индивид порывал со своими близкими и не помнил родства, за своих принимая не родных по крови, а «родных» по образу жизни (см. ниже). Для обоснования права на субтерриторию по отношению к «Иванам» применялись такие эндоэтнонимы и этниконы, как мазурик, жулик, хитровец, босяк, ракло, зимогор, галах (овец), горчичник и др. и ко всем — золоторотцы и босяки: добровольцы золотой роты босого батальона [15: 58-59]. П.Н. Тиханов выделяет золоторотцев (т.е. членов «(Золотой) Роты») из остального «босого батальона», показывая их главенствующую роль в преступном мире Российской империи. Подобное выделение отношений родовой-видовой мы встречаем и у В.В. Крестовского, также отделяющего членов «(Золотой) Роты» от «мазуриков» (профессиональных преступников в Санкт-Петербурге) [7: т.1, с. 101-102]. Присвоение этнонима, этникона, эндоэтнонима или топонима (наименования социума по месту) определенному преступному сообществу с целью доказать право на территорию, и как следствие — право собирать на «общак», не было чем-то необычным в XIX веке и ранее, не является таковым и сейчас — от узких топонимов таких как современные мазутинские, лазанские, бауманские, люберецкие, солнцевские и т.д. в Москве до более широких эндоэтнонимов, таких как красноярская братва, ассирийцы, славяне, чехи (чеченцы) и т.д. Для целей нашего исследования особую важность представляет отделение названия от самоназвания и принятие во внимание элемента языковой игры, который приводит к тому, что исследователь может добавлять свое отношение при прояснении этимологии, особенно этнонимов и этниконов золоторотцев: мазура проклятая, жулябия, голяки, мартышки, зимогоры («так как зимою-де им приходится горевать») [15: 58-59]. Вряд ли кто-то так будет сам себя называть. Исследователем были зафиксированы номинации по отношению к «золоторотцам», но это не были самоназвания, а выражения внешней оценочной характеристики, рассчитанной на комический эффект при выражении пренебрежения.

В конце XIX — начале XX веков исследователями фиксируются следующие эндоэтнонимы по отношению к интересующей нас дискурсивной группе (т.е. преступникам с самым высоким криминальным статусом): номинат блат и его сверхсловные производные; номинат Закон (в значениях 'сообщество профессиональных преступников' и их 'религиозно-правовой кодекс') и его производные — предложная конструкция в законе, законник, законный (в современном значении 'профессиональный

преступник с самым высоким статусом') [2: 142]. Важным является смежное функционирование различных номинаций по отношению к одному и тому же субъекту уголовного дискурса. Например, в словарной статье «блатной» у Ж. Росси упомянута следующая информация: «[...] Блатной признает один лишь воровской закон (см. закон 1-6) и отвергает все прочие законы. Он презирает всех неблатных, в том числе и уголовников (ср. сучья война 1; 2). Все они рассматриваются как дичь, на которую у блатного неограниченное право охотиться [...]» [13: ч. 1: 33]. Мы видим, что в первой половине XX века номинации «блатной» и «(вор) в законе» были полиномами. Заметим, что современный сверхсловный номинат «(вор) в законе» является «милицейским определением»: современные «(воры) в законе» так себя не называют, а используют по отношению к себе именно старые номинации, т.е. законные воры, в законе, законники [6: 456]. Прилагательное воровской было добавлено позднее при ассимиляции заимствования Закон (этот вопрос рассмотрен ниже).

Следует указать, что фиксации номинаций из речи преступников исследователями предшествовало употребление в рамках сугубо преступной среды, возможно в течение нескольких десятилетий. В любом случае, старые номинации функционируют наряду с новыми: после фиксации исследователями инвариантного «(вор) в законе» продолжает употребляться в качестве варианта по отношению к некоторым субъектам уголовного дискурса старая номинация Иван, также Полтораивана [18]. В середине XX века (датировка условна в связи с проблемами фиксации) появляется номинация пацаны и сверхсловный номинат вор в короне для означивания самого высокого статуса в трехступенчатой иерархии «(воров) в законе» [5]. Мы видим, что приведенные эндоэтнонимы являются полиномами и большинство из них перешло без переосмысления из уголовного дискурса царской России в советский уголовный дискурс несмотря на принятие инвариантного эндоэтнонима вор.

Источники по-разному проясняют внутреннюю форму этих номинаций, и как следствие, вкладывают в них различные смыслы. Это вызвано непринятием во внимание диглоссии «как случаев владения несколькими прагматическими подъязыками в рамках одного этноязыка и, как следствие, владения ситуативно-стилистической синонимией, при которой различные знаки употребляются для денотативно параллельного, но ситуативно нетождественного наименования одного и того же объекта» [9]. Не вызывает сомнений отличное владение профессиональными преступниками иностранными языками, не говоря уже о их двуязычии и образованности [17: 70]. В процессе фиксации исследователями странных слов в речи преступников возникают проблемы, вызванные как дискурсивной омонимией в синхроническом аспекте, так семантическим сращением исконного слова с заимствованием в диахроническом аспекте. Такое семантическое сращение в процессе ассимиляции заимствования было названо корреляцией [11]. Корреляция имеет место при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении

связей по форме (по смежности).

Выше мы указали, что слово мазурик употреблялось по отношению к члену «(Золотой) Роты» в Санкт-Петербурге. В словаре М.А. Грачева и В.М. Мокиенко в словарной статье «мазурик и музыка» приведены немецкая (от нем. Mauser „воришка”, которое в свою очередь восходит к нем. Maus „мышь”), польская (от польск. „mazur” — житель мазурских болот у В.И. Даля), диалектная (как производного с суф. -ик от диал. мазура — „неряха, грязнуля, оборванец”) и социолектная (русское арго деклассированных элементов) версии происхождения слова, а также упомянуто о возможном происхождении от «офенских слов маз „я”, мазыка „офеня, торговец-ходебщик”. Эти же слова образовались от глаголов мазать „рисовать»» [3: 179-181]. Может показаться, что минимум три из них являются взаимоисключающими. В упоминаниях источников мы видим отнесение к трем польским дворянам, которые считались первыми основателями «(Золотой) Роты» [7: т.1, с. 101-102], или же ссыльным дворянам-повстанцам (что объясняет две возможные этимологии слова мазурик, т.е. и ‘поляк’, и ‘оборванец’ у В.И. Даля), мы замечаем уже существующее исконное слово маз (в значении ‘атаман’), с которым произошло семантическое сращение слова мазурик в значении ‘столичный преступник’ после основания «(Золотой) Роты». А принимая во внимание стремление мелких преступников позиционировать себя кем-то важным (в современности многие пытаются казаться «ворами в законе»), становится понятной вариативность прояснений внутренней формы в различных временных отрезках, т.е. также в значении ‘мелкий воришка’. За этимологический прототип мы принимаем как заимствование из немецкого, так и заимствование из польского мазур как ‘житель мазурских болот’. Ниже нами представлена польская версия (из немецкого опосредованно через польский) происхождения номината «(Золотая) Рота» в значении ‘высший судебный орган в преступном мире’, членами которой являлись мазурики, что является дополнительным свидетельством заимствования. Непонятность внутренней формы слова могла позволять в XIX веке соотносить новые словоупотребления с уже имеющимися и в меру собственных знаний о преступности их прояснять. Именно поэтому мы считаем все четыре версии обоснованными и несколько друг другу не противоречащими — в словоупотребление мазурик вкладывались различные смыслы в зависимости от приписываемых объекту номинации черт при фиксации, которая на несколько десятков лет могла отставать от появления нового словоупотребления. На момент фиксации разные слова уже могли быть ассимилированными и в них (как дискурсивные омонимы) мог вкладываться различный смысл, т.е. при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении связей по форме (по смежности) произошла корреляция исконных слов с заимствованием. Номинат мазурик, как и рассмотренные ниже номинат Рота и его сверхсловные производные, не перешли в русский уголовный дискурс советской эпохи.

Корреляцию исконного слова с заимствованием при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении связей по форме (по смежности) мы усматриваем для номината Рота и его сверхсловной производной Золотая Рота. Учитывая моделируемость семантического сращения при пробах прояснения внутренней формы непосвященными, мы предполагаем переход Рота > Золотая Рота > Закон > Воровской Закон, т.е. прибавление прилагательного при выходе номинации за пределы преступной среды. Мы не отрицаем, что во второй половине XIX и начале XX века внутренняя форма фразеологизма Золотая Рота в значении 'преступное сообщество' могла проясняться при соотнесении с цветом мундиров (красный с золотым) роты дворянских гренадер и ассоциациями с арестантскими ротами [14]. По нашему мнению, первоначально имело место заимствование из немецкого арго номината Рота (проясняющее значение 'верховный суд в преступном мире' и отнесение к красному цвету) и последующее семантическое сращение с исконным словом рота в значении 'присяга, клятва'. В пользу заимствования номината Рота в значениях 'высший воровской суд, сообщество профессиональных преступников с самым высоким статусом' из немецкого в русский уголовный дискурс (при опосредованном влиянии польского уголовного дискурса) свидетельствуют следующие языковые факты. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (в отличие от позднейших словарей) упоминает о широком распространении «сравнительно старого» слова рота в значении 'присяга' и позднейших омонимичных производных рота (ротьба) в значении 'божба, клятва, клятьба' и рота в значении 'присяжная артель, дружина, товарищество'. Даль приводит также ряд производных номинатов:

«[...] ротники — уже в XII веке составляли в Новгороде дружины, 'дававшие старость своему роту'. Ротниками звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели.

ротное — пошлина с данной присяги (с пометой сущ.ср. стар.);
ротитель, ротительница — кто божится, клянется или присягает;
ротак — у кого привычка божаться и клясться» [4: 105].

В польском языке мы также встречаем слово Rota в значении 'присяга перед судом' (с пометой 'без ошибки в повторении присяги, поскольку ошибка вела к проигрышу процесса') [19: 463]. В тех же значениях, что и в словаре Даля, в словаре Брюкнера встречаются слова rotnik (ротник) и rotne (ротное) [там же]. Брюкнер считает необходимым вспомнить об употреблении номината Rota с XIV века «в польском звучании»(!) в судебных актах на латинском языке, совершенно игнорируя факт существования Rota Romana (Священная Римская Рота, Высший церковный суд в средневековой Европе), юрисдикция которой распространялась также на территорию Королевства Польского. Как указывает сам Брюкнер, «из-за отсутствия литовского соответствия первоначальную форму трудно установить» [там же]. «Отсутствие литовского соответ-

ствия» подтверждает наше предположение — Литва сопротивлялась сначала христианизации, потом католизации в Средневековье, поэтому юрисдикция *Rota Romana* на ее территорию не распространялась. В более позднем временном отрезке (в конце XVI века), когда в составе Речи Посполитой наступила окончательная католизация литовского населения (в том числе православных княжеских родов), *Rota Romana* уже потеряла свое значение высшего суда в религиозных и правовых вопросах.

В пользу нашего предположения о заимствовании арготизма *Rota* из немецкого языка в русский уголовный дискурс в значении 'верховный суд' свидетельствует семантика: в польском и русском языках слово *рота* выступало в значении 'присяга, клятва', но не в значении 'верховный суд'. Ротники себе (или начальнику) давали роту и следили за ее исполнением, тогда как золоторотцы присвоили себе прерогативу верховного суда в преступном мире. В немецком языке встречается лексическая единица *die Rota* как *die Rota Romana* — наивысший папский суд католической церкви [20: 716]. Встречается также *Rotuere* [там же: 717] как низшие слои общества, в немецком языке этимологически из латыни через французский с отметкой устаревшее, а также *Rotuerier* как соответствие русского золоторотца. Вполне обоснованным является предположение о этимологическом соотношении (Золотой) Роты с *die Rota Romana* и, как следствие, совершенно иные смыслы, которые вкладывались в употребление номинации (Золотая) Рота в уголовном дискурсе царской России. Об этом свидетельствует означивание как мелкого преступника, так и профессионального преступника с самым высоким криминальным статусом.

В пользу предположения о заимствовании из немецкого арго с последующим семантическим сращением с исконным словом номината «Рота» свидетельствует анализ иного арготизма в русском уголовном дискурсе, обойденного вниманием в источниках. Б.А. Ларин при анализе заимствованного из немецкого арго номината *галах* намекает на подобное происхождение (т.е. из древнееврейского через немецкое арго) номината *босяк*, но не обосновывает своих утверждений [8]. В немецком арго начала XVI века фиксируется семантическое сращение *rot boß* в значении 'пристанище для нищих' [21: 101]. Как и в случае арготизма «Рота», при образовании данного номината в значении 'профессиональный преступник' произошло семантическое сращение исконного слова (рус. *босой* в значении 'без обуви') с заимствованием (нем. *boß* > идиш. *bosak* в значении 'профессиональный нищий; не имеющий чести'). В пользу подобного предположения свидетельствуют следующие языковые факты: в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» мы не находим слова *босяк* [1], этого слова мы не встречаем также в словаре Даля в в словарной статье «босой» среди более чем 20 производных [4], в словаре Фасмера слово *босяк* также не зафиксировано [16]. Заметим, что в цитируемом выше источнике слово *босяк* активно употребляется

еще до «последней сербо-турецкой войны» в значении ‘профессиональный преступник’ [15]. В своем этимологическом словаре Брюкнер однозначно этимологизирует *bosy* как «*żydowskie*» (т.е. идиш) от «*bosinyu*» (недельный траур в иудаизме) и дает также вариант на *bosaka* в значении ‘босиком’ с пометкой «праслово» [19: 37]. Иными словами, Брюкнер заметил явление семантического сращения заимствования с исконным словом, т.е. корреляцию. Учитывая первичную фиксацию (начало XVI в.) в немецкоязычном пространстве сверхслового номината *got boß* в значении ‘пристанище для нищих’, мы считаем обязательным согласиться с мнением Б.А. Ларина о заимствовании номината *босяк* из немецкого арго. Мы упоминали выше, что по отношению к верхушке преступного мира российской империи употреблялась номинация Иван Непомнящий. Если соотнести «*bosinyu*» (как недельный траур в талмудическом иудаизме) с клятвой (т.е. ротой) и заимствованием номинатов *Рота* и *босяк* из немецкого арго, то мы можем предположить, что этой клятвой была «Клятва Непомнящих родства» Салической правды. Тогда становится понятной мотивировка слова *босяк* в значении ‘не свой’ для остальных евреев. Если учесть, что *босяк* в конце XIX века был называем галахом (т.е. проявлял стереотипы поведения католического священника), золоторотцем и Иваном (проявляя некоторые стереотипы поведения православной суперэтнической системы), красным (не обязательно стремясь делиться с бедными) и мазуриком (т.е. столичным вором и поляком), мы получаем единственно непротиворечивую версию. Эта версия косвенно подтверждается взглядами на этимологию слова *блат* в этимологическом словаре М. Фасмера (само слово *блат* и производное от него *блатной* отсутствуют в словаре Даля). Его версия происхождения данного арготизма в русском — польский воровской язык, а точнее, заимствование из еврейско-немецкого через польский. Фасмер считает, что в основе его возникновения лежит идея укрывательства или посвящения [16: 172].

Мы считаем, что, как и в случае арготизма «*Рота*» в значениях ‘клятва, присяга’ и ‘верховный суд преступного мира’, в арготизме *Закон* в значениях ‘сообщество профессиональных преступников’ и ‘религиозно-правовой кодекс такого сообщества’ преступного мира’ произошло семантическое сращение исконного слова с заимствованием. Слово *Закон* в значении ‘сообщество профессиональных преступников’ было заимствовано из польского уголовного дискурса (пол. *zakon* 1 ‘религиозное братство, монашеский орден, в т.к. воинский’). При этом в польском языке функционирует также омонимическая лексема-историзм *zakon* 2 (‘община собирающихся нищих с очень строгими внутренними порядками’) [23: т. 4, с. 802] и архаизм *zakon* 3 (‘правило, право’) [19: 643-644]. Показательно, что в словаре В. Даля слово *закон* и все его производные (включая слово *законник* в значении ‘член религиозного братства’), относятся исключительно с правовым нормам, что явно свидетельствует в пользу того, что оба упоминания русского *закон*,

функционирующего в уголовном дискурсе, — ‘закрытое воровское сообщество’ и ‘воровская нормативная антисистема’ не связаны с собственно русской этнической картиной мира и являются заимствованными из польского языка. Идеологически в основании слов — польских *zакон 1* и *zакон 2*, а также русского *закон 1* (‘воровское сообщество’) лежит одна и та же мысль — социальная замкнутость, строгая внутренняя регуляция жизни, тесная сплоченность. Наши предположения подтверждаются справочной литературой. Например: «закон (Д) или (ДА) воровской закон — неписанный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции [...]» [13: ч. 1, с. 122]. Ж. Росси принимает условное обозначение (Д) для «специфически уголовное», а (А) как «народное» [там же: ч. 1, с. 7]. Следовательно, (ДА) следует понимать как «специфически уголовное» и «народное». Уже на основе этого мы можем высказать предположение, что первоначальной формой является Закон. Это предположение подтверждается значениями слова *zакон* в польском уголовном дискурсе: сообщество профессиональных преступников, их этос, судейский состав, профессия [22: 453]. На первоначальное отсутствие прилагательного воровской указывают также М.А. Грачев и В.М. Мокиенко: «сочетание в законе образовалось от арготизма *закон (воровской)*, — ‘правило, которое должен соблюдать профессиональный преступник» [3: 78-82]. Это сочетание в значении ‘сообщество профессиональных преступников’ никак не проясняется языковым стандартом русского языка (словом *закон*), так же, как и предложно-именная конструкция в законе (т.е. ‘в замкнутой системе правил и отношений’). Согласно русской языковой логике «в законе» значит ‘в своде юридических норм’ или ‘в формулировке’, что не имеет никакого отношения к фразе из уголовного дискурса в законе. Внутренняя форма слова *законник* в значении ‘член религиозного братства’ также проясняется только в польском языке, где слово *zakonnik* (‘монах, принадлежащий к ордену’) является общеупотребительным. В русском уголовном дискурсе XIX века отмечено употребление номинации *законник* по отношению к элите преступного мира в значении ‘знаток имперских законов и законов преступного мира’: «около законников своих новичок-арестант» [12: 91]. Выдающийся этнограф С.В. Максимов подчеркивает знание законов как гражданского общества, так и преступного мира, во избежание дискурсивной омонимии употребляя сверхсловный номинат бродяга-законник: «Ему ли, старому бродяге-законнику, не знать того, что шпицрутенов изломанной спине его не миновать. Он и число палок сосчитал вперед, не хуже любого законника» [там же: 96].

При рассмотрении процесса заимствования из польского уголовного дискурса в русский необходимо вспомнить о сверхсловном номинате вор в короне для означивания самого высокого статуса в преступной среде. Появление данной номинации вызвано признанием не всех «(вор) в законе» «своими» и равными себе польским, финским и прибалтийским преступным миром. Поскольку каждый «(вор) в законе» «коро-

нован», прояснение странностей семантики следует искать в польском языке, где w Koronie значит на территориях современных Польши, Литвы, Украины и Белоруссии, некогда входивших в состав Речи Посполитой (т.е. Korony) и после ее раздела вошедших в состав Российской империи. Польское происхождение имеет также самоназывание пацаны по отношению к блатным (в польском языке расап — уничижительное). А. Брюкнер связывает слово пацан с рас 'крыса' [19: 389] и ищет его происхождение в литовско-русинской языковой среде, что также может служить аргументом восхождения русского арготического пацан к польскому уголовному дискурсу.

Рассмотрение смежно функционирующих эндоэтнонимов по отношению к верхушке преступного мира Российской империи и перешедших без переосмысления в уголовный дискурс советской эпохи показало следующие заимствования: босяк, блат и его производные из немецкого; Закон (в значении 'сообщество профессиональных преступников'), в короне, в законе, законник (в значении 'член братства'), пацан и субстантивированное прилагательное законный из польского уголовного дискурса. Это свидетельствует о желании показать идеологическую преемственность посредством эндоэтнонима: если субъект дискурса называет себя христианином, католиком, православным, коммунистом и т.д., то таким образом сознательно манифестирует какую-либо идеологическую принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И., Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. в 10 томах. Том 1. М.: АН СССР Ин-т. рус. яз., 1988. — 530 с.
2. Балдаев Д.С., Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. М.: Кампана 1997. — 387с.
3. Грачев М.А., Мокиенко В.М., Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М.: Аст-пресс 2008. — 335с.
4. Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 4. М.: Русский язык 1980. — 683с.
5. Зубков Е.А., «Масть» в уголовном дискурсе — атрибутивность и неразложимость синтагмы. // Studia Methodologica, Выпуск 34. Изд. Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, с. 267-280
6. Карышев В., Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России. М.: Эксмо 2005. — 540 с..
7. Крестовский В.В., Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных) в 2-х томах. — Л.(СПб): Изд. Художественная литература 1990. т.1 — 702 с..2 — 799 с.
8. Ларин Б.А., Западноевропейские элементы русского воровского арга. // Язык и литература. Л. (СПб.) 1931. Т. 7. С. 113-130 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm>
9. Лещак С., Лещак О., Ономаσεологический анализ сверхслов-

ных неидиоматических знаков в современном русском языке // Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej № 14, Kielce 2005, с. 151-167.

10. Лозовский В., Как выжить и провести время с пользой в тюрьме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tyurem.net/mytext/how/001.htm>.

11. Люциньский К., Зубков Е., Нелитературные заимствования в немецкой и русской разговорной речи. // Respectus Philologicus №3 (8), Kowno-Kielce 2003, с. 130-141.

12. Максимов С.В., Сибирь и каторга. Часть первая (Архив русского сыска). М.: Директ-Медиа 2014. — 406 с..

13. Росси Ж., Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. М.: Просвет 1991. ч. 1 — 263е с.; ч. 2 — 546 с.

14. Словарная статья Золотая Рота // Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотая_Рота

15. Тиханов П.Н., Черниговские старцы: Псалки и криптоглоссон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.br-vestnik.ru/tihanov/heritage/startsi/>

16. Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Том 1. М.: «Прогресс» 1986. — 269 с.

17. Химик В.В., Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СпбГУ 2000. — 269 с.

18. Шаламов В., Сучья война // Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shalamov.ru/library/6/6.html>

19. Brückner A., Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa: Wiedza powszechna 1957. — 808 с..

20. Duden. Fremdwörterbuch. Band 5. Mannheim: Dudenverlag 1997. — 864 с.

21. Juette R., Boehncke H., Johannmeier R., Rotwelsch. Die Sprache der Bettler und Gauner. Köln: Prometh-Verlag 1987. —256 с.

22. Stępniaк K., Słownik gwar przestępczych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki (без года издания). — 490 с.

23. Uniwersalny słownik języka polskiego. Pod red. S. Dubisza. Warszawa 2003. — 5426 с.

ПЕРЕВОДНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ КАК ИДИОСТИЛЕВОЙ ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА

Светлана Лещак

адъюнкт, Университет им. Яна Кохановского в Кельце, ПОЛЬША

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the manner of borrowing foreign-language precedent units characteristic of the work of the Russian bard and rock musician Boris Grebenshchikov by direct translation, translation with pragmatic transformations, and completely transformed translation. The main source of this kind of borrowings in the poet's work is primarily English-language rock poetry.

Keywords: Boris Grebenshchikov, rock poetry, translation, transformation, precedent units, borrowing.

Стаття присвячена аналізу характерного прийому запозичення російським бардом і рок-музикантом Борисом Гребенщиковим іншомовних прецедентних одиниць шляхом прямого й модифікованого перекладу, прямого перекладу зі смисловими трансформаціями, а також повністю трансформованого перекладу. Основним джерелом такого роду запозичень у творчості поета є перш за все англomовна рок-поезія.

Ключові слова: Борис Гребенщиков, рок-поезія, переклад, трансформація, прецедентні одиниці, запозичення.

Artykuł poświęcony jest analizie charakterystycznego dla twórczości rosyjskiego barda i muzyka rockowego Borysa Gribienszczikowa sposobu zapożyczenia obcojęzycznych precedensowych jednostek poprzez tłumaczenie bezpośrednie, tłumaczenie z transformacjami pragmatycznymi, a także tłumaczenie całkowicie transformowane. Głównym źródłem tego rodzaju zapożyczeń w twórczości poety jest przede wszystkim anglojęzyczna poezja rockowa.

Słowa kluczowe: Borys Gribienszczikow, poezja rockowa, tłumaczenie, transformacja, jednostki precedensowe, zapożyczenie.

Борис Гребенщиков (далее — БГ), российский бард, поэт и рок-музыкант, создал своеобразную манеру художественного текстопорождения, заключающуюся среди всего прочего также в обильном явном и скрытом цитировании разного рода текстов (в т.ч. своих собственных), причем реализуемом как непосредственно (с сохранением структуры, содержания и смысла цитируемого фрагмента), так и путем трансфор-

мации каждого из указанных аспектов. Это последнее встречается у Гребенщикова гораздо чаще, что существенно затрудняет как идентификацию цитат, так и интерпретацию песенного текста. Смысл текста в таких случаях становится производной основного содержания, содержания цитируемого фрагмента, его смысловой трансформации и авторской прагматической интенции, которая все это объединяет в эстетическое целое.

Цитирование, к которому прибегает Гребенщиков, касается прежде всего рок-поэзии (особенно творчества Боба Дилана), Библии, русской и зарубежной литературы, восточной (чаще даосистской) философии, а также русского фольклора и паремического фонда. В некоторых случаях цитирование запускает процесс создания прецедентной единицы. Но гораздо чаще описанная процедура касается уже функционирующих в русскоязычной или зарубежных культурах разного рода прецедентных высказываний. В данной работе нас интересуют случаи заимствования Гребенщиковым прецедентов и цитат из иноязычной культурной среды, сопряженные с процедурой перевода. Известно, что Гребенщиков владеет рядом иностранных языков и сам занимается переводами. Поэтому важно учитывать это обстоятельство и не смешивать случаи обычного цитирования инокультурного фрагмента, функционирующего в русском культурно-языковом пространстве к виде переводного текста, и собственно переводных заимствований из первоисточников.

К первого рода примерам можно и следует отнести цитаты из переводов мировой литературы, вроде:

Благоприятен брод через великую реку (Дело мастера Бо) [фраза из многих гексаграмм «Книги перемен»], *Говорящий не знает, Дарья, знающий не говорит* (Дарья, Дарья) [ср. Лао-цзы «Дао Дэ Цзин» Изречение 56: *Тот кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает*]; *Благословение холмов да будет с нами* (Благословение холмов) [ср.: Бытие 49:24-26: *и да благословит тебя благословениями небесными (...) которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных*]; *И есть время раскидывать сеть, и время на цыпочках вброд* (Как движется лед) [ср. Экклезиаст, гл. 3: *Время разбрасывать камни и время складывать камни*]; *Ползи, улитка, по склону Фудзи вверх до самых высот* (Пока несут sake) [ср. Кобаяси Исса в переводе Т.Соколовой-Делюсиной: *Тихо, тихо ползи, / Улитка по склону Фудзи, / Вверх, до самых высот!*]; *Вот она, пропасть во ржи* (Мама, я не могу больше пить) [название романа Дж. Д. Селинджера «Над пропастью во ржи»]; *Эта трещина проходит через мое сердце* (500) [ср. афоризм Г. Гейне: *Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта*, в другой версии — *Мир раскололся надвое, и трещина прошла через сердце Поэта*]; *На что мне жемчуг с золотом, на что мне art pouveau; мне кроме просветления не нужно ничего* (Русская нирвана) [фрагмент 14 сонета В. Шекспира в переводе Я. Фельдмана: *На что мне звёзды ночью чёрной? На что мне утра бирюза?*]; *А вода про-*

должает течь под мостом Мирабо (Дело мастера Бо) [ср. Г. Аполлинер «Мост Мирабо» в переводе М. Кудинова: *Течет вода / Под мостом Мирабо всегда*].

Примеры такого типа из песен БГ можно множить. В основном это цитаты из китайских источников, Библии и западной литературной классики. Ни одна из них не может считаться собственно переводной, т.к. поэт использовал в качестве источника не оригинал, а именно переведенную русскоязычную версию.

К непереводам цитатам можно отнести также прямые цитатные заимствования (в основном иноязычные поговорки и коммуникативные прецеденты), представленные в текстах БГ без перевода:

A пока a la guerre comme a la guerre — все спокойно (Навигатор); *Voulez Vous Coucher Avec Moi?* (одноименная песня); *Shaken not stirred!* (Марш священных коров); *Skip it. Delete (...)* *Skip it up* (Стоп машина); *Слишком много любви. / Ты скажешь «How much?»*, / *Я скажу «Fuck you!»* (Слишком много любви),

или же с ироническим переводом-комментарием к цитате:

Старики говорят про них: «Ом Мани Пэмэ Хум», что в переводе часто значит — нога судьбы (Нога судьбы) [известная мантра в нетривиально-ироничной интерпретации].

Впрочем, даже в случаях, когда цитата приводится в оригинале (или в транскрипции, как *Ом Мани Пэмэ Хум*), поэт вмешивается в семантику цитаты, внося в нее новый смысл. В песне «Навигатор» французская поговорка сопровождается комментарием *все спокойно*, явно контрастирующим с прагматикой оригинала. Игриво-сексуальный подтекст французском прецеденте *Voulez Vous Coucher Avec Moi?* в контексте одноименной песни (ср. *Что-то не заснуть, а засну, все мне снится, / Что вот еще чуть-чуть, еще едва-едва... (...) В полной пустоте круги на воде (...) Просто потерпи, станет легче к утру (...) Ночью невтерпеж, да к утру станет ясно*) трансформируется в связанное с выражением экзистенциальной тревоги приглашение разделить поиски выхода из жизненного и философского тупика. Известная фраза из фильмов о Джеймсе Бонде *Shaken not stirred!*, касающаяся способа приготовления коктейля из водки с мартини, трансформируется в песне в символ поиска т.н. русского пути — западного (мартини), своего, русского (водка — ср. *Догадайся что делать, когда нет мартини*) или же эклектичный, взболтанный, но не смешанный. Программные прецеденты-команды *Skip it, Delete* и *Skip it up* песне «Стоп машина» становятся призывом к радикальным переменам в ставшей невозможной жизни (*Все святые места давно разворованы, в них теперь пусто (...) Так на что нам сдались эти зомби в правительственных новостях?*). Обычная клишированная бытовая фраза *How much?* в сочетании с лейтмотивом одноименной песни *Слишком много любви* обретает смысл торгашества и бездуховности. Все это довольно типичные для БГ трансформационные приемы при введении прецедентов в собственные тексты.

Особый интерес, по нашему мнению, представляют случаи, когда Гребенщиков соединяет заимствование иноязычных прецедентов с их прямым или трансформированным переводом. Чаще всего (а то и в основном) это связано с цитированием англоязычных рок-произведений. В группе прецедентов из рок-классики у БГ чаще всего встречаем цитаты из Боба Дилана и Джима Моррисона, реже из репертуара Битлз, Роллинг Стоунз, Роберта Пальмера, Элтона Джона, Стиви Уандера, Гэрри Ньюмена, Дейвида Боуи, Дайр Стрейтс или Тима Хардина. Эти прецеденты могут обнаружить только истинные любители и знатоки рок- или фолк-музыки, которые не только хорошо в ней ориентируются, но и хорошо знают английский язык, поскольку в большинстве случаев Гребенщиков не просто переводит, но и существенно трансформирует текст источника даже на формальном уровне, не говоря уже о смысловых преобразованиях.

Среди самостоятельных иноязычных переводов Гребенщикова можно выделить несколько моделей введения прецедента в свой текст. Самый простой из них можно назвать прямым переводным цитированием. В ряде случаев (особенно если речь идет о названиях произведений, альбомов или ключевых фразах, например, повторяющихся в припевах рок-песен) можно предполагать, что любители и знатоки без труда узнают данные фразы даже в переводной версии. Их не так уж много:

Напомни мне улыбнуться (Пепел) [песня Гэри Ньюмана „Remind Me to Smile”]; *Никто из нас не выйдет отсюда живым* (Никто из нас не) [альбом Джима Моррисона „No one here gets out alive”]; *Ты можешь спросить себя: «Где мой новый красивый дом?»* (Жажда) [из песни Дэвида Бирна „Once In A Lifetime” — *And you may ask yourself / What is that beautiful house?*]; *Что они сделали с нашей Землей, что они сделали с нашей прекрасной сестрой* (Мы никогда не станем старше) [из песни Джима Моррисона „When the music is over” — *What have they done to the earth? / What have they done to our fair sister?*]; *Мне нужен друг. Мне нужен новый друг. Не надо мне мешать, Мне нужен друг* (Не надо мне мешать) [ср.: Дорз „Hyacinth House”: *I need a brand new friend who doesn't bother me, / I need a brand new friend who doesn't trouble me*]; *Все что я хочу — это ты* (Все, что я хочу) [переводная цитата *All I want is you* из песни „Dig a Pony” Битлз].

Сюда же можно отнести и переводы английских поговорок *Свечи запалены с обоих концов* (500) [*Burn the candle at both ends*] и *Перерождение с серебряной ложкой во рту* (Господу Видней) [*Born with a silver spoon in your mouth*], хотя в обоих случаях несколько модифицируется грамматика фразы. То же происходит и с переводной усеченной цитатой прецедента *Live Fast, Die Young* в песне «Пыль»: *время умирать молодым*. Иногда же, наоборот, оригинальная конструкция Гребенщиковым синтаксически разворачивается: *Я из стекла и ты из стекла* («Пепел»), является развернутой версией названия песни Гэри

Ньюмана „We Are Glass”. Та же процедура осуществляется и в фразе *the hour is getting late* из песни Боба Дилана „All Along The Watchtower”, обретающая у БГ форму *Уже поздно, нам всем пора по домам* («Трамвай»).

К группе грамматически или структурно модифицированных переводных цитат можно отнести еще один пример из песни «Трамвай»: *Многие здесь считают жизнь шуткой, но это не наша судьба*. Это цитата из того же источника („All Along The Watchtower”): *There are many here among me / Who think that life is just a joke / But you and I never been through / And this is not our fate*, в которой, происходит синтаксическое переустройство фразы, которое принципиально не меняет ее содержания.

Иногда формальная модификация прямой цитаты состоит в метатезе частей исходного прецедента. К таким случаям можно отнести перевод первых двух строк стихотворного эпиграфа к книге У. Ле. Гуин «Волшебник Земноморья»: *Only in silence the word / Only in dark the light*, которые вводятся в текст песни «Кад Годдо» в иной последовательности: *Только во тьме свет, только в молчании слово* (следует обратить внимание, что первый перевод этой книги И. Тогоевой был опубликован лишь в 1991 году, в то время как песня была написана шестью годами ранее; в книге этот фрагмент переведен: *В молчании — слово, / А свет — лишь во тьме*). Сложно адекватно сопоставить семантику и прагматику оригинала и цитаты, поскольку оригинал слишком короток. Можно лишь сказать, что они вполне компатибельны по содержанию и смыслу. Во всех вышеприведенных формально модифицированных переводных цитатах сохранены содержание и смысл оригинала, поэтому модификацию переводного текста можно также относить к прямому переводному цитированию.

Формально можно было бы к этой группе примеров отнести и усечение в переводе названия песни Элтона Джона „I Guess That’s Why They Call It The Blues”, которое БГ переносит на название собственной песни, но в несколько сокращенном варианте — «Они назовут это блюз». Однако, в отличие от всех предыдущих переводных цитат, семантика и смысл этой фразы полностью переосмыслены. В оригинале блюзом называют приятное любовное времяпрепровождение, у Гребенщикова же — глубокую жизненную тоску.

Незначительной также может показаться синтаксическая модификация переводной фразы из „Object” группы Кюре *You’re just an object in my eyes*, звучащая у Гребенщикова в «Иду на ты» как *В моем поле зренья появляется новый объект*. Существенней смысловые преобразования этого перевода. Гребенщиков принципиально сменяет характер любовных отношений: с противостояния женскому искушению у Кюре в донжуанскую атаку в своей юмористической песне.

Наконец черты незначительной синтаксической модификации носит и пример *И я буду счастлив, когда ты уйдешь своим путем*. И дашь мне идти моим («Уйдешь своим путем»), являющийся переводом назва-

ния песни Боба Дилана „Most Likely You Go Your Way, And I'll Go Mine”. Но так же, как и в двух предыдущих случаях, Гребенщиков существенно меняет акценты: в оригинале девушка хочет уйти, а парень согласен ее отпустить, чтобы «каждый шел своей дорогой», у БГ же, наоборот, это лирический герой пытается вырваться из уз не сложившихся отношений; прагматика смысла у Дилана носит философско-житейский характер, у Гребенщикова она горько-язвительна, полная сарказма.

Стоит заметить, что прямое переводное цитирование у Гребенщикова в большинстве случаев бесспорно лишь с точки зрения формы и, иногда, содержания. Прагматика же включения даже дословно переведенных цитат в собственные тексты у БГ может быть существенно отличной от прагматики функционирования этих фраз в оригинальных текстах. Это свидетельствует в пользу отнесения трех предыдущих примеров, а также ряда последующих ко второй модели — прямого перевода со смысловой трансформацией.

Обратим внимание на песню «Дети декабря». Альбом Роллинг Стоунз „December's Children (And Everybody's)” был записан в США в декабре 1965 года. Его название может интерпретироваться как своеобразная автономинация. БГ сохраняет в своем тексте обобщенную семантику ‘рок-поколение’, но существенно изменяет прагматику, отстраняясь от кажущейся ему исчерпавшей себя формулы рок-братства (*Но то, что держит вместе детей декабря, / Заставляет меня прощаться с тем, что я знаю*). Идентичную процедуру Гребенщиков проделывает со ставшей символом рок-поколения желтой подводной лодкой (Битлз „Yellow submarine”), заключая в ее рубку мумии: *У желтой подводной лодки мумии в рубке (500)*.

В ряде случаев любовная романтика цитируемых прецедентов заменяется у БГ чисто философским или философско-религиозным смыслом. Любовный призыв отбросить колебания *The time to hesitate is through* из песни „Light my fire” группы Дорз БГ в песне «Дело мастера Бо» трансформирует в философское решение изменить свою сущность: *Но время сомненья прошло, уже раздвинут камыш, / Благоприятен брод через великую реку* (сопровождающейся цитатой из «Канона перемен»). То же происходит с названием известного со времен Вудстока хита Тима Хардина *If I Were A Carpenter* в песне БГ «Золото на голубом» (*Если бы я был плотником, я сделал бы корабль для тебя, / чтобы уплыть с тобой к деревьям и золоту на голубом*) и с заглавной фразой песни Боба Дилана *If not for you* (*Если бы не ты* в одноименной песне БГ относится явно не к любимой женщине, как у Дилана, а к некоему женскому божеству, возможно, Музе). Фразу *I can't take my eyes off you* из песни Дэмьена Райса „The Blower's Daughter” поэт в песне «Не могу оторвать глаз от тебя» переадресовывает с любимой женщины на Бога (ср. контекст: *Море расступилось передо мной, / Не выдержав жара огня / (...) Я ушел в пустыню, / Где каждый камень помнит твой след*).

Несколько иной смысловой сдвиг происходит с известной фразой *I Just Called To Say I Love You* из одноименной песни Стиви Уандера. Здесь Гребенщиков прибегает к приему эпатажа, используя саркастическую метафору глухонемой: *я позвонил тебе, сказать что люблю, / лучше б я был глухой и немой* («Мой друг доктор»), радикально меняющую всю прагматику фразы с любовного признания в признание жизненной ошибки.

В свою очередь заглавная фраза кельтской шуточной застольной песни *What shall we do with a drunken sailor?*, суть которой заключается в описании глумления над пьяным другом-матросом, прямо переведенная и использованная с тем же содержанием в песне «Что нам делать с пьяным матросом?», трансформируется у Гребенщикова в философский вопрос о России, напоминающей поэту пьяного матроса, которого надо спасать. Сходная прагматическая трансформация осуществлена и с заимствованной из шуточной песни о Бунгало Билле Джона Леннона фразой *Deep in the jungle* („The Continuing Story Of Bungallo Bill”). У БГ *Глубоко в джунглях* — это в России, где пьют, так как пьют, потому что иначе ничего не понять, / Но достаточно бросить спичку и огня будет уже не унять (песня «Джунгли»). В эту же группу можно отнести и довольно обширные цитаты из „On the Road Again” Боба Дилана. В оригинале молодой человек рисует неприглядную картину домашней обстановки своей возлюбленной, задавая ей вопросы *Then you ask why I don't live here? Honey, how come you have to ask me that? (...) Honey, I can't believe that you're for real.* У Гребенщикова в «Ты удивлена» идея разговора с любимой (скорее всего, бывшей) сохранена, но дом вырастает до объемов целой страны: *Ко мне подходят люди с намерением разбить мне нос (...) Ко мне подходит некто с автоматом и говорит: А бежишь ли ты кросс? (...) ты спросила есть ли у меня разрешение дышать / и действителен ли мой пропуск, чтобы выйти в кино.* В результате личные проблемы превращаются в социальные — *А ты удивлена отчего я здесь проездом (...) А ты удивлена, отчего я не живу здесь (...) Милая, ты знаешь, мне кажется, это ты не всерьез,* а расставание с любимой преобразуется в планы эмиграции.

В некоторых случаях дословность перевода невозможна по объективно-грамматическим причинам, но такие примеры все равно можно отнести к прямому переводному цитированию с прагматическими трансформациями смысла: так, название песни Битлз „I'll Follow the Sun” в «Манежном блюзе» выглядит как *я уйду вместе с солнцем*, а фраза *She's everything I need* из „Up to me” Боба Дилана — как *Мне не нужен никто другой* («Дело во мне»). Смысловой сдвиг в цитате из Битлз состоит в том, что следование героя оригинальной песни за солнцем — это образное изображение движения к свету, у БГ же это уход вместе с солнцем *дорогой, ведущей в закат* из места, где он не желает быть *вечно послушен*. Радикально изменен у Гребенщикова и объект возжелания в переводной цитате *She's everything I need* из Боба Дилана. У

Гребенщикова это также женщина, хотя на это и не указывает перевод цитаты: *Мне не нужен никто другой* (в тексте находим конкретизацию пола объекта желания: *Ты дала мне этот мир как игрушку*), однако это не возлюбленная, а опять некая женская божественная сущность, не исключено, что это Муза, которая не только дала поэту этот мир как игрушку, но и изображается как невидимая (*Говорят, тебя нет здесь, / Я слышал, что ты в стороне*) и недоступная (*Но если б я не смог достучаться до тебя*) спасительница многих (*А те, кто говорят, что не знают тебя, — / Только ты можешь их спасти*).

Переосмысление перевода осуществляется и во фразе *Мир, как мы его знали, подходит к концу, / мир, как мы его знали, — и Бог с ним* («Мир, как мы его знали»), заимствованной из песни группы R.E.M. „This is the end of the world as we know it”. У R.E.M. песня, из которой заимствуется фраза, — это типичный политический протест-зонг, у БГ же тема иронически переосмысливается в философском плане: расставание с миром, «как мы его знали» для лирического героя БГ не трагедия и не потеря, а время переходить «к чему-то другому».

Все остальные случаи переводного цитирования у Гребенщикова следует признать полной трансформацией перевода. Обычно такая трансформация сопровождается формальными модификациями, например, с метатезой: *Я пришёл, чтобы сделать приятно, и ещё соблюсти свой обет* (Из Калинина в Тверь) [ср.: *I came to fulfill my last promise and hoped to give you a surprise* — из „Belle Isle” Боба Дилана]; Это вырезано в наших ладонях, это сказано в звездах небес (Ты нужна мне) [ср.: *But it's written in the starlight / And every line on your palm* — из „Brothers in Arms” Дайр Стрейтс]. Но на формальных модификациях Гребенщиков здесь не останавливается. Здесь трансформируется как содержание, так и смысл цитируемых прецедентов. В первом примере у Дилана исполнение обещания и приятная неожиданность адресованы возлюбленной, у БГ — это его слушатель, с которым лирический герой ведет разговор о странной судьбе современных российских преобразований. Обратную процедуру Гребенщиков проделывает с антивоенной по своей прагматике песней Дайр Стрейтс. Принципиально сохраняя идею предначертанности судьбой, он переносит ее на молитву к своему божееству, своей Музе, вуалируя его при этом под любовное признание.

Основу трансформационных переводов прецедентных единиц у Гребенщикова составляют переводы с более или менее существенными лексическими заменами. Одни из них почти не влияют на содержание прецедента: название песни «Дело за мной» — это перевод „Up to me” Боба Дилана (БГ использует в переводе два разных клише: *дело за мной* и *дело во мне*); «Сыновья молчаливых дней», трансформирующее название песни Дэвида Боуи „Sons of the silent age” (дни заменяют век) и *Связной в доме любви* («Луна, успокой меня»), в которой связной заменяет шпиона из песни Дорз „Spy”: *I'm a spy in the house of love*.

Дилановские рефрены *it must be up to me* и *it was up to me* звучат

как призывы самому взяться за решение своих проблем, в то время как у Гребенщикова аналогичные рефрены *И, похоже, что дело за мной (...)* Я понял, что дело во мне — это констатации проблем лирического героя, связанных с духовными поисками. У Боуи в песне выстроена явная антитеза между сыновьями молчаливого века (бездумными посредственностями) и сыновьями звука (бунтарями, живущими собственным умом и чувствами). У БГ такой оппозиции нет, что заставляет семантизировать метафору молчания, либо актуализируя прецедент Боуи (так поступают те, кто его узнал), либо опираясь на собственный культурный фон (молчание как конформизм и подчинение господствующей в СССР системе). Существенный смысловой сдвиг происходит и при переносе идеи «тайного агента любви» из песни Моррисона в свою «Луна, успокой меня». Гребенщиковский «агент» — это *забытый связной в доме чужой любви, который потерял связь с миром, которого нет*. Это человек в духовном поиске, а не герой-любовник из произведения Дорз, который знает сны, желания и сокровенные тайные страхи любимой.

Еще более отдалены друг от друга по содержанию и смыслу название песни Боба Дилана „I'd Hate To Be You On That Dreadful Day” и ее формально незначительная трансформация в названии песни БГ «Я не хотел бы быть тобой в тот день». У Дилана пафос критики обобщен и направлен на грешников в лице всего человечества, у БГ же острие сарказма направлено на конкретную женщину, погрязшую в гордыне. Не исключено также, что это обобщенный протест против бездуховности, однако он образно очень сильно конкретизирован и психологизирован.

Трансформированный Гребенщиковым перевод финальной фразы стихотворения „The Song of Wandering Aengus” В. Б. Йейтса *The silver apples of the moon, The golden apples of the sun* довольно радикален в лексико-стилистическом и смысловом плане, хотя частично и сохраняет оппозицию Луны и Солнца из оригинала: *Из бешеных кактусов Солнца и серебряных яблок Луны* («Бессмертная сестра Хо»). Второй компонент прецедентного высказывания сохранен полностью, а первый полностью изменен. Утерян смысл противопоставления дневных (золота Солнца) и ночных (серебра Луны) жизненных наслаждений. Он оказывается заменен противопоставлением чувственно-дионисийской стихии *бешеных кактусов Солнца* и метафизически-духовных *серебряных яблок Луны* (серебро в идиостилевой концептуализации БГ — это символ божественности, духовности).

В остальных случаях формальные и лексические преобразования служат созданию совершенно нового художественного образа и преследуют реализацию иной, уже собственно гребенщиковской прагматики. Таковы, например, *Когда со мной случился двадцать пятый нервный срыв* из «Афанасий Никитин Буги» (ср. название песни Роллинг Стоунз „19th Nervous Breakdown”), где 25 указывает на ЛСД-25 как на источник срыва, *Стучаться в двери травы* (из одноименной песни), являющее-

ся трансформацией названия песни Боба Дилана „Knockin' on Heaven's Door”, содержащей намек на наркотический уход от неприемлемой реальности, характерный для 70-х годов, когда была написана песня, а также название песни «Дом Заходящей Луны», травестирующее известный хит группы Энималз „The House of Rising Sun” (гребенщиковский дом — это не желанный домашний очаг, а гнусный притон на Ордынке). В еще более острой иронической форме осуществляется дословный псевдоперевод не менее известной песни ансамбля Битлз „Strawberry fields forever” — *В поле ягода навсегда* (одноименная песня).

Сходны механизмы лексико-прагматической трансформации переводных прецедентов и в двух следующих примерах, которые представляют преобразование перевода одного и того же фрагмента из „Knockin' on Heaven's Door”. У Дилана это звучит: *Mama, put my guns in the ground / I can't shoot them anymore* (т.е. ‘Мама, зарой мои ружья в землю, я не могу больше стрелять’). Гребенщиков же использует эту цитату дважды. В первый раз — в «Стучаться в двери травы», преобразуя ружья в стрелы, а землю — в песок: *зарыл свои стрелы в песок* (но сохраняя при этом пацифистскую смысловую направленность прецедента), а во второй — в песне «Мама, я не могу больше пить», где трансформируется вся ситуация зарывания ружей в землю в выливание алкоголя: *Мама, вылей все, что стоит на столе, я не могу больше пить*. При этом смысловая нагрузка фразы обретает характер цивилизационного протеста против российского образа жизни (*Патриоты скажут, что я дал слабину, / Практически продал родную страну*).

Таким образом, можно подытожить представленный анализ констатацией наличия в идиостиле Бориса Гребенщикова трех характерных моделей цитирования иноязычных прецедентных единиц — прямое (в т.ч. формально модифицированное) переводное цитирование, прямой перевод с полной прагматической трансформацией и полностью трансформированный перевод. Источниками подобного переводного цитирования практически всегда у него являются произведения англоязычной рок-поэзии. Все остальные заимствования прецедентных единиц осуществляются обычно из переводных текстов. Исключение могут составлять некоторые цитаты из даосистской, буддистской и ламаистической литературы, обнаружение и анализ которых требует знания языка оригиналов.

**STUDIA
METHODOLOGICA**
No 47

Підписано до друку 10.11.2018 р.
Папір офсетний. 12,7 ум. др. ар.
Папір офсетний. Тираж 300.

Науково-редакційний відділ Тернопільського національного
педагогічного університету імені Володимира Гнатюка
46027, Тернопіль, вул. М. Кривоноса, 2

Редакція наукового альманаху *Studia methodologica*
а/с 554, м. Тернопіль-27, Україна, 46027.
Web: <http://studiamethodologica.com.ua>